

Информ. материалы +

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

информационные материалы

**НОВЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КНР**

ЧАСТЬ 1

Москва 2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр научной информации и документации

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Серия Г: «Общество и государство в Китае
в период реформ»

Выпуск 22

Часть I

НОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР

Материалы ежегодной научной конференции
Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН
(*Москва, 18–19 марта 2015 г.*)

Москва
ИДВ РАН
2015

УДК 323 (5 Кит)
ББК 60.56 (5 Кит)

Редакционная коллегия

А.В. Виноградов (Отв. редактор), С.А. Горбунова,
Ю.Ю. Перепелкин, П.В. Трошинский.

Оргкомитет конференции:

д.п.н. А.В. Виноградов (председатель),
д.э.н. Л.И. Кондрашова., к.и.н. Т.В. Лазарева,
к.ю.н. П.В. Трошинский.

Новые аспекты социально-политического развития КНР. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ (*Москва, 18–19 марта 2015 г.*) – М.: ИДВ РАН, 2015. – ...с. 192

This volume contains articles prepared on the basis of reports submitted to the annual scientific conference of the **Center of Political Studies and Prognoses of the Institute of Far Eastern Studies** in March 2015. Articles analyze main trends of party political life, various aspects of domestic and foreign policy of China, the development of law, the effect of economic reforms on the socio-political processes in PRC.

ISBN 978-5-8381-0265-2

H72

В сборнике публикуются статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на ежегодную научную конференцию Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока, состоявшуюся в марте 2015 г. Статьи посвящены анализу основных тенденций партийно-политической жизни, различным аспектам внутренней и внешней политики Китая, развитию права, влиянию экономических реформ на социально-политические процессы в КНР.

УДК 323 (5 Кит)
ББК 60.56 (5 Кит)

ISBN 978-5-8381-0265-2

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН, оформление, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

1. **Виноградов А.В.**
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КНР ПРИ СИ
ЦЗИНЬПИНЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ.....5
2. **Ломанов А.В.**
«ЧЕТЫРЕ ВСЕСТОРОННИХ» – НОВЫЙ
АСПЕКТ ИДЕОЛОГИИ КПК 17
3. **Переломов Л.С.**
КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА КНР – ТВОРЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОГО ИНСТИТУТА
КИТАЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (по
материалам книги «XVIII Всекитайский съезд КПК.
китайская мечта и Мир») 30
4. **Бородич В.Ф.**
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА КАК ФАКТОР
ПОЛИТИКИ РЕФОРМ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ... 37
5. **Перепелкин Ю.Ю.**
СИ ЦЗИНЬПИН: ВСЕСТОРОННИЕ РЕФОРМЫ
И МАСШТАБНАЯ КАДРОВАЯ ЧИСТКА 49
6. **Пивоварова Э.П.**
КНР: НЕЗАВИСИМОСТЬ В ВЫБОРЕ «ПУТИ,
ТЕОРИИ И СТРОЯ» 60
7. **Кондрашова Л.И.**
КИТАЙ: СОВРЕМЕННОЕ «УГЛУБЛЕНИЕ
РЕФОРМЫ» КАК НОВЫЙ ЭТАП ПОСТРОЕНИЯ
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ. 70
8. **Баженова Е.С.**
КИТАЙСКАЯ СЕМЬЯ: ИЗМЕНЕНИЯ В ХОДЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 82
9. **Почагина О.В.**
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ
МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ 92

10. <i>Демидо Н.Ю.</i> РОЛЬ ЧАСТНОГО ТЕАТРА «ПЭНХАО» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПЕКИНА	107
11. <i>Пиковер А.В.</i> ИНФОРМАТИЗАЦИЯ: ВСЕ ЛИ УЧИТЫВАЕТ НОВЫЙ СТАРЫЙ ПОДХОД?	126
12. <i>Горбунова С.А.</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ – ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ КИТАЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ	135
13. <i>Афоница Л.А.</i> ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА	145
14. <i>Лазарева Т.В.</i> ЗАКОН ОБ АВТОНОМИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АВТОНОМНОГО РАЙОНА ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ	156
15. <i>Картунова А.И.</i> АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «30 МАЯ» 1925 г. И ПОЛИТИКА И ТАКТИКА РКП(Б) И КОМИНТЕРНА НА РАЗНЫХ ЕГО ЭТАПАХ	172

1.

Виноградов А.В.,
ИДВ РАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КНР ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Аннотация: После смены руководства КПК в 2012 г. целый ряд предпринятых им мер свидетельствует о серьезных изменениях в достаточно целостной системе институционализированного авторитаризма, которые в известной степени нарушают преемственность и логику предыдущих изменений. Возникшие вследствие этого вызовы и угрозы существующей политической модели, вероятно, будут определять доминирующую тенденцию политического развития Китая на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: политическая система КНР, Си Цзиньпин, авторитаризм, коррупция, реформы.

Vinogradov Andrey, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
vinogradov-a.v@mail.ru

POLITICAL SYSTEM UNDER XI JINPING: NEW CHALLENGES AND THREATS

Abstract: After the CPC leadership has changed in 2012, a number of measures that were taken by them give evidence of major changes in a rather coherent system of institutionalized authoritarianism, which to some extent violate the continuity and logic of the previous changes. The threats and challenges to current political model arising from these changes are likely to determine the dominant tendency of political development of China in the short term.

Key words: political system of China, Xi Jinping, authoritarianism, corruption, reforms.

С момента образования политическая система КНР постоянно развивалась. Это был неравномерный, с серьезными от-

клонениями и отступлениями, но, в целом, поступательный процесс. Целенаправленный и системный характер он приобрел только с начала 1980-х гг., и поскольку доминирующей стала тенденция к ее совершенствованию, в отечественном Китае обращалось на потенциал ее институализации и меньше – вызовам и угрозам.

Целый ряд мер, предпринятых новым руководством после 18 съезда КПК (2012 г.), свидетельствует о серьезных преобразованиях уже достаточно целостной политической системы, которые в известной степени нарушают преемственность и логику предыдущих трансформаций. Появление вследствие этого новых вызовов и угроз, вероятно, будет определять доминирующую тенденцию ее развития на ближайшую перспективу. Во всяком случае, ясно, что существующая политическая система подвергается испытаниям и, как следствие, будет претерпевать серьезные изменения. В конечном счете, от нынешнего руководства зависит, станут ли они очередным этапом ее совершенствования или началом кризиса и разложения.

Сформировавшаяся к XVIII съезду КПК политическая система обладала следующими характерными чертами¹:

- партия авангардного типа, обладающая монополией на власть;
- отказ от пожизненной системы и ограничение сроков пребывания на высших постах;
- представление о поколениях руководителей, периодическое обновление руководства и передача власти от одного поколения другому;
- система поиска и подготовки высших партийно-государственных кадров в процессе обязательной ротации руководителей различного уровня и партийной учебы;
- идеологическая легитимизация нового поколения руководителей, которая подтверждает полномочия вновь пришедших политиков и позволяет уже ушедшим оставаться в идейно-

политическом пространстве и оказывать влияние на проведение политического курса;

- постепенность при передаче власти и постов новому руководству;

- пакетное распределение полномочий в рамках ПК ПБ и заранее согласованное назначение на посты генерального секретаря, премьера ГС, председателя ПК ВСНП, ВК НПКСК, секретаря ЦКПД, вице-премьера и заместителя председателя КНР. Несмотря на определенную внутреннюю динамику (например, вторым лицом в конце правления Ху Цзиньтао стал считаться председатель ПК ВСНП У Банго), существовала строгая иерархия членов ПК ПБ.

Таким образом, власть первого лица была ограничена как со стороны старшего поколения, так и соратниками по ПК ПБ. Если разделение властей создает систему сдержек и противовесов, обеспечивающих стабильность демократической власти, то указанный механизм распределения полномочий между высшими руководителями представляет собой систему сдержек и противовесов авторитарной системы.

Процесс передачи власти Си Цзиньпину был еще более технологизирован. За два года до съезда был проведен опрос высших партийных чиновников, которым было предложено высказать свое мнение относительно кандидатур на пост следующего генерального секретаря. Из двух претендентов – Си Цзиньпина и Ли Кэцяна, большинство высказалось в пользу Си Цзиньпина.

В созданном механизме не могли быть учтены случайные факторы – внезапная смерть одного из членов руководства, включая первое лицо, и, как следствие, не была прописана процедура его замены. (Надо думать, что в силу преимущественно эмпирического характера китайских реформ эта проблема, при ее возникновении, тоже будет решаться ситуационно, поскольку прописанная заранее процедура замещения в таких

случаях первого лица способна подорвать стабильность авторитарной системы).

Главной целью созданной системы было обеспечение преемственности курса, а его центральной задачей – поддержание стабильности при передаче власти. Смена курса не рассматривалась в качестве ее приоритетных функций. Появление новых социально-экономических и внешнеполитических ориентиров и задач, которые могли повлиять на распределение властных полномочий в руководстве страны, также не учитывалось, их решение оставалось прерогативой членов высшего руководства. В результате сформировался динамичный и гибкий, без признаков «застоя» вместе с ухудшением здоровья и работоспособности высшего руководства, но вместе с тем стабильный механизм, уравновешенный внутренним разделением полномочий, *предназначенный, однако, только для поддержания простого, линейного развития*, т.е. функционально не отличающийся от механизма государственного управления традиционного Китая. Создав целостную, но закрытую систему политического руководства, КПК продолжила традицию создания закрытых социально-политических систем, свойственных китайской цивилизации.

Несмотря на то, что избрание Си Цзиньпина на XVIII съезде КПК внешне проходило по отработанной и даже ставшей рутинной процедуре, уже тогда перед Китаем стоял серьезный вызов – модель социально-экономического развития, действовавшая на протяжении двух десятилетий, демонстрировала признаки своего истощения. Однако предыдущее поколение по объективным и субъективным причинам не начинало реформ. Для Ху Цзиньтао и его коллег такой выбор был не безусловен, поскольку действовавшая модель давала главное – темпы роста. Несмотря на ее невысокую эффективность, за счет высоких темпов Китай решал важные социально-экономические проблемы – повышал уровень жизни, боролся с безработицей, создавал систему социального страхования. С 2010 г. началось их

неуклонное снижение с 10,4% до 9,3% в 2011 г., до 7,8% в 2012, до 7,4% в 2013². В 2011 г. уже было ясно, что поддерживать темпы на том же уровне невозможно и, значит, модель развития, основанная на высоких темпах, устарела не только морально, но и физически. Это было отражено в решениях 4-й сессии ВСНП 11-го созыва, определивших цель удвоения ВВП в 2020 г. и, соответственно, среднегодовые темпы роста на весь этот период около 7%³.

Снижение темпов для Китая – это не просто исчезновение важнейшего инструмента решения социально-экономических проблем, замедление – это критическая точка в развитии, которая дает китайской цивилизации возможность объективно оценить свои достижения. Проблемы и разрывы, о которых говорили Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, но которые были частью поступательного движения, сейчас превращаются в проблемы практической политики, испытывая на прочность китайское государство. Качественное изменение задач хорошо видно, если вспомнить, что курс Ху Цзиньтао, определенный на 3-м пленуме 16-го созыва, заключался в «совершенствовании» (*ваньшань*) системы социалистической рыночной экономики⁴, а курс Си Цзиньпина, заявленный на 3-м пленуме 18-го созыва – во «всестороннем углублении реформ» (*цюаньмянь шэньхуа гайгэ*)⁵. Таким образом, на момент прихода к власти нового поколения китайских руководителей достоинства действовавшей модели исчезали, выводя из тени проблемы социальной справедливости и разрывов в уровнях доходов, образовавшихся в ходе быстрого, но неравномерного развития. Одной из центральных стала всеобъемлющая коррупция. Все это потребовало срочной и радикальной перестройки существующей системы социальных отношений.

Пятому поколению брошен и еще один, третий вызов. Решение всех этих сложных задач усугубляется приближением 100-летнего юбилея КПК, который приходится на завершающий период правления Си Цзиньпина в 2021 г. Предстоящий

юбилей поставил перед ним предельно высокие цели – фактически Си должен будет отчитываться за все 100 лет деятельности КПК и за все 200 лет борьбы против иностранного проникновения и господства, начиная с «опиумных войн».

Медлить со сменой курса, чтобы, сохранив власть и политическую стабильность, показать достойные социально-экономические результаты к 100-летию КПК, больше было нельзя.

Курс 3-го пленума 18-го созыва на углубление реформы, первым годом которого был провозглашен 2014 г., сравним по масштабу и сложности задач с началом реформ после 3-го пленума 1978 г. Как и тогда, сейчас стоит задача формирования новой стратегии развития. Для этого новому руководству нужно было сначала завоевать авторитет в партии и обществе.

Для Си Цзиньпина это оказалось не рядовой процедурой. Борьба за пост лидера 5-го поколения для Си Цзиньпина в отличие от Ху Цзиньтао, формально не имевшего конкурентов, не была ритуальной. Ни личной харизмой Дэн Сяопина, ни завоеванным в 1987–1989 гг. авторитетом сильного и жесткого руководителя, как Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао не обладал. Такого шанса ему не дала история – он должен был просто выполнять задачу, которая была перед ним поставлена – сохранять и пользоваться созданной до него экономической системой. Именно так была сформулирована задача его правления на 3-м пленуме ЦК (2003 г.). Однако сразу после отставки Ху в Китае стали открыто говорить об этих годах правления как о «потерянном десятилетии». Не последнюю роль сыграло и то, что рядом с Ху Цзиньтао находился другой живой авторитет – Цзян Цзэминь, сохранивший влияние, прежде всего, на решение кадровых вопросов. Ущербная репутация, безусловно, сыграла свою роль в том, что Ху не позволили провести своего кандидата Ли Кэцяна на пост генерального секретаря. По этой же причине он не смог в полной мере поделиться легитимностью и с новым генсеком – Си Цзиньпином. Легитимность,

доставшаяся Си от предшественника, также была ущербной. Ситуацию усугубляло относительно непродолжительное по сравнению с Ху пребывание Си в составе Постоянного комитета ПБ – всего один пятилетний срок. В преемственности поколений наметилась трещина, которую КПК попыталась ликвидировать на системном уровне.

В авторитарном государстве единственным действенным инструментом усиления является укрепление личной власти. Идея о концентрации полномочий нашла поддержку в руководстве КПК, согласившимся сократить число членов ПК ПБ ЦК КПК 18-го созыва с 9 до 7 человек. Передача всех постов от Ху к Си также прошла в рекордно короткие сроки, избавив его от чересчур плотной опеки предшественника.

В условиях дефицита авторитета начало практических преобразований помимо высокой концентрации власти требовало смелости и воли, которые на первых порах могли компенсировать недостаток авторитета. Популярным в обществе идеям перераспределения доходов и собственности Си противопоставил идею общего блага – «китайской мечты» о возрождении, которая полностью соответствовала задаче достойно встретить предстоящий юбилей КПК.

Но у Си Цзиньпина были и личные резервы повышения легитимности, которыми он воспользовался. В 2013 г. он организовал празднование 100-летнего юбилея своего отца Си Чжунсюна во всекитайском масштабе. Преемственность на семейном уровне сыграла, возможно, решающую роль при выборе его преемником, подсказав идею проведения этого мероприятия. (Однако при использовании этого критерия, рядом с Си оказывался другой энергичный и популярный в Китае политик, с не менее «аристократическим» происхождением – Бо Силай, который к тому же вполне обоснованно претендовал на представительство в ПБ «новой левой» идеологии, востребованной в обществе).

Помимо авторитета отца Си использовал популярность жены. У Китая появилась полноценная первая леди, на протяжении длительного времени гораздо более известная, чем сам Си Цзиньпин, – певица, народная артистка КНР Пэй Лиюань, ставшая неотъемлемой частью его имиджа.

Все эти меры по укреплению авторитета Си сопровождаются массовым изданием его трудов и мощной пропагандистской кампанией в СМИ, близкой по масштабам к формированию культа личности.

Подключив личные ресурсы в дополнение к системным, Си Цзиньпин смог продвинуться в решении задачи по повышению своего авторитета. Но используя их для решения системной задачи, он вновь ввел в действие случайные факторы, с влиянием которых как классом и боролась институализация.

Возможно, к еще более серьезным последствиям может привести то, что при нем конституируется новый системный параметр – принадлежность к высшему правящему слою, корпоративная замкнутость власти, которая сама по себе считается системным пороком авторитаризма.

Таким образом, Си Цзиньпин, строго следуя отработанной процедуре преемственности власти, прошел все обязательные этапы и даже нарастил усилия на некоторых из них. Но принятых шагов в рамках существующих механизмов ему показалось, или оказалось, недостаточно. Он попытался укрепить личную власть с помощью дополнительных полномочий, которые бы формально не нарушали существующее распределение функций в ПК ПБ. Во-первых, возглавив Руководящую группу по углублению реформы, он отодвинул от выработки стратегических решений в области экономики Ли Кэцзяна. Во-вторых, создав и возглавив Совет государственной безопасности (СГБ), он взял на себя часть контрольных функций и функций обратной связи, которые были сосредоточены у ВСНП, НПКСК и ЦКПД, и тем самым автоматически несколько понизил роль остальных членов ПК ПБ. Наконец, в-третьих, встав во главе

созданной Руководящей группы по интернету и кибербезопасности, он поставил под свой контроль информационные потоки, создав рычаги воздействия на формирование общественного мнения.

В результате появления новых центральных органов существенно изменилась конфигурация полномочий высших должностных лиц в партии и государстве, сузилась сфера распределения властных полномочий в ПК ПБ, что и составляет сферу политического. С момента ухода Хуа Гофэна ни у одного китайского лидера не было таких официальных полномочий как у Си Цзиньпина. Они не только превосходят совокупные полномочия соратников по ПК ПБ, но и соперничают с авторитетом бывших лидеров Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Его предшественники к тому же ответственны за создание действующей социально-экономической модели, которую, как было заявлено на 3-м пленуме (2013 г.), предстоит «глубоко реформировать».

Таким образом, переход к новой социально-экономической модели потребовал усиления роли авторитарного государства, и ради этого пришлось вносить изменения в механизмы институализированного авторитаризма, которые складывались на протяжении последних 35 лет.

Чем на фундаментальном уровне опасен авторитаризм в абсолютной версии, к которой под давлением обстоятельств движется Си?

Сосредоточив в ущерб коллегиальности беспрецедентные полномочия по проведению реформы, Си для их надлежащего выполнения неизбежно должен будет больше опираться на аппарат. Перераспределение власти между политиками постепенно будет уступать свое место наделению властью чиновников и функционеров, не обладающих необходимой мерой политической и исторической ответственности.

Реальная власть в государстве может сместиться к всемогущему в обществе и бесправному по отношению к вождю

аппарату. Такое положение порождает гигантские деформации в соблюдении принципов социальной справедливости и нравственных норм и способно ухудшить существующую, далекую от идеальной ситуацию. Один из очевидных негативных сценариев – повторение того, что произошло при Мао Цзэдуне, когда политические оппоненты в партии и за ее пределами были уничтожены или подчинены его воле, в результате чего преемниками стали слабые фигуры, не соответствующие требованиям авторитарного правления.

В этих условиях борьба с коррупцией может превратиться и уже превратилась в универсальный политический инструмент кадровой политики – один из главных в авторитарном государстве. Уголовные дела против бывшего члена ПК ПБ Чжоу Юнкана и заместителя председателя ЦВС Сюй Цайхоу дали ясный сигнал силовикам, региональным и отраслевым кланам об отсутствии у них иммунитета, а также стали предупреждением предшественникам против попыток оспаривать текущие и предстоящие изменения.

В результате существующие механизмы институализированного авторитаризма выводятся из употребления.

Первое. Принцип ограничения действующего руководства со стороны предшественников серьезно ослаблен.

Второе. Снижение роли членов ПК ПБ по отношению к первому лицу неизбежно ведет к нарушению иерархии как важнейшего принципа организационного построения руководства. Когда все равны в своем неравенстве перед первым лицом, тогда может возникнуть желание его убрать, конечно, только если авторитет первого лица может быть оспорен, а авторитет Си пока еще может. Воздерживаясь от оценки реалистичности подобного сценария, все же думаю, что любые подвиги в иерархической структуре будут провоцировать рост фракционных настроений в руководстве КПК.

Третье. Идеологическая легитимизация преемника до последнего времени не противоречила идеологическим принци-

пам предшественников. Высокие темпы роста обеспечивались его неравномерностью, в их основе лежал лозунг Дэна – «обогащайтесь первыми». Сейчас ситуация изменилась, этот лозунг стал причиной и источником роста социальной несправедливости. Перед Си стоит задача не просто корректировать политику, а поменять принципы и одновременно сохранить преемственность, так как это сделал до него Дэн Сяопин. Для Китая смена принципов с учетом доминирующего положения истории всегда была очень сложной задачей. Уже сейчас ясно, что его правление будет проходить и под иным, более прикладным и неизбежно функциональным девизом, чем «китайская мечта», таким, как «4 модернизации» и «4 основных принципа» Дэн Сяопина или идея «тройного представительства» Цзян Цзэминя. На такую идею может претендовать выдвинутая в конце 2014 г. задача «4 всесторонних»: всесторонне строить общество средней зажиточности, всесторонне углублять реформы, всесторонне управлять страной в соответствии с законом и всесторонне строго управлять партией.

Само появление «4 всесторонних» может свидетельствовать об усложнении идейно-теоретических основ правления каждого поколения руководителей. В императорском Китае девиз правления формулировал главную проблему, стоящую перед властью и требующую решения. В современном Китае происходит усложнение этой категории. Сначала появляется лозунг или девиз, который указывает на главную цель, например, «гармоничное социалистическое общество» или «китайская мечта», а затем – главный инструмент достижения этой цели, соответственно, «научный взгляд на развитие» и «4 всесторонних».

Четвертое. Настораживает появившаяся в ближайшем окружении жена, которая сыграла важную роль в повышении его легитимности. Появление женщины в таком качестве в современной китайской политике всегда вызывает ассоциации с Цзян Цин, которая в итоге не удовлетворилась ролью первой

леди. Может быть менее яркий, но также отражающий тревожную тенденцию усиления роли семейных связей пример жены Бо Силая Гу Кайлай, активно пользовавшейся положением мужа, как выяснилось, в преступных целях. И если для того, чтобы поставить себе на службу авторитет отца достаточно было отметить 100-летие со дня его рождения, то жена для выполнения своей функции должна все время находиться рядом, превращаясь в невольного свидетеля и участника. И это тоже закономерный итог перераспределения власти не между членами ПК ПБ, а между Си Цзиньпином, с одной стороны, и окружением и аппаратом – с другой, в разряд которого постепенно могут перейти и члены высшего руководства.

Пятое. Усиление сословно-корпоративной замкнутости. В Китае уже говорят о формировании шэньсийской, по аналогии с шанхайской и чжэцзянской, группировки в составе Си Цзиньпина, отец которого родом из Шэньси, Ван Цишаня и Юй Чжэншэна (тоже уроженца пров. Шэньси)⁶. Такие связи, безусловно, могут способствовать дальнейшему разложению официальной партийной иерархии.

Усилия, которые уже предпринял Си для достижения своих целей, ведут к серьезной трансформации существующего властного механизма. Если ему удастся выполнить поставленные задачи, сохранив стабильность, значит, у системы институционального авторитаризма есть запас прочности, если - нет, значит, в механизме есть изъяны, анализ которых предстоит провести. Станут ли действия Си эффективным ответом на возникшие вызовы или сами, в случае неудачи превратятся в угрозы, потому что существующий механизм будет демонтирован, а новый будет неэффективным, пока не ясно: многие достижения институализации отвергнуты или поставлены под сомнение, есть признаки восстановления традиционного авторитаризма. Перед системой возник новый вызов, может быть самый главный – проверка эффективности механизма отбора высших должностных лиц. Может ли современная китайская

система отбирать действительно харизматичных лидеров, таких как, например, Дэн Сяопин?

-
- ¹ См., например, А.Виноградов. Политическая модернизация: проблемы институализации в Китае и России. Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб., 2012, №2. С. 66-77.
- ² Чжунго гоцзя чжили сьяндайхуа. (Модернизация управления китайским государством.) Под ред Ху Аньгана. П., 2014, с.24.
- ³ 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要(全文). (Государственный план социально-экономического развития народного хозяйства на 12 пятилетку. (Полный текст)) http://www.gov.cn/2011/05/content_1825838_2.htm; <http://news.sina.com.cn/c/2011-03-05/094422057483.shtml>.
- ⁴ Жэньминь жибао. 13.10.2003.
- ⁵ Жэньминь жибао. 13.11.2013. <http://russian.people.com.cn/31521/8454675.html>
- ⁶ См., например, Li Cheng. Xi Jinping's Inner Circle. (Part 1. The Saanxi Gang). // China Leadership Monitor. 2014, №43, P.3; A.Miller. The trouble with Factions. // China Leadership Monitor. 2015, №44, P.3.

2.

Ломанов А.В.,
ИДВ РАН

«ЧЕТЫРЕ ВСЕСТОРОННИХ» – НОВЫЙ АСПЕКТ ИДЕОЛОГИИ КПК*

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования концепции «четырёх всесторонних» в выступлениях Си Цзиньпина в период с ноября 2014 по февраль 2015 г. Выявлены основные акценты трактовки «четырёх всесторонних» в редакционной статье «Жэньминь жибао», ставшей сигналом для развертывания широкомасштабной кампании по пропаганде новой идеологической концепции КПК.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, «четыре всесторонних», «китайская мечта», реформы, идеология

Lomanov Alexander, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
zagransasha@hotmail.com

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00410 «Философско-мировоззренческие истоки концепции “китайская мечта”»

“FOUR COMPREHENSIVES” – A NEW IDEOLOGICAL CONCEPT OF THE CCP

Abstract: The article is focused on the process of formation of the “Four Comprehensives” concept in Xi Jinping’s speeches between November, 2014 and February, 2015. Revealed are main accents in interpretation of the “Four Comprehensives” in the *People’s Daily* editorial that signaled launching wide-scale propaganda campaign of the new ideological concept of the CCP.

Keywords: Xi Jinping, Four Comprehensive, Chinese Dream, reforms, ideology

Появление в декабре 2014 г. концепции «четырёх всесторонних» (四个全面) и развертывание в феврале 2015 г. широкомасштабной кампании по ее популяризации свидетельствует об укреплении идеологической базы правления Си Цзиньпина. Первый шаг в этом направлении был сделан в ноябре 2012 г., когда только что занявший пост генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин выдвинул лозунг осуществления «китайской мечты». Через два года после этого события появилась концепция «четырёх всесторонних», которая обобщает основные политические решения 2012-2014 гг. и указывает направления работы на ближайшие годы.

Новая концепция включает в себя четыре компонента – «всестороннее завершение строительства общества малой зажиточности *сяокан*, всестороннее углубление реформ, всестороннее продвижение управления страной на основании закона, всестороннее строгое управление партией (全面建成小康社会、全面深化改革、全面推进依法治国、全面从严治党)». Она носит комплексный характер и включает задачи в сферах экономики, государственного управления, наведения порядка в партийных делах. После того, как весной 2015 г. «четыре всесторонних» заняли центральное место в официальных СМИ, эта концепция стала ключевой характеристикой политики Си Цзиньпина. Высказывания китайского лидера в период с ноября 2014 по фев-

раль 2015 г. стали основой для последующего обобщения содержания концепции «четырех всесторонних» и ее комментирования.

Формирование концепции «четырех всесторонних»

Следует обратить внимание, что поначалу речь шла не о четырех, а о трех «всесторонних». Выступая 28 октября 2014 г. с пояснениями к посвященному правовым проблемам постановлению 4-го пленума ЦК КПК, Си Цзиньпин указал на связь решений пленума с духом XVIII съезда КПК и 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: они «воплощают логическую связь “трех всесторонних” (“三个全面”的逻辑联系) – всестороннее завершение строительства общества *сяокан*, всестороннее углубление реформ, всестороннее продвижение управления страной на основании закона»¹.

В начале ноября 2014 г. во время поездки в провинцию Фуцзянь Си Цзиньпин упомянул те же три компонента, хотя понятие «три всесторонних» использовано при этом не было. Китайский лидер призвал «скоординировано продвигать вперед» работу по трем направлениям, поддерживать силы развития, активность и сплоченность в обществе².

В декабре 2014 г. во время поездки Си Цзиньпина в провинцию Цзянсу к трем элементам был добавлен еще один – «всестороннее строгое управление партией». Тезис о «скоординированном продвижении вперед» всех четырех направлений работы был дополнен призывом «вывести политику реформы и открытости наряду со строительством социалистической модернизации на новый уровень»³. Дальнейшее развитие концепции «четырех всесторонних» стало процессом накопления новых характеристик и акцентов, появлявшихся в выступлениях китайского лидера.

В последний день 2014 г. Си Цзиньпин два раза затронул тему «всесторонних». В новогоднем поздравлении впервые было сказано о соотношении между вторым и третьим компонентами, то есть между реформами и правлением по закону.

«Мы продолжим всестороннее углубление реформ, выпущенная из лука стрела не возвращается, в решающий момент реформы смельчаки победят. Мы будем всесторонне продвигать управление страной на основании закона, с помощью закона гарантировать права народа, защищать социальную справедливость, способствовать развитию государства. Нужно, чтобы всестороннее углубление реформ и всестороннее продвижение управления страной на основании закона были подобны двум крыльям птицы, паре колес повозки (如鸟之两翼、车之双轮), продвигая к своевременной реализации цели всестороннего построения общества малой зажиточности»⁴.

В этом же выступлении продвижение «всестороннего строгого управления партией» было поставлено в один ряд с призывами «высоко поднять острый меч борьбы с коррупцией» и «укрепить институциональную клетку» (扎牢制度的笼子) для противодействия лихоимству: «В социалистическом государстве под руководством КПК при обнаружении коррумпированного элемента в его отношении проводить расследование, если есть коррупция – обязательно наказать, если есть взяточничество – обязательно искоренить (有腐必惩, 有贪必肃)».

В тот же день, 31 декабря 2014 г. на новогоднем чаепитии в НПКСК Си Цзиньпин поставил акцент на связи новой концепции с идеологическими установками, связанными с политическим наследием предшественников, управлявших страной в период реформ – Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. «Нам нужно всесторонне претворять в жизнь дух XVIII съезда и 3-го, 4-го пленумов ЦК КПК 18-го созыва, под руководством теории Дэн Сяопина, важных идей “тройного представительства”, научного взгляда на развитие продолжать продвигать вперед всестороннее завершение строительства общества *сяокан*, всестороннее углубление реформ, всестороннее продвижение управления страной на основании закона, всестороннее строгое управление партией, выявлять двигатели инноваций, укреплять противодействие рискам, усиливать гарантии народного

благополучия, своевременно выполнять целевые задачи, установленные планом 12-й пятилетки»⁵.

Упоминание «четырех всесторонних» после «теории Дэн Сяопина», «тройного представительства» и «научного взгляда на развитие», вошедших в Устав КПК в качестве составных частей партийной идеологии, выглядело как намек на возможность возвышение «четырех всесторонних» до аналогичного статуса. При этом Си Цзиньпин поначалу не связывал «четыре всесторонних» с предложенным двумя годами ранее лозунгом «китайской мечты», что создавало неопределенность при трактовке места «мечты» в обновленном идеологическом ландшафте.

Интеграция «мечты» и «всесторонних» произошла в выступлении Си Цзиньпина 16 января 2015 г. на заседании по заслушиванию отчетов парторганизаций ПК ВСНП, Госсовета, НПКСК, Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры. «Осуществить “две столетние” цели борьбы, осуществить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации, провести единое планирование всестороннего завершения строительства общества *сяокан*, всестороннего углубления реформ, всестороннего продвижения управления страной на основании закона, всестороннего строгого управления партией – это беспрецедентное в истории великое дело, это трудный системный проект, обязательно нужно укреплять централизованное единое руководство со стороны ЦК партии, дабы гарантировать правильное направление, сформировать мощные объединенные силы»⁶.

«Две столетние цели» были провозглашены на XVIII съезде КПК в отчетном докладе Ху Цзиньтао – к столетию создания КПК (2021 г.) намечено «завершить строительство общества *сяокан*», а к середине века к столетию образования КНР построить «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство». После прихода к власти Си Цзиньпин заявил, что «завершение всестороннего строительства общества *сяокан*»

является частью «китайской мечты». «Четыре всесторонних» развивают «китайскую мечту», дополняют ее указанием на конкретные направления работы.

23 января 2015 г. на 20-й коллективной учебе ПБ ЦК КПК 18-го созыва, посвященной диалектическому материализму, Си Цзиньпин высказался о философских и методологических аспектах «четырех всесторонних». «Мы выдвинули скоординированное продвижение всестороннего завершения строительства общества *сяокан*, всестороннего углубления реформ, всесторонней опоры на закон при управлении страной, всесторонней строгости при управлении партией - это главные противоречия в нынешних делах развития партии и государства, которые нужно разрешить. Нам обязательно нужно обращать внимание на общий замысел, также обращать внимание на то, чтобы ухватиться за главное звено (牛鼻子 – букв. «нос коровы»). В любой работе нам нужно придерживаться двустороннего подхода (两点论), также нужно придерживаться главного пункта, если нет главного и второстепенного, не проводят различие и сразу хватают за брови и бороду (眉毛胡子一把抓), тогда хорошо работу не сделать»⁷.

В идейно-теоретической традиции КПК понятие «двусторонний подход» указывает на умение выявлять главную сторону противоречия и второстепенную сторону противоречия. Эта традиция восходит своими корнями к философским воззрениям Мао Цзэдуна, изложенным в работе «О противоречии». Включение «четырех всесторонних» в контекст диалектического материализма, представляющего «мировоззрение и метод китайских коммунистов», стало заявкой на обоснование теоретического значения идеологического новшества Си Цзиньпина. Китайский лидер заявил, что партия должна сплотить и повести народ на реализацию «четырех всесторонних», выполнить «две столетние цели» и осуществить «китайскую мечту». Для этого «требуется постоянно впитывать мудрость марксистской философии, сознательно придерживаться диа-

лектического материализма и использовать его, укреплять диалектическое мышление, способность стратегического мышления, старательно повышать способность решения основных проблем реформ и развития»⁸.

Тезисы о стратегическом значении «четырех всесторонних» и соответствующие характеристики их отдельных компонентов прозвучали 2 февраля 2015 г. в выступлении Си Цзиньпина на открытии семинара Партшколы ЦК КПК для руководящих кадров провинциального уровня. «Всестороннее строительство общества *сяокан* – это наша стратегическая цель. Всестороннее углубление реформ, всестороннее продвижение управления страной на основании закона, всестороннее строгое управление партией – это три великих стратегических мероприятия. Нужно уяснить положение всестороннего управления страной на основании закона в стратегической диспозиции (战略布局) “четырех всесторонних”, глубоко понять отношения всестороннего управления страной на основании закона с тремя другими “всесторонними”, старательно добиваться взаимного дополнения, взаимного продвижения, взаимного выявления “четырех всесторонних”»⁹.

Формулировки одной «стратегической цели», трех «стратегических мероприятий» и общей «стратегической диспозиции» «четырех всесторонних» легли в основу дальнейшей широкомасштабной пропаганды новой концепции. Помимо этого, важное место занял тезис об органическом единстве компонентов «четырех всесторонних» и о возможности достижения «стратегической цели» лишь при условии совместного осуществления «стратегических мероприятий».

11 февраля 2015 г. на чаепитии с непартийными деятелями перед Праздником Весны Си Цзиньпин вновь высказался о «стратегической диспозиции», после чего эта характеристика стала повсеместным дополнением понятия «четыре всесторонних» в официальной политической лексике и комментариях. Китайский лидер впервые указал на источники новой концеп-

ции: «Стратегическая диспозиция “четырёх всесторонних” появилась из реальных потребностей развития нашей страны, из горячих чаяний народных масс, она также выдвинута для продвижения разрешения стоящих перед нами заметных противоречий и проблем»¹⁰.

Тема исторической преемственности прозвучала во время поездки Си Цзиньпина в провинцию Шэньси. 14 февраля 2015 г. в первой половине дня китайский лидер посетил место проведения VII съезда КПК. «Он прочувствованно сказал: “Я бывал здесь много раз, во времена работы в производственной бригаде я всякий раз приезжал в Яньань посмотреть, каждый раз получал духовную закалку”»¹¹.

Нынешний визит стал напоминанием о грядущей юбилейной дате: VII съезд КПК прошел 70 лет назад в апреле-июне 1945 г. На этом съезде получили официальный статус «идеи Мао Цзэдуна». Они были охарактеризованы как соединение теории марксизма-ленинизма и практики китайской революции, как «китайский марксизм», который служит руководством к действию во всех начинаниях КПК. Этот шаг открыл путь для дальнейшего расширения идеологического арсенала КПК, вплоть до связанного с именем Цзян Цзэминя «тройного представительства» и «научного взгляда на развитие» Ху Цзиньтао.

Высказывания Си Цзиньпина в Яньани соединили решения 1945 г. и современные идеологические течения. Китайский лидер отметил: «VII съезд утвердил правильную программу и тактику, сконцентрированно обобщил добрые поветрия, сложившиеся в партии в ходе долгой борьбы, утвердил руководящее место идей Мао Цзэдуна для всей партии». В продолжение он указал, что осуществление «четырёх всесторонних» «требует от всех партийных товарищей продвигаться в ногу со временем, обладать духом вдохновенности высокими целями, постоянно продвигать практические инновации и теоретические инновации, продолжать писать новые главы в книге китаизации марксизма и приведения его в соответствие с эпохой»¹².

Обобщение и пропаганда концепции «четырёх всесторонних»

Сигналом для начала широкомасштабной кампании пропаганды «четырёх всесторонних» стала публикация в «Жэньминь жибао» 25–28 февраля 2015 г. серии первополосных редакционных комментариев. Важнейшим стал первый комментарий от 25 февраля, содержащий общую характеристику «четырёх всесторонних» и разъяснявший их значение в контексте политики Си Цзиньпина. Тезисы этой публикации, озаглавленной «Ведущая к национальному возрождению стратегическая позиция – первое рассуждение о скоординированном продвижении “четырёх всесторонних”», стали основополагающими для последующих многочисленных пропагандистских и комментаторских материалов, увидевших свет после выступления «Жэньминь жибао».

Редакционный комментарий открывает фраза: «Нет более славного призвания, чем вести нацию к возрождению, нет более возвышенного дела, чем сплотить более чем миллиардный народ вокруг общей мечты». В ней, как и в заголовке материала, содержится четкое указание на связь «четырёх всесторонних» с «китайской мечтой».

Истоком появления новых подходов назван ноябрь 2012 г., когда Си Цзиньпин принял «эстафетную палочку истории» в качестве генерального секретаря ЦК КПК. Статья напоминает о его делах в первый месяц пребывания у власти - посещение выставки в Государственном музее и провозглашение «китайской мечты», поездка в Шэньчжэнь и начало новой волны реформ, памятные мероприятия в честь Конституции 1982 г. и акцент на правовом правлении, введение «восьми правил», ограничивающих привилегии чиновников. Чтобы показать процесс формирования «четырёх всесторонних», редакционный комментарий указывает, что за два года произошло продвижение от акцента XVIII съезда КПК на «всестороннем строительстве общества *сяокан*» к решениям 3-го пленума ЦК КПК 18-го

созыва о «всестороннем углублении реформы» и 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва о «всестороннем управлении страной на основании закона» вплоть до провозглашения курса на «всестороннее строгое управление партией» Си Цзиньпином в октябре 2014 г. на заседании по обобщению практической деятельности преподавания партийной линии масс.

Комментарий напоминает о проблемах современного Китая – при большом объеме экономики низкие душевые показатели, трудность перехода к совместному богатству после политики первоочередного обогащения части общества, давление сырьевых и ресурсных ограничений, отрыв запросов развития от инновационного потенциала, взаимное наложение внутренних и внешних угроз безопасности. Ответом на трудности, стоящие на пути модернизации Китая, стала новая концепция. «Генеральный секретарь Си Цзиньпин, придерживаясь ориентации на проблемы и научного мышления, исходя из полного кругозора и стратегического взгляда современного китайского коммуниста, укрепляя уверенность Китая в себе, опираясь на китайскую реальность, обобщив китайский опыт, в ответ на китайские трудности выдвинул стратегическую диспозицию “четырёх всесторонних”». Далее указано, что «четыре всесторонние» «опираются на общую ситуацию в управлении государством, берутся за ключевое звено реформы, развития и стабильности, руководят общим планом развития Китая, утверждают стратегическое направление, ключевые сферы и цели главного удара во всей работе партии и государства в новой обстановке».

В последующей пропагандистской кампании были широко использованы перечисленные в редакционной статье «Жэньминь жибао» новаторские аспекты «четырёх всесторонних». «В первый раз всестороннее построение общества *сяокан* определено как “ключевой шаг в осуществлении великого возрождения китайской нации”. В первый раз общая цель всестороннего углубления реформ установлена как “совершенство-

вание и развитие строя социализма с китайской спецификой, продвижение модернизации системы правления и способности управления государством”. В первый раз всестороннее управление государством на основании закона описано как “сопутствующая глава” всестороннего углубления реформ, образующих “два крыла птицы, пару колес телеги”. В первый раз утверждён путь всестороннего строгого управления партией, выдвигается требование “усиливать в строгом управлении партией системность, предвидение, творческий характер, результативность”, выковывается для нашего дела ещё более крепкое руководящее ядро. Каждая “всесторонность” целостно обобщает практику, продолжает прошлое и открывает будущее, создаёт новое, обладает уникальной особой системной идеей, озарена сиянием теории диалектического материализма и исторического материализма». Особое значение для оценки теоретического авторитета «четырёх всесторонних» представляют слова о том, что это «новый скачок во взаимном соединении марксизма и китайской практики».

Обоснование актуальности «четырёх всесторонних» для современного Китая открывается цитатой из ранней работы К.Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение»: «Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей»¹³.

Применительно к Китаю эта потребность проявляется в том, что по мере развития страны необходимым выбором в процессах развития и управления становятся характеристики системности, целостности и скоординированности. За два года эти требования нашли воплощение в политике реформ, продвижении управления государством на основании закона, укреплении правления партией, государством и армией, борьбе против коррупции, координации внутренней политики, дипломатии и обороны, сопряжении «китайской мечты», «азиатской мечты» и «мировой мечты». «За короткие два с небольшим года науч-

ное единое планирование, скоординированное продвижение важной политики позволило изменить ситуацию, облик стал новым, сердце народа воспрянуло. Реальность полностью подтверждает, что “четыре всесторонних” представляют стратегический подход в отстаивании и развитии пути, теории и строя социализма с китайской спецификой».

«Жэньминь жибао» особо выделила выступление Си Цзиньпина на первой в 2015 г. коллективной учебе ПБ ЦК КПК, раскрывшее философскую основу стратегической диспозиции «четырёх всесторонних» и показавшее их стратегическую важность. «Развитие – основная тема эпохи и общее стремление всех стран мира, реформа – двигатель социального прогресса и течение эпохи, правовое правление – это важная гарантия модернизации системы и способности правления государства, строгое управление партией – это необходимое требование строительства, усиления себя правящей партии. Четыре компонента не просто перечислены друг за другом, они органически связаны, это взаимно пронизывающий проект на высшем уровне».

Комментарий подчеркивает, что ключевая особенность «четырёх всесторонних» в том, что они придерживаются китайского пути и создают преимущества Китая. «Эта стратегическая диспозиция объединена великой мечтой о возрождении китайской нации, великим делом социализма с китайской спецификой, новым великим проектом партийного строительства, великой борьбой со многими новыми историческими особенностями, которую мы ведем ныне». Рассуждения о соприкосновении истории КПК и будущего завершаются поэтическими цитатами, которые использовал Си Цзиньпин при рассказе о «китайской мечте» в ноябре 2012 г. «Вчерашний день Китая» – «понапрасну считали, что форпост прочен и крепок» (雄关漫道真如铁, из стихотворения Мао Цзэдуна), «сегодняшний день Китая» – «время огромных перемен» (人间正道是沧桑, из стихотворения Мао Цзэдуна), «завтрашний день Китая» – «с по-

путным ветром ринуться вперед на всех парусах» (直挂云帆济沧海, из стихотворения Ли Бо)¹⁴. Включение этих цитат в текст о «четырех всесторонних» в образной форме продемонстрировало связь новой концепции с «китайской мечтой».

Появление концепции «четырех всесторонних», дополняющей лозунг «китайской мечты», указывает на формирование собственной идейно-теоретической системы Си Цзиньпина, описывающей проводимую им политику. За исключением первого компонента («всестороннее строительство общества сяокан»), остальные «всесторонние» связаны с решениями двух партийных пленумов, состоявшихся в 2013 и 2014 гг., а также с антикоррупционной политикой китайского лидера. По отдельности элементы «четырех всесторонних» не являются новыми – об углублении реформ в Китае много говорили при Дэн Сяопине, лозунг «правления по закону» стал популярен еще при Цзян Цзэмине, призывы к борьбе с коррупцией также присутствовали в официальной идеологии задолго до прихода к власти нынешнего лидера. В ходе пропагандистской разъяснительной кампании главный акцент сделан на комплексной трактовке нового лозунга. «Четыре всесторонние» требуют тесной взаимной координации реформ, правового механизма и антикоррупционной борьбы, при этом в рамках каждого отдельно взятого направления работа должна быть «всесторонней», а не фрагментарной.

Быстрое возвышение «четырех всесторонних» в качестве важного компонента партийной идеологии указывает на возможность официального закрепления этого статуса на XIX съезде КПК в 2017 г. С другой стороны, после прихода к власти Си Цзиньпин продемонстрировал способность создавать и вводить в систему пропаганды и учебы лозунги и концепции, характеризующие его политику. Вполне вероятно появление в будущем иных идейно-теоретических новаций, способных найти место в нормативной идеологии КПК наряду с «теорией

Дэн Сяопина», «тройным представительством» и «научным взглядом на развитие».

¹ Жэньминь жибао, 29 октября 2014

² Жэньминь жибао, 3 ноября 2014

³ Жэньминь жибао, 15 декабря 2014

⁴ Жэньминь жибао, 1 января 2015

⁵ Жэньминь жибао, 1 января 2015

⁶ Жэньминь жибао, 17 января 2015

⁷ Жэньминь жибао, 25 января 2015

⁸ Жэньминь жибао, 25 января 2015

⁹ Жэньминь жибао, 3 февраля 2015

¹⁰ Жэньминь жибао, 12 февраля 2015

¹¹ Жэньминь жибао, 17 февраля 2015

¹² Жэньминь жибао, 17 февраля 2015

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., Гос. изд-во полит. литературы. 1955. Т.1. С. 423

¹⁴ Русские переводы цитат из книги: *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках. 2014, стр. 47-50

3.

Переломов Л.С.,
ИДВ РАН

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА КНР
– ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОГО
ИНСТИТУТА КИТАЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ «XVIII ВСЕКИТАЙСКИЙ
СЪЕЗД КПК. КИТАЙСКАЯ МЕЧТА И МИР»)*

Аннотация: Автор анализирует изданную при поддержке Пресс-канцелярии Госсовета КНР, Отдела пропаганды ЦК КПК и др. книгу «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир» и сопоставляет ее с результатом поездки Си Цзиньпина в Западную Европу. Си Цзиньпин особенно подчеркнул роль китайской культуры в качестве мягкой силы стратегического курса КНР.

* Подготовлено при поддержке РГНФ грант № 140300410 «философско-мировоззренческие истоки "китайской мечты"».

Ключевые слова: Си Циньпин, Мэн цзы, традиционная политическая культура.

Perelomov Leonard, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
perelomov@ifes.ru

PRC CADRES POLICY – CREATIVE DEVELOPMENT OF
TRADITIONAL INSTITUTIONS OF THE CHINESE STATE
(BASED UPON THE BOOK “XVIII NATIONAL CONGRESS
OF THE CPC. CHINESE DREAM AND THE WORLD”)

Abstract: The author analyses the book “XVIII National Congress of the CPC. Chinese dream and the world”, published with the assistance of the Information office of the China’s State Council, the Propaganda Department of the CPC Central Committee etc. and compares it with results of Xi Jinping’s visit to Western Europe. Xi Jinping made special emphasis on the role of Chinese culture as a soft power of China’s strategic course.

Key words: Xi Jinping, Mencius, traditional political culture.

В 2012 г. при поддержке Пресс-канцелярии Госсовета КНР, а также помощи Отдела пропаганды ЦК КПК, Центра по изучению партийной истории при ЦК КПК, Канцелярии по изучению партийных документов при ЦК КПК, Центральной партийной школы ЦК КПК и целого ряда институтов международных отношений был создан авторский коллектив из шестидесяти ведущих специалистов²¹ под редакцией Хуан Хуагуана – главы Департамента политических исследований Отдела международных связей при ЦК КПК и Луань Цзяньчжана – замглавы Департамента политических исследований Отдела международных связей при ЦК КПК. Каждый из них является автором ряда работ по истории политической мысли в современном мире.

После года напряженной работы коллектив авторов завершил написание книги. По мнению авторов, «они попытались ответить на вопросы, которые вызывает наибольшую озабо-

ченность со стороны международного сообщества и иностранных читателей, чтобы подробно осветить идеи КПК в области управления страной, путь развития и внешнюю политику Китая».

Книга состоит из 12 глав, которые распределены по трем темам – «Куда движется КПК после XVIII съезда», «Куда движется Китай после XVIII съезда» и «В каком направлении развиваются отношения между Китаем и миром после XVIII съезда».

В заключении авторы пишут: «Надеемся, что эта книга поможет иностранным читателям лучше понять внутреннюю и внешнюю политику Китая» (Пекин. 2013. С. 428).

Для более полноценного анализа сведений книги целесообразно рассматривать их на фоне многочисленных выступлений Си Цзиньпина на Западе, где он убеждал иностранцев, что Китай – особая цивилизация. При этом Си Цзиньпин на 100% использовал древность, доказывая на классических цитатах миролюбивый характер китайской цивилизации.

Я согласен с мнением А. Ломанова, что «Выступления Си Цзиньпина в Западной Европе позволяют сделать вывод, что темы китайской культуры и истории становятся частью современной внешней политики... Китайское руководство стремится довести до иностранной аудитории основные ценности китайской культуры, обосновать уникальность пути развития страны и недопустимость копирования Китаем западной политической модели»²².

Теперь, с учетом этого тренда попытаемся рассмотреть главу 2-ю книги: «Кто выполняет миссию КПК? Каким образом КПК готовит своих членов? Как КПК отбирает и назначает кадры? Каким образом избирают руководителей КПК? Какую политику проводит КПК в области талантливых кадров?»

Объясняя одну из основных причин развала КПСС, авторы указывают на систему пожизненного руководства: «Система несменяемости высших руководителей страны, т.е. фактически

пожизненного нахождения на высших постах, привела к тому, что у КПСС не было достаточного времени для избрания, подготовки, закалки и проверки преемников высших государственных руководителей, поэтому посты партийных руководителей всех уровней стали занимать авантюристы и корыстные лица, которые не пользовались авторитетом, не имели твердой теоретической базы, не обладали должными способностями к руководству и даже преследовали цели личного обогащения»²³.

Сами авторы книги пишут, что система смены высших кадров, где определяющим были нравственные ценности чиновника, существовала в Китае издревле. Говоря о традициях смены кадров внутри КПК, авторы поясняют: «Спустя продолжительный период поисков и изысканий КПК сформировала эффективный механизм отбора кадров, позволяющий отобрать действительно достойных кандидатов»²⁴. Далее авторы книги обращаются к современности: «Хотя составы ЦК КПК 11-го и 18-го созывов по-разному расставляли акценты в области назначения кадров, между ними можно выделить два общих момента: среди способных и добродетельных отдавать предпочтение добродетельным»²⁵.

Исходя из основного тренда книги, авторы были обязаны обратиться к древней истории. И прямо за процитированными мной отрывками, читаем: «В древнем Китае действовал именно такой стандартный принцип при отборе и расстановке кадров. Философ Мэн-цзы (период Сражающихся царств V–III вв. до н.э.) говорил, что в области политического управления страна должна опираться на совершенномудрых; если не привлекать гуманных и совершенномудрых, то страну ждет крах».

Меня, как историка, удивило – почему авторы, а их 60 специалистов, не обратились к более выгодному периоду древней истории, а именно к эпохе – Чжаньго – Цинь – Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.). Именно в этот период оформились в теории и на практике основные институты китайской цивилизации. Когда же углубился в чтение книги, то понял, авторы исполь-

зуют древность дозированно. Основная цель книги, об этом они говорят сами – в яркой, доходчивой форме рассказать о коренных событиях КНР. Короче говоря, история должна служить политике. Поскольку книга рассчитана на массового иностранного читателя, то, по моему мнению, авторы книги руководствовались тем, что этот «иностраный массовый читатель» имеет весьма смутное представление о специфике китайской цивилизации.

Я с этим столкнулся, когда авторы книги взялись объяснять – что такое «традиционная политическая культура».

Именно в этой главе авторы впервые говорят о *«наследовании традиционной политической культуры»* (стр. 66). Правда, начало этой традиционной политической культуры внутри КПК авторы ведут с двух важных тезисов: Дэн Сяопин – «Уважать знания, уважать талантливых специалистов» (3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва) и Цзян Цзэмина «Трудовые ресурсы – это самые важные ресурсы» (2000 г.). В 2002 г. ЦК КПК и Госсовет утвердили «Важные положения общенационального плана строительства армии талантов на 2002–2005 гг.» далее авторы пишут: «таким образом, в Китае, находящимся на новом этапе развития, **впервые** (выделено *Л.П.*) была выдвинута стратегия "подъёма Китая за счет талантов", был разработан план строительства талантливых кадров, а также утвержден курс, цели и задачи в области строительства талантливых кадров на современный и будущий периоды» (стр. 70).

Что касается основных замыслов Книги, то авторы вполне естественно начали поиски истоков «традиционной политической культуры» с Дэна и Цзяна. Нас же интересует сам исторический процесс становления этой формулы.

Что касается «политической культуры» КПК, то впервые в её истории к национальным традициям госуправления, задолго до Дэн Сяопина и Цзян Цзэмина, обратился Лю Шаоци. Именно он в своих популярных лекциях «О самовоспитании коммуниста» (1939, Яньань), основанных на народной интерпретации

ценностных ориентиров «*цзюнь цзы*» (достойного мужа) Конфуция, предложил его образ в качестве символа рядового члена КПК.

Нам же важно выяснить – когда же вышеназванная политическая культура приобрела «традиционность»? Каковы её временные истоки?

Работая над написанием 2-го тома 10-томной «Истории Китая», я установил, что именно в эпохи Чжаньго–Цинь–Хань зародились в теории и сформировались на практике основные институты китайской цивилизации, не только придавшие ей жизненную устойчивость, но и обеспечившие её основательное непрерывное развитие в течение тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня. Именно к этому временному периоду можно отнести зарождение традиционной политической культуры. «В сфере длительных дискуссий в центре оказались два концепта, две основные категории политической культуры Китая: "Народ для государства" или "Государство для народа". Оба концепта были воплощены на практике. Один – при построении империи Цинь, второй – в период империи Хань. Именно в этот период в китайском обществе сформировалась система оценки личности по его способности к государственной службе, где моральный фактор играл определяющую роль. Уже в Хань существовала характеристика "достойного мужа", которая гласила: **"достойный муж есть опора государства, надежда народа"**».

Очень важно запомнить, что именно в этот период в самом китайском обществе сформировались критерии социального лифта. Ханьский учёный Хуань Тан, в изложении В.Малявина, вычленил пять сфер функционирования такого «идеального бюрократа»: тех, кто заботится о семье и лелеет обычаи деревни, называли «деревенскими *ши*»; тех, кто отличается мудростью и милосердием, печется о словесности и истории – «уездными *ши*»; тех, кто искренен и честен, бескорыстно служит общему делу, добросовестно служит старшим – «*ши* области и

округа»; тех, кто глубоко постиг каноны, выделяется добрым поведением, может вершить государственные дела, милосерден и скромнен, – «*ши*, достойным блюсти государственные устои»; тех, кто обладает исключительным талантом, высоко вознёсся над толпой, искусен в политике и может приобрести заслуги на поколения вперёд – «*ши* Поднебесной»²⁶. Именно эти пять сфер деятельности интеллектуальной элиты сформировали ценностные ориентиры политической культуры, которые со временем придали ей черты «традиционности».

Думается, что авторам книги, ориентированным на мало-знакомую иностранную аудиторию, уместнее было бы рядом с эпохой Сражающихся царств и философом Мэн-цзы поставить эпоху Чжаньго – Цинь – Хань.

Высоко оценивая проделанную авторами работу, я бы отметил, что в книге «История» поставлена на службу «Политике», а у Истории есть свои законы и особое место в цивилизации Китая.

Что касается нынешнего руководства КПК, то именно оно сумело наиболее творчески приспособить традиционную политическую культуру к стратегии развития КНР.

²¹ Подробный список авторов см. Книгу «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир». Под редакцией Хуан Хуагана и Луань Цзяньчжана. С. 426.

²² А. В. Ломанов. Си Цзиньпин об истории и традиции в современной политике Китая. ИДВ. «Информационные материалы. Выпуск 21 «3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва». «Новое руководство и стратегия реформ». М. 2014. С. 268.

²³ См. Книгу «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир». Под редакцией Хуан Хуагана и Луань Цзяньчжана. С. 60.

²⁴ Там же. С. 56

²⁵ Там же. С. 54

²⁶ История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Том 2. "Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. - III в. н.э.) М. 2013. С. 11.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ РЕФОРМ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Аннотация: Внутриполитическая борьба в современном Китае нечасто становится предметом научного исследования российских китаеведов. Такая ситуация формируется, отчасти, под влиянием нежелания российских исследователей изучать данный аспект китайской политики в силу партнерских отношений России с Китаем. Однако, с научной точки зрения, внутриполитическая борьба является формой политической конкуренции, от состояния которой зависят стратегия и тактика политики реформ. Конкурируют между собой преимущественно не институты политической системы, а группы интересов внутри одних и тех же институтов, включая и институт правящей компартии. Так было при Мао Цзэдуне, так обстоит дело и сейчас.

Ключевые слова: политическая борьба; политика реформ; политическая конкуренция; согласование интересов; модель реформ.

Borodich Vladimir, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
borodich@rambler.ru

INTERNAL POLITICAL STRUGGLE IN MODERN CHINA

Abstract: Internal political struggle in modern China is not often the subject of Russian sinologists scientific study. Such a situation is formed, in part, influenced by the unwillingness of Russian researchers to study this aspect of Chinese politics by virtue of the partnership between Russia and China. However, from a scientific point of view, internal political struggle is a form of political competition, the state of which depends on the strategy and tactics of reform. Competition is going not primarily among institutions of the political system, but between interest groups in

the same institutions, including the Institute of the ruling Communist Party. So it was under Mao Zedong, as is the case now.

Keywords: political struggle, policy reforms, political competition, coordination of interests, model of reform.

Внутриполитическая борьба в современном Китае не часто становится предметом научного исследования российских китаеведов. За рубежом, напротив, этому аспекту политической реальности КНР уделяется повышенное внимание. Нельзя исключать, что такая ситуация формируется отчасти под влиянием политического фактора – нежелания российских исследователей изучать данный аспект китайской политики в силу партнерских отношений России с Китаем. Однако, с научной точки зрения, внутриполитическая борьба предстает ничем иным, как формой политической конкуренции, от состояния которой зависит как стратегические, так и тактические решения китайского руководства.

Одна из главных особенностей политической конкуренции в Китае заключается в том, что конкурируют между собой преимущественно не институты политической системы (ПС) – им это не позволяет Конституция, – а группы интересов внутри одних и тех же институтов, включая и институт правящей компартии. Так было при Мао Цзэдуне, так обстоит дело и сейчас.

В годы реформ борьба внутри руководства КПК ведется по различным поводам, на стратегическом уровне – по поводу модели реформ, «дорожной карты» политики реформ, а также по поводу реализации пятилетних планов, в которых модель реформ и дорожная карта реализуются. На вопросы стратегии накладывают отпечаток не только различия в целях, принципах, методах, глубине и масштабах реформ, которые имеются у разных групп руководства КПК, но групповые интересы. Например, интересы приморских провинций, отличающихся от интересов других групп провинций страны, и реализация этих

интересов в приоритетном порядке, обеспечивавшее, кстати, долгое время основной объем прироста ВВП Китая, привело к существенной разбалансировке интересов разных групп провинций и, как следствие, к усилению социально-экономической и политической нестабильности в стране, несущей угрозу политике реформ.

Модель и дорожная карта реформ формулируются в документах съездов компартии, конкретизируются в плановых заданиях ВСНП на очередную пятилетку. Под **моделью реформ** понимается комплексное представление об объекте и субъекте реформирования, а также желаемом состоянии объекта реформирования по завершении реформ. А под **«дорожной картой» политики реформ** – пошаговый сценарий развития страны как объекта реформирования и план достижения связанных с этим целей.

Учитывая характер политической системы КНР, выстроенной вокруг института правящей коммунистической партии, в процессе внутривластной борьбы оспариваются, прежде всего, места в высших органах КПК, участвующих в принятии и реализации решений относительно политики реформ, – Центральном комитете, Политбюро, Постоянном комитете Политбюро, Центральной комиссии по проверке дисциплины, Центральном Военном Совете ЦК КПК, Центральной политико-юридической комиссии, Секретариате ЦК КПК и его важнейших структурных подразделениях, таких как Канцелярия, Организационный отдел, Отдел пропаганды, Отдел Единого Фронта.

Помимо руководящих постов в центральных партийных органах оспариваются также посты в центральных государственных структурах, а также в партийных и госструктурах провинциального уровня.

Изучение политики реформ вне учета фактора политической борьбы внутри руководства КПК не позволяет дать точную оценку причинам изменений в модели реформ, поскольку

именно путем такой борьбы происходит согласование интересов субъектов китайской политики. Политическая борьба, таким образом, есть не что иное, как институт согласования групповых интересов через конфликт.

Что касается термина «борьба» применительно к процессу выработки и реализации политических решений в современном Китае, то о правомерности его использования свидетельствует та высокая цена, которую платят жертвы столкновения групповых интересов, незадолго до поражения занимавшие высокие партийные и государственные посты: член Политбюро ЦК КПК 14-го созыва Чэнь Ситун выведен из состава Политбюро, а в 1998 г. приговорен к 16 годам заключения; член Политбюро ЦК КПК 17-го созыва Бо Силай выведен из состава Политбюро и осужден на пожизненное заключение; в отношении бывшего члена Постоянного комитета Политбюро 17-го созыва, бывшего секретаря Политико-юридической Комиссии ЦК КПК, бывшего министра общественной безопасности КНР Чжоу Юнкана в июле 2014 г. Центральной Комиссией по проверке дисциплины начато официальное расследование, в декабре 2014 г. он был исключен из числа членов компартии и арестован по обвинению в нарушении норм партийного устава и уголовного законодательства, а в апреле 2015 г. Чжоу Юнкану было официально предъявлено обвинение в коррупции и злоупотреблении властью.

Модель реформ Цзян Цзэминя в теоретическом плане представляет собой один из вариантов воплощения на практике теории Дэн Сяопина, своеобразный «шанхайский вариант» рыночных преобразований в экономике, сопровождаемый обслуживающими их политическими преобразованиями. Главные из таких преобразований опираются на концепцию «трех представительств», фактически легализовавшую процесс конвертации политической власти в собственность. Данная модель реформ в кадровом отношении опиралась на представителей шанхайских партийных, государственных и деловых кругов,

которые фактически представляли в руководящих органах партии и государства и как выразители интересов самых динамично растущих приморских провинций Китая. Модель утверждалась в напряженной внутривластной борьбе с другими группами интересов. Эти группы формировались на основе разных критериев, прежде всего *территориального, кадрового, идеологического и персонифицированного*.

Для группы, объединенной по *территориальному* критерию, было свойственно представительство интересов территорий со сходными экономико-географическими условиями. В 90-е и первом десятилетии 2000-х гг. такую группу образовали «шанхайцы», неформально доминировавшие в руководстве Китая.

Группы, формировавшиеся по *кадровому* критерию, объединяла некая профессиональная или историческая общность, так в руководстве компартии и государства сложились группы «комсомольцев» и «принцев». Первая из названных групп объединяла деятелей, приобретших опыт руководящей комсомольской работы. В четвертом поколении руководителей к ним относят Ху Цзиньтао, в пятом поколении - Ли Кэцзян.

К группе «принцев» принято относить детей и внуков партийных и государственных руководителей старших поколений. К этой группе, в частности, принадлежит Си Цзиньпин, отец которого, Си Чжунсюнь, имел богатое революционное прошлое, был губернатором провинции Гуандун в самом начале проведения политики реформ, а в 1982–1987 гг. являлся членом Политбюро ЦК КПК.

Вариантом кадрового критерия формирования групп в руководстве КПК является принадлежность к политической элите старшего возраста. По этому критерию в политическом процессе КНР определенную роль играет группа *ветеранов-руководителей*, вышедших на пенсию, но, как правило, продолжающих оказывать влияние на важные политические решения как через свое окружение, так и через лиц, карьерному

росту которых они способствовали. Так, бывший зав. орготделом ЦК КПК, бывший член Политбюро ЦК КПК Сун Пин сыграл важную роль в продвижении на руководящие посты Ху Цзиньтао, многие решения которого согласовывались впоследствии с Сун Пином.

Отдельные ветераны по своему влиянию поднимаются до политических фигур, не только политическая активность, но даже имя которых служит серьезным аргументом при принятии на Политбюро ЦК КПК принципиально важных решений. Вокруг таких фигур образуются группы сподвижников и лоббистов. В этом отношении наиболее заметную роль с 90-х годов играют группы сторонников Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя.

Следует заметить, что группы «принцев» и *ветеранов*, в свою очередь, не всегда выступают как единое целое, члены этих групп могут одновременно принимать участие в отстаивании интересов других групп. Ветеран Бо Ибо, к примеру, активно поддерживал с 80-х годов Цзян Цзэминя, в то время как ряд других ветеранов выступали против, критикуя социальные издержки проводимой при нем экономической политики.

По *идеологическому* критерию группы в руководстве КПК наиболее определенно делятся на «левоконсервативную», «либеральную» и «националистическую». После событий 4 июня 1989 г. «левоконсервативная» и «либеральная» не играли доминирующей роли в Политбюро, где большинство придерживалось «золотой середины» - националистической ориентации на приоритетность движения к возрождению могущества Китая.

С 1990-х гг. в руководящих органах КПК и государства стали заметны группы, формирующиеся на основе бизнес заинтересованности. Наибольшую известность приобрела «нефтяная группа», один из лидеров которой – Чжоу Юнкан – совмещал в ней сразу две функции – ответственного за принятие бизнес решений и ответственного за обеспечение безопасности бизнеса на всех уровнях власти.

Среди экспертов по процессам, происходящим в рекрутировании и движении кадров в органах власти КНР, нет единообразных подходов к выбору терминологии применительно к группам руководителей. Используются термины «группа», «группировка», «клан», «клика» и пр. Каждый термин имеет право на существование, но представляется, что принципиальное значение имеет выделение двух видов кадровых образований – групп и группировок. Группа ограничена по численному составу, для высших партийных и государственных органов такие группы образуются внутри собственно Политбюро и его Постоянного комитета, а вниз по вертикали власти они могут образовывать группировки – более широкие по охвату многоуровневые образования, имеющие своих представителей на всех ниже расположенных уровнях власти. Группы и группировки особенно заметную роль начинают играть в периоды, отмеченные глубокими и масштабными изменениями, к числу которых относятся десятилетия политики реформ и открытости. Роль и значение различных критериев, служащих основанием для образования групп и группировок, может динамично меняться.

Когда «левые консерваторы» сопротивлялись проведению в жизнь рыночных идей Дэн Сяопина, а «либералы», возглавляемые Генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяньном, оказались готовы к либерализации всей политической системы КНР, Дэн Сяопин предпринял усилия к тому, чтобы проводником его взглядов на модель реформ стал представитель региональной, приморской, политической элиты – секретарь Шанхайского горкома КПК Цзян Цзэминь, экономически адаптированный к условиям рынка и проявивший умение противостоять росту либеральных политических настроений в Шанхае. Став в 1989 г. Генеральным секретарем ЦК КПК, Цзян Цзэминь принялся решать две взаимосвязанные задачи – выработки и реализации модели реформ и консолидации сил своей политической поддержки.

Модель утвердилась и видоизменялась до конца пребывания Цзян Цзэминя на высших партийных и государственных постах (1989–2002 гг. На высших военных постах в КПК и государстве – до 2004 г.). Формально именно этот период времени можно условно назвать циклом Цзян Цзэминя – периодом, когда была выстроена, функционировала и исчерпала себя система власти, позволявшая Цзян Цзэминю и его сторонникам руководить компартией и государством одновременно с укреплением своих лидерских позиций и удовлетворением групповых и личных интересов. Фактически этот цикл продолжился дольше времени нахождения у власти самого Цзян Цзэминя – с помощью расстановки лояльных ему кадров Цзян Цзэминь сохранял влияние на принимаемые по поводу политики реформ партийные и государственные решения вплоть до окончания нахождения у власти в партии и государстве Ху Цзиньтао. Например, в октябре 2009 г. Цзян Цзэминь занимал место на трибуне на площади Тяньаньмэнь рядом с Ху Цзиньтао, а на следующий день газета «Жэньминь жибао» разместила их фотографии на первой полосе. Креатура Цзян Цзэминя Чжоу Юнкан 2007–2012 гг. был влиятельным членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Годы пребывания на высших партийных и государственных постах Ху Цзиньтао (2002–2012/13) трудно назвать циклом его имени. В сфере экономики реформирование, тон которому вместо бывшего премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи, должен был, по должности, задавать премьер Вэнь Цзябао, продолжилось без революционных изменений. В сфере политики модель реформ не получила новаций, сопоставимых с концепцией «трех представительств» Цзян Цзэминя. А для защиты благ, полученных сторонниками Цзян Цзэминя от нахождения на командных постах во всех структурах государственной политики и управления, сподвижники Цзян Цзэминя сохраняли в своих руках контроль над правоохранительной

системой, спецслужбами и НОАК вплоть до состоявшегося в ноябре 2012 г. XVIII съезда КПК.

Однако при Ху Цзиньтао начался и усиливался процесс консолидации в руководстве КПК сил, выступающих против ситуации, которую правомерно назвать засильем «шанхайцев» – сторонников модели реформ Цзян Цзэминя, имеющих возможность использовать эту модель в интересах дальнейшего роста экономики Шанхая и других приморских провинций, вопреки дальнейшему усилению диспропорций в социально-экономической сфере. Рост экономики приморских провинций означал, одновременно, дальнейшую концентрацию ресурсов и приращение богатств верхушки «шанхайской» группы интересов за счет процесса капитализации власти, конвертации ее в собственность. Данный процесс также во многом был стимулирован моделью реформ Цзян Цзэминя, создававшей партийным руководителям разных уровней привилегированные условия для личного обогащения и продвижения бизнес-проектов своих протеже. Когда в апреле 2014 г. было объявлено об аресте счетов, недвижимого имущества и других активов, считающихся собственностью Чжоу Юнкана, его родственников и лиц из его окружения, то сумма арестованного имущества и счетов составила 90 миллиардов юаней (или 14 с половиной миллиардов долларов США по курсу того времени).

Представляется, что консолидации оппонентов сторонников Цзян Цзэминя способствует эффект перерождения коммунистов-руководителей, конвертирующих власть в собственность. Данный процесс явился одним из главных негативных результатов применения в политике реформ «шанхайской» модели.

Такой модели без видимых успехов сопротивлялись Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Социально-экономические процессы в середине первого десятилетия отчетливо свидетельствовали о том, что позитивный потенциал курса на экономический рост, бывший составной частью прежней модели реформ, себя исчер-

пал. Социальные, экологические и прочие последствия экономического роста стали сдерживающим фактором развития экономики и общества, которое на рубеже XX–XXI вв. вступало в этап перехода от «общества выживания» к «обществу развития». Если в экономике «общества выживания» определяющую роль играло сельское хозяйство, а социальная структура отличалась преобладанием крестьян, бедноты и слабой дифференциацией, то в экономике «общества развития» роль сельского хозяйства существенно снизилась, а ведущую роль стали играть промышленность и услуги. При этом развитие предъявляло повышенные требования к человеческому капиталу, а процесс социальной дифференциации резко ускорился.

Идея «трех представительств», которую продвигал Цзян Цзэминь с начала 2000-х гг. и которую XVI съезд КПК включил в качестве составной части в идеологическую основу КПК, уже была теоретическим ответом на вызовы времени. Этот ответ, однако, напрямую не влиял на выбор между экономическим ростом и экономическим развитием. Руководство КПК в новом составе, с Ху Цзиньтао в качестве Генерального секретаря ЦК КПК, свой теоретический поиск повело в направлении, которое могло обеспечить развитие страны. Расстановка сил в Политбюро создавала возможности для новаций именно в сфере теории, так как выдвиженцы Цзян Цзэминя в составе Политбюро, его Постоянного комитета и Секретариата ЦК сдержанно относились к идее принципиальных изменений, затрагивающих содержание согласованного ранее курса реформ. В частности, они продолжали отстаивать необходимость сохранения ориентации экономики на количественный рост. Их корпоративным интересам соответствовало, в частности, сохранение дисбаланса в распределении финансовых ресурсов в пользу Шанхая и других приморских районов, обеспечивавших основную долю экономического роста.

Для того, чтобы обеспечить смену экономической модели, ориентированной на количественный рост и не позволявший

перераспределять финансовые ресурсы для развития территорий, расположенных географически менее выгодно, чем приморские, Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао сделали акцент на том, чтобы утвердить решением Пленумов ЦК такие критерии развития страны, которые бы послужили политическим основанием для пересмотра сложившейся и экономической модели, и модели реформирования в целом.

На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) Ху Цзиньтао и его сторонники выдвинули новаторский тезис о необходимости выработки «научной концепции развития». Под развитием на пленуме понимался процесс согласованных между собой количественных и качественных позитивных изменений в общественной системе. Введение критерия научности позволяло рассчитывать на изменение механизма принятия стратегических решений по всей вертикали власти путем ослабления влияния на государственные решения корпоративных интересов «шанхайской» группы.

О необходимости научного подхода к корректировке модели реформ говорилось и на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.). В качестве показателя научности, применительно к корректировке стратегии развития, 5-й пленум ЦК КПК, состоявшийся в октябре 2005 г., определил построение гармоничного общества. Значение такого критерия усиливалось тем обстоятельством, что Пленум обсуждал план развития страны на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) и решения Пленума трудно было свести к декларации, они становились основой разработки государственного пятилетнего плана развития.

На 6-м пленуме ЦК КПК, состоявшемся в октябре 2006 г., понятие гармоничного общества было конкретизировано. Пленуму предшествовало важное политическое событие - в сентябре 2006 г. на совещании Политбюро ЦК КПК был рассмотрен доклад Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины о результатах предварительного расследования в отношении главы парткома г. Шанхай, члена ПБ ЦК КПК Чэнь

Ляньюя. По результатам предварительного расследования, Чэнь Ляньюй был обвинен в коррупции, освобождён от должности главы Шанхайского горкома и выведен из состава Политбюро и ЦК КПК. Уход Чэнь Ляньюя с политической сцены существенно ослабил «шанхайскую группу» в руководстве КПК, лишил ее главной опоры провинциального уровня, какой все годы нахождения у власти Цзян Цзэминя был Шанхай.

Однако лишь с избранием на XVIII съезде КПК Си Цзиньпина Генеральным секретарем ЦК КПК в борьбе за корректировку модели реформ наметился перелом. Усилия Си Цзиньпина по развертыванию борьбы с коррупцией, чистке руководящих кадров от людей, закрепившихся на постах в годы нахождения на высших партийных и государственных постах Цзян Цзэминя, встроенных в свою, «шанхайскую», модель реформ, и объективно оказывающих сопротивление изменению такой модели, дополнены и другими решениями стратегического характера. Прежде всего, это относится к решению развивать правление с опорой на закон. Суть данного решения заключается в возвышении общеобязательных норм права над теневыми корпоративными нормами, своеобразными «понятиями», которые два с лишним десятилетия реформ деформировали весь процесс политического управления страной. В **новой модели реформ**, формируемой под руководством Си Цзиньпина, корпоративные интересы, судя по всему, планируется подчинить интересам развития страны.

5.

Перепелкин Ю.Ю.,
ИДВ РАН

СИ ЦЗИНЬПИН: ВСЕСТОРОННИЕ РЕФОРМЫ И МАСШТАБНАЯ КАДРОВАЯ ЧИСТКА

Аннотация: Проводимые руководителем Китая Си Цзиньпином всесторонние реформы сопровождаются широкомасштабной антикоррупционной кампанией, охватившей партийно-государственный аппарат в центре и на местах, армию и органы государственной безопасности, ведущие средства массовой информации и крупнейшие корпорации.

Размах проводимой кадровой чистки можно считать отражением особой политической значимости современного этапа реформ с точки зрения перспектив стратегического развития КНР.

Ключевые слова: КНР, КПК, Си Цзиньпин, реформы, кадры, борьба с коррупцией.

Perepelkin Yuri, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
yur2006@yandex.ru

XI JINPING: COMPREHENSIVE REFORMS AND PURGE

Summary: China's comprehensive reforms under Xi Jinping are accompanied by large-scale anti-corruption campaign that swept the party and the state apparatus in the center and on lower levels, the army and the public security organs, the leading media and major corporations.

The scope of ongoing purge can be regarded as a reflection of a special political significance of the current stage of reform from the perspective of strategic development of the PRC.

Key words: China, CPC, Xi Jinping, reforms, cadres, the campaign against corruption.

2015 год имеет особое значение в политической жизни КНР. Прежде всего – это 3-й, центральный год первого пяти-

летнего срока пребывания у власти 5-го поколения руководителей КПК во главе с Си Цзиньпином. Пятому поколению лидеров Китая необходимо уже не только декларировать цели национального развития, но и активно воплощать разработанную ими стратегию.

Председатель КНР Си Цзиньпин в своем новогоднем обращении призвал к продолжению реформ и продвижению принципа верховенства закона, сравнив эти два направления работы с «двумя крыльями птицы».

Экономические и политические итоги 2014 г. свидетельствуют о большой решимости пятого поколения руководителей Компартии Китая в реализации выработанной ими программы развития.

В экономике рост ВВП составил 7,4%, что является самым низким показателем с 1990 г. Однако и этих темпов оказалось достаточно, чтобы Китай обогнал США и занял 1-е место в мире по паритету покупательной способности (ППС).

Созданная решением 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва Комиссия ЦК КПК по всестороннему углублению реформ во главе с Си Цзиньпином в 2014 и начале 2015 гг. провела 10 заседаний, на которых были одобрены преобразования налоговой и судебной систем, прописки сельских мигрантов в городах, а также утверждена «дорожная карта» реализации общего плана реформ. Госсовет КНР снижал административные барьеры для бизнеса: было отменено либо упрощено получение разрешений на более чем 700 видов деятельности. В конце 2014 г. приняты решения о создании новых зон свободной торговли в провинциях Гуандун и Фуцзянь и г. Тяньцзине.

Стартовала широкомасштабная пенсионная реформа, которая коснется 40 миллионов работников государственных и общественных организаций. Реформа призвана обеспечить социальное равенство, а также справиться с проблемой стареющего населения¹. Власти признают, что в результате пенсии для работников госсектора сократятся, однако Госсовет КНР

считает этот шаг неизбежным на пути к решению задачи 100-процентного охвата населения пенсионными выплатами (в настоящее время этот показатель составляет 60% – для сравнения в 2007 г. он равнялся 30%).

В судебной сфере прилагаются акцентированные усилия, направленные, с одной стороны, на уменьшение судебных ошибок, а с другой стороны – на повышение открытости процессов для общественности. В стране будет совершенствоваться механизм обжалования ошибочных вердиктов по уголовным делам, позволяющий своевременно и беспрепятственно проводить повторные судебные процессы. При необходимости разрешается проведение повторного рассмотрения дела в других регионах. Будет усовершенствован механизм выплаты компенсаций пострадавшим от ошибочных приговоров, форсируется процесс создания выездных судов.

Председатель Верховного народного суда (ВНС) КНР Чжоу Цян в начале 2015 г. призвал к тому, чтобы смертные приговоры могли применяться только в отношении чрезвычайно малого количества подсудимых, признанных в совершении особо тяжких преступлений².

ВНС КНР в марте 2015 г. опубликовал «Белую книгу» по открытости судебной системы, в которой особо подчеркивается создание трех онлайн-платформ, предоставляющих открытую информацию о судебных разбирательствах, судебных решениях и их исполнении. Создание этих платформ является одним из ключевых шагов нового раунда судебной реформы, призванной повысить степень общественного доверия к системе судопроизводства КНР.

Пятое поколение руководителей Китая также предпринимает усилия по решению таких общественно значимых проблем, как экологическая и продовольственная безопасность населения. Госсовет КНР вводит систему ответственности глав провинций, автономных районов и городов центрального подчинения за обеспечение продовольственной безопасности³. С 1

января 2015 г. вступил в силу новый «Закон КНР об охране окружающей среды». Чэнь Цзинин, не так давно возглавивший Министерство по охране окружающей среды КНР, пообещал усилить контроль над соблюдением природоохранного законодательства на уровне региональных администраций.

В демографической области начинает приносить первые результаты решение 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва о смягчении политики «одна семья – один ребенок». Около миллиона супружеских пар подали необходимые заявки на рождение второго ребенка⁴.

Начало 2015 г. ознаменовалось также и шагами китайского руководства в сфере государственной и общественной безопасности. (Как известно, Си Цзиньпин возглавляет созданные решением 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва Совет государственной безопасности и руководящую группу ЦК КПК по безопасности в Интернете). 23 января 2015 г. Политбюро ЦК КПК одобрило «Программу стратегии государственной безопасности». В комментарии агентства Синьхуа в связи с этим отмечалось, что Китай стоит перед лицом беспрецедентных угроз национальной безопасности и должен усилить готовность к их преодолению. Китайские законодатели рассматривают первый в истории страны закон о борьбе с терроризмом. Законопроект предусматривает усиление обмена информацией между правительственными органами, военными, полицией, а также укрепление мер по безопасности в киберпространстве, на транспорте, предотвращение финансирования террористической деятельности и контроль над госграницами. В частности, законопроект предполагает создание антитеррористического разведывательного центра для сбора данных. МОБ КНР в январе 2015 г. начало широкомасштабную проверку в области незаконного оборота оружия и взрывчатки. Усиливаются меры безопасности в Интернете – с 1 марта 2015 г. каждый автор сообщений на форумах, в блогах и социальных сетях при регистрации обязан указать свое реальное имя и приложить к заяв-

ке официальный документ. Подобные шаги китайского руководства выглядят достаточно обоснованными на фоне тех вызовов в сфере безопасности, которые имели место в 2014 г.: например, теракты синьцзянских религиозных экстремистов, массовые беспорядки в Гонконге и т.д.

Усилия китайского руководства по продвижению реформ в экономике, сфере безопасности, судебной и юридической системах, социальной области сопровождаются беспрецедентной по размаху борьбой с коррупцией и расточительством в партийно-государственном аппарате.

Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в январе 2015 г. на заседании Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины (ЦКПД), подчеркнул необходимость постоянного улучшения партийного стиля, создания неподкупного аппарата и борьбы с коррупцией. Си Цзиньпин призвал к идейному укреплению партийных рядов и институциональному управлению партией, что необходимо для всестороннего построения среднезажиточного общества, углубления реформ, управления государством на принципах верховенства закона и создания неподкупного аппарата. Он также подчеркнул необходимость последовательно претворять в жизнь положения "правил из восьми пунктов", принятых ЦК КПК для борьбы с коррупцией, решительно пресекать распространение казнокрадства и постоянно улучшать партийный стиль.

Эту кампанию Си Цзиньпина уже называют беспрецедентной. Для этого существуют все основания. Прежде всего, – ее размах. В 2014 г. органы по проверке дисциплины и ведомства контроля разных степеней наложили партийные и административные взыскания на 232 тыс. человек. Эта цифра на 30% выше показателей за предыдущий год. Кроме того, в 2014 г. прокурорские органы Китая приступили к расследованию уголовных дел о хищении государственных средств, взяточничестве, пренебрежении служебными обязанностями и других должно-

стных преступлений в отношении 55 тыс. человек⁵. (Для сравнения – суды Китая в 2014 г. осудили за уголовные преступления 1,18 млн человек)⁶.

Проверки проводились уполномоченными инспекционными группами в 31 провинции, автономном районе и городе центрального подчинения КНР и в отношении Синьцзянского производственно-строительного корпуса. Как заявил член ПК Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦКПД Ван Цишань, в первоочередных планах проверок на 2015 г. значатся крупнейшие китайские корпорации (26 предприятий центрального подчинения), в том числе Китайская национальная ядерная корпорация, Китайская компания по эксплуатации морских нефтяных ресурсов, Китайская телекоммуникационная корпорация, Китайская корпорация мобильной связи и т.д. Выездные группы ЦКПД будут работать в корпорациях по несколько месяцев, и на это время руководителям всех департаментов запрещено выезжать за границу. Деловые поездки внутри Китая возможны, но их необходимо согласовывать заранее.

Резко возросло количество высокопоставленных кадров, ставших мишенью антикоррупционной кампании Си Цзиньпина. Как доложил глава Верховной народной прокуратуры КНР (ВНП) Цао Цзяньмин на сессии ВСНП в марте нынешнего года, 28 чиновников уровня руководства министерств и провинций и выше попали под следствие в Китае в 2014 г. по подозрению в коррупции. Среди них – бывший член ПК Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнкан и бывший заместитель председателя Центрального военного совета Сюй Цайхоу. (В 2013 г. под следствием оказались 8 чиновников такого же уровня). Уже в 2015 г. накануне ежегодного открытия «двух сессий» ВСНП и НПКСК попал под следствие бывший зампредседателя Всекитайского комитета (ВК) НПКСК Су Жун. На открытии сессии председатель ВК НПКСК Юй Чжэншэн сообщил, что данный созыв ВК НПКСК уже лишил статуса членов ВК НПКСК 14

человек, в том числе Су Жун и Лин Цзихуа (в прошлом – помощник бывшего лидера КНР Ху Цзиньтао).

Качественный и количественный масштабы антикоррупционной кампании логично привели китайское руководство к необходимости признания существования коррупционных группировок. На январьском заседании ЦКПД Си Цзиньпин открыто употребил данный термин. Агентство Синьхуа отметило существование клик, включающих «секретарей высокопоставленных руководителей, чиновников в нефтяной промышленности и угольной отрасли». На Центральном совещании по политико-юридической работе в январе 2015 г. было заявлено, что «поступки Чжоу Юнкана причинили серьезный вред партии и народу, привели многих чиновников на ошибочный путь»⁷. Таким образом, впервые за несколько десятилетий руководство КПК призывает к борьбе с фракциями, кликами и группировками в партийно-государственном аппарате. Антикоррупционная кампания приобретает характер открытой политической борьбы. Собственно, 5-е поколение руководителей Китая изначально предвидело данное обстоятельство – Си Цзиньпин на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва прямо говорил о том, что «группы сложившихся интересов» представляют собой главную угрозу для современного этапа китайских реформ.

В целях преодоления сопротивления данных групп руководство КНР реализует ряд организационных и юридических мер, в первую очередь направленных на борьбу с круговой порукой чиновников на местах. Так, создана новая «властная вертикаль» в системе ЦКПД, которая позволяет местным органам по проверке дисциплины функционировать независимо от местных парткомов, что повышает статус местных комиссий и усиливает контроль Центральной комиссии над ними. Верховная народная прокуратура КНР (ВНП) планирует разделение административной и судебной юрисдикции прокурорских ор-

ганов ниже провинциального уровня. Будет также учреждена межрегиональная прокуратура по служебным преступлениям.

В 2015 г. китайский суд к жестким наказаниям за получение взяток добавит более строгие наказания за их дачу. В частности, наказания должны быть ужесточены в отношении тех, кто давал взятки по собственной инициативе. Особенно серьезными наказания будут за коррупционные преступления в сфере пищевой и лекарственной безопасности, безопасности производства, строительства, передачи прав на земельные участки, управления государственными средствами и т.п., которые нанесли значительный ущерб интересам населения, а также преступления, связанные с исполнением полномочий государственными чиновниками и коммерческие коррупционные преступления, повлекшие серьезные социальные последствия.

В своем стремлении «поместить власть в клетку закона» Китай предпринимает и такие шаги, который вызывают определенную иронию зарубежных наблюдателей. Так, правительство в рамках борьбы с коррупцией и чрезмерным расходом государственных финансов официально ограничило размер кабинетов чиновников разных уровней. Постановление об этом было выпущено совместно Государственным комитетом по развитию и реформам и министерством жилья, городского и сельского строительства КНР⁸. Теперь площадь кабинетов министров и губернаторов провинций не должна превышать 54 кв. метра. Главам департаментов в правительственных учреждениях и администрациях провинций предписано занимать помещения размером не более 30 кв. м, их заместители должны довольствоваться 24 кв. м. Руководители уездов и их замы должны работать в комнатах площадью 30 и 18 кв. м соответственно. Постановление регламентирует даже туалетные комнаты: собственные уборные могут иметь только руководители любого ранга.

А в самом Госкомитете КНР по развитию и реформам (ГКРР), где в 2013–2014 гг. было задержано 19 действующих и

бывших сотрудников по подозрению во взяточничестве, решили воспитывать честность в чиновниках путем организации экскурсий в тюрьмы. «Мы провели экскурсии по нескольким тюрьмам Пекина для более чем 200 наших кадровых работников», – сообщил руководитель ГКРП Сю Шаоши⁹.

Однако о том, что текущая антикоррупционная кампания в реальности является отражением крайне острой политической борьбы, свидетельствуют события марта 2015 г., когда в Китае начали расследование в отношении 14 генералов НОАК, подозреваемых в хищениях и злоупотреблении властью. Среди них – сын бывшего зампреда ЦВС КНР, члена Политбюро ЦК КПК генерал-полковника Го Босюна. 45-летний Го Чжэнган, который еще недавно был повышен в должности до заместителя политического комиссара Чжэцзянского военного округа, обвиняется в «серьезных нарушениях закона»¹⁰. Среди других фигурантов – двое бывших помощников руководства ЦВС – Ван Айго и Чжу Хэпин. Под следствием оказался и руководитель одного из разведывательных ведомств НОАК генерал-майор Син Юньмин.

Армия всегда была опорой КПК. От позиции армейского руководства зависел исход важнейших политических противоборств в современной истории КНР. Решиться на чистку генералитета НОАК в рамках общенациональной антикоррупционной кампании Си Цзиньпин мог лишь в том случае, если масштабы армейской коррупции имели угрожающий характер. По всей видимости, ситуация была именно такой. В самом начале 2015 г. член Политбюро ЦК КПК, зампреда ЦВС КНР Сюй Цилян на рабочем заседании по проверке дисциплины в вооруженных силах заявил, что необходимо всеми силами продвигать улучшение партийного стиля, создание неподкупного аппарата, углубление и развитие борьбы против коррупции в целях создания действительных гарантий для достижения цели КПК по формированию мощной армии в новой обстановке. Сюй Цилян подчеркнул, что необходимо перед ли-

цом серьезной и сложной обстановки сохранять трезвость мысли¹¹.

В этих условиях руководство КПК предприняло ряд шагов, направленных на усиление собственного контроля над армией. Так, в январе 2015 г. Си Цзиньпин совершил свою первую в наступившем году поездку по Китаю в г. Куньмин провинции Юньнань, где инспектировал формирование НОАК, принимавшее участие в ликвидации последствий недавнего землетрясения. Там лидер КНР призвал солдат руководствоваться указаниями ЦК КПК и ЦВС и прилагать усилия к укреплению строительства низовых уровней армии. В феврале все высшее руководство Китая во главе с Си Цзиньпином приняло участие в чаепитии в Пекине по случаю наступающего праздника Чуньцзе, чтобы отметить единство правительства, армии и народа.

Особое место в деле укрепления авторитета Си Цзиньпина в армии отводится предстоящему военному параду в ознаменование 70-летия победы во Второй мировой войне. Впервые с момента образования КНР Китай проводит крупномасштабный военный парад не по случаю национального праздника. Впервые на нем будут присутствовать главы иностранных государств. Наконец, это первый военный парад после вступления Си Цзиньпина в должность председателя КНР.

Еще одной отличительной чертой нынешней антикоррупционной кампании стал ее международный аспект. Власти Китая активно развивают международное сотрудничество по поимке коррумпированных чиновников, скрывающихся за границей, и по возврату незаконно полученных ими денежных средств. Китай стремится к созданию глобальной сети антикоррупционного сотрудничества и рассматривает вопрос о разработке законодательных актов, касающихся международной правовой помощи в уголовных делах. КНР, участница Конвенции ООН против коррупции, инициировала международное сотрудничество в рамках АТЭС и G20.

Эти усилия китайского руководства уже приносят первые результаты. В ходе спецоперации «Охота на лис 2014» в 69 странах и регионах, включая страны Северной Америки и Западной Европы, 290 человек были арестованы, 390 человек добровольно сдались¹².

Текущая антикоррупционная кампания в Китае характеризуется значительным масштабом и степенью охвата партийных, государственных, военных, корпоративных элит. Она сопровождается комплексом мероприятий организационно-юридического характера, включая международное сотрудничество.

Китайское руководство рассматривает борьбу с коррупцией как неотъемлемую часть всего комплекса проводимых реформ. По его мнению, борьба с коррупцией является эффективной гарантией «всеобъемлющего верховенства закона», истинным проявлением «всестороннего строгого внутривластного управления», а также предпосылкой и гарантией «всестороннего строительства среднезажиточного общества». Официальные СМИ называют эту борьбу «волшебной палочкой для успокоения океана» страны¹³.

Антикоррупционная кампания, как и другие реформы, стала ответом на те вызовы, с которыми столкнулось 5-е поколение китайских руководителей. Однако этот ответ порождает множество новых вопросов, требующих своего исследования.

¹ <http://russian.cntv.cn/russian.china.org.cn> 02-03-2015

² russian.china.org.cn. 22-01-2015

³ russian.china.org.cn. 22-01-2015

⁴ Синьхуа 12-01-2015

⁵ Синьхуа 30-01-2015

⁶ russian.china.org.cn 12-03-2015

⁷ Синьхуа 22-01-2015

⁸ <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1719403>

⁹ РИА Новости - <http://ria.ru/world/20150305/1051022042.html>

¹⁰ <http://www.ng.ru/news/495631.htm>

¹¹ russian.china.org.cn 15-01-2015

¹² «Жэньминь жибао» онлайн 09-01-2015

¹³ russian.china.org.cn 13-03-2015

6.

Пивоварова Э.П.,
ИДВ РАН

КНР: НЕЗАВИСИМОСТЬ В ВЫБОРЕ
«ПУТИ, ТЕОРИИ И СТРОЯ»

Аннотация: За годы рыночных преобразований в КНР произошел достаточно решительный отход от традиционных норм социализма в сторону допущения на благо развития производительных сил и улучшения на этой основе жизни людей не только единоличных, но и частных хозяйств, распределения не только по труду, но и по капиталу, формирования регулируемой на макроуровне рыночной экономики. Фактически, за годы реформ Китай создал конвергентную по своей сути «смешанную экономику», которую и называют «социализмом с китайской спецификой», ибо ни в классический, ни в «нэповский социализм» эта экономика не вписывается, но в ней присутствует в качестве необходимой составляющей идея «социального контроля над производством».

Ключевые слова: социально-экономический строй, социализм, капитализм, «смешанная экономика».

Pivovarova Eleonora, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
vafek@mail.ru

PRC: INDEPENDENT CHOISE OF ROAD,
THEORY AND SOCIAL SYSTEM.

Abstract: During the reform years in China has been done rather bold deviation from traditional socialistic norms towards allowing for the sake of development of productive forces and improvement on this basis the life of people not only individual but also private enterprises, the distribution on only according to labor but also according to capital, formation of the market economy on the macro-level. In fact during the reform years China has created “mixed economy” which is called “socialism with Chinese specif-

ics” because this economy can not be put down as neither classical or “new economic policy socialism” but it has got as a necessary part an idea of “social control” over production.

Key words: socio-economic system, socialism, capitalism, “mixed economy”.

На собрании, приуроченном к 110-й годовщине со дня рождения «генерального архитектора китайских реформ и открытости» Дэн Сяопина, состоявшемся в Пекине в августе 2014 г., Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с призывом придерживаться социализма с китайской спецификой и независимости в выборе «пути, теории и строя».

Такой призыв, более подробно сформулированный в «Постановлении о некоторых важнейших вопросах всестороннего углубления реформ» на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г., на наш взгляд, актуален уже тем, что во многих публикациях, посвященных исследованию «китайской модели», авторы ограничиваются описанием «модели развития», «модели роста» и т. п., оставляя без внимания как теоретические обоснования экономической политики, так и характер главной составляющей любой «модели» – общественного строя страны. А ведь 35 лет рыночных реформ в КНР затронули не только экономическую жизнь, но и общественный строй страны.

В докладе на XVIII Всекитайском съезде КПК в ноябре 2012 г. Ху Цзиньтао подчеркивает необходимость (согласно требованиям выдвинутой им «научной концепции развития») достижения в стране «соответствия производственных отношений производительным силам, а надстройки – экономическому базису» как важнейшему условию сохранения и дальнейшего развития социализма с китайской спецификой. Следует обратить внимание на то, что эта формулировка Ху Цзиньтао выдержана в духе требований политэкономии как науки о развитии общества, науки, ставшей (наряду с марксизмом) из-

гоем с началом рыночных реформ во многих социалистических странах, в том числе и в нашей стране.

Надо сказать, что великолепным исключением в возникшем у нас в постсоветском пространстве теоретико-методологическом хаосе стали сторонники критического марксизма, блестящие представители которого профессора Московского государственного университета А.В. Бугалин и А.И.Калганов – посвятили свои исследования «перезагрузке» методологического наследия Маркса, реактуализации и развитию его диалектического метода. Опубликовав в 2014 году двухтомный «Глобальный капитал» (т. 1 – Методология, т. 2 – Теория), авторы разъясняют, что поставили перед собой задачу показать, что именно и по каким причинам сохраняет свою актуальность и требует перезагрузки, реактуализации, а что устарело и требует критического обновления в методологии К.Маркса.

Почти так же рассуждают и ведущие китайские ученые-экономисты, считающие, что нельзя под видом защиты всего наследия марксизма-ленинизма и отстаивания его чистоты придерживаться закостенелых позиций в теории социалистического строительства. Необходимо проанализировать: что в наследии основоположников марксизма-ленинизма действительно сохраняет жизненную силу сегодня, что изменилось в силу новых условий времени и места, что не получило отражения по объективным условиям прежнего времени, но выдвигается практикой сегодняшнего дня. Определение курса работы в соответствии с реальной действительностью Дэн Сяопин назвал «самым главным идеологическим методом работы КПК»¹.

В отличие от большинства бывших социалистических стран, пошедших в рыночные отношения путем отрицания и разрушения всего прежнего не только практического, но и теоретического багажа, в КНР на протяжении всех лет реформ, внимательно исследуя как свой, так и зарубежный опыт, как правило, после экспериментального апробирования вводили в

практику страны то, что давало положительные результаты, хотя еще до недавнего времени считалось «табу» для социалистического общества. Именно такие новые открытия стали для китайских ученых «прорывами» в экономической теории социализма.

Абсолютно неправомерными оказались попытки некоторых исследователей китайского опыта подменить «в духе нового времени» понятие «социализм с китайской спецификой» понятием «*сяокан шэхуй*». Во-первых, это разнопорядковые категории, которые нельзя заменять одну другой. Первая из них, характеризующая общественно-производственные, то есть экономические отношения людей, не может быть заменена категорией «общества средней зажиточности» даже со всем его набором морально-этических норм.

Главный смысл экономического прогресса состоит в достижении прогресса социального, то есть в улучшении качества жизни людей. История развития мировой цивилизации свидетельствует о большей результативности для достижения этого эволюционного, а не революционного пути.

Осознание необходимости поддержания баланса экономических и социальных интересов для обеспечения социально-политической стабильности в обществе стимулировало в XX в. эволюционные трансформационные процессы двоякого рода. Так уже в первой половине XX в. развитый капиталистический мир в целях недопущения разрушительных социальных революций, которые предсказывались К.Марксом, пошел на немыслимое ранее перераспределение богатства между трудом и капиталом в пользу труда, успешно дополнив собственную идею эффективной рыночной экономики рожденной социализмом идеей социальной защиты трудящихся.

Прогноз К. Маркса о грядущей смене формаций, строившийся на анализе развитого капиталистического общества, не оправдался. Попытка же практической реализации этого прогноза на основе ленинской поправки о «слабом звене в цепи

империализма», обернулась драмой социализма, истоки и причины которой все еще остаются важной темой для исследования. По нашему мнению, и в том, и в другом случае был недооценён человеческий фактор: в первом случае – возможность понимания высокообразованным менеджером, как предотвратить революционную ситуацию, во втором – излишние надежды на способность трудового народа долгое время жить в уравниловке и довольствоваться моральными стимулами.

В последние два десятилетия XX в. социалистический мир, явно проиграв соревнование с капитализмом в развитии производительных сил, направил свои усилия на создание ранее не вписываемых в социализм рыночных отношений, видя в этом единственно возможный и наиболее результативный способ создания реальной материальной основы для обеспечения социальной поддержки трудового народа.

В КНР задача избавления страны от бедности и отсталости фигурировала в качестве главной цели социально-экономической стратегии всех поколений китайского руководства. Первоначально вопрос о социалистической ориентации КНР был поставлен как дилемма. «Куда направлять развитие в переходный период – к социализму или же к капитализму?» – спрашивал Мао Цзэдун в 1953 г. Ответ он давал ссылкой на выработанную к тому времени генеральную линию КПК в переходный период: «Генеральная линия партии требует перехода к социализму, что предполагает довольно длительную борьбу»². Несколько лет спустя, в 1957 г. Мао Цзэдун вновь повторяет вопрос: «К капитализму или к социализму?», признавая отсутствие ясности на этот счет у многих людей в КНР и констатируя свершённость выбора: «Жизнь уже дала ответ на этот вопрос – спасти Китай может только социализм»³.

1980-е гг. XX столетия для КНР стали годами активного теоретического и практического поиска пути ликвидации экономической отсталости страны, сохранившейся и после 30-летнего социалистического строительства. Принципиальные

различия между тем социализмом, который предсказывался основоположниками марксизма-ленинизма, и реальной жизнью привели ученых КНР к выводу о том, что цель социализма, заключающаяся в самореализации трудящихся и общественной справедливости, является идеалом, к которому стремятся из поколения в поколение, но процесс перехода социализма от утопии к науке еще очень далек от завершения.

Пытаясь продвинуться на этом пути, китайские ученые-экономисты направили усилия на изучение различных хозяйственных систем при социализме. В докладе "Проблема целевой модели реформы хозяйственной системы КНР", подготовленном под руководством вице-президента АОН Китая Лю Гогуана, был проведен сравнительный анализ хозяйственных систем при социализме. В итоге уже к середине 1980-х гг. «целевая модель хозяйственной реформы» КНР была определена учеными и руководителями страны как «органическое сочетание плана и рынка».

Поскольку реформа затронула основу всей экономической деятельности страны – отношения собственности, реальностью стали легальное развитие не только индивидуальных, но и частных хозяйств, распределение не только по труду, но и по капиталу, теоретическую и практическую основу обрел госкапитализм. Такой способ развития производительных сил и производственных отношений в стране получил официальное одобрение уже на XV съезде КПК в 1997 г. и правовое оформление в поправках к Конституции КНР в 1999 г.

Характерно, что в ходе порою довольно острых теоретических дискуссий в связи с быстрым развитием в стране частного предпринимательства делались выводы, что, при условии сохранения ведущих позиций общественных форм собственности в народном хозяйстве, и «небольшая безработица», и «немного эксплуатации» не повредят социализму, а лишь помогут скорее выбраться из экономической отсталости. Главное, чтобы не сформировался класс эксплуататоров, чтобы в целом увеличи-

валась занятость, чтобы обогащение отдельных слоев не сопровождалось обнищанием других, а происходило при условии улучшения благосостояния всего общества. Надо сказать, что эти главные условия допущения развития частного капитала на перспективу в КНР удалось соблюдать практически на протяжении всех 35 лет рыночных реформ.

Для тех, кто высказывал опасения по поводу того, что быстрое развитие в ходе реформы необщественных форм хозяйства потеснит с ведущего места общественную собственность, выдвигался довод о неоднозначности характера создаваемых в стране акционерных предприятий, среди которых лишь небольшое число образовано частными инвесторами, а в большинстве своем это смешанные компании, где государству и коллективным юридическим лицам принадлежит контрольный пакет акций, а значит они носят общественный характер. Указывалось и на все шире распространяющуюся возникшую в ходе реформы акционерно-кооперативную форму хозяйственной деятельности, объединяющую усилия и капиталы трудящихся, т.е. явно обладающую атрибутами общественной собственности. Обращалось внимание и на сектор коллективной экономики, способный воплотить принцип совместного достижения зажиточной жизни для всех членов коллектива, стать хорошей формой аккумуляции распыленных денежных средств, смягчить напряженность с трудоустройством, увеличить общественные накопления и налоговые поступления.

На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в октябре 2003 г., а затем на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г. вместо традиционных представлений о том, что главной формой общественной собственности являются государственный и коллективный сектора экономики, была выдвинута новая концепция – «превратить акционерную систему в главную форму общественной собственности» и указано на необходимость всемерно развивать смешанный сектор экономики с участием государственного, коллективного и необщественного капиталов.

А в докладе «О работе правительства» на сессии ВСНП было предложено «интенсивно продвигать преобразования в плане перевода госпредприятий на нормативную акционерную систему» и «обеспечивать всемерное развитие сектора смешанной формы собственности, постепенно превращая акционерную систему в главную форму реализации общественной собственности».

Интересно отметить, что именно такая характеристика специфики необщественных форм собственности, появившихся в КНР в ходе рыночных преобразований, активно используется китайскими учёными сегодня при обсуждении определённых 3-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва «важнейших задач всестороннего углубления реформ», а также при характеристике социально-экономического строя страны.

Дело в том, что уже к рубежу XXI в. в КНР окончательно (после заявления Дэна Сяопина в 1982 г. о необходимости Китая «идти собственным путем») определили свой новый путь как «строительство социализма с китайской спецификой», предлагающий вносить в долгосрочную программу социально-экономического развития китайского общества все то, что будет работать на преодоление бедности и отсталости и создание в конечном счете мощного и богатого государства.

Достаточно решительно отойдя за годы реформ от традиционных «теоретических норм» социализма в сторону допущения на благо развития производительных сил и улучшения на этой основе жизни людей единоличных и частных хозяйств, распределения по капиталу, решительно формируя регулируемую на макроуровне рыночную экономику, Китай за годы реформ фактически создал конвергентную по своей сути «смешанную экономику», которую и называют социализмом (хоть и с китайской спецификой), на наш взгляд, в немалой степени по причине близости китайским традициям идей социальной справедливости и коллективизма.

Пойдя по пути использования положительных наработок как плановой, так и рыночной экономик, китайское руководство, постепенно расширяя возможности рынка, но постоянно продолжало контролировать процесс «рыночнизации» и сохранять за государством ведущие позиции в экономике и, в первую очередь, в стратегических отраслях народного хозяйства. И сегодня, на новом этапе «всестороннего углубления реформ» и заявлении о целесообразности допущения рынка в сферы деятельности и отрасли, ранее закрытые для негосударственного и иностранного капитала, можно с большой долей уверенности сказать, что китайское руководство пытается разрешить не впервые заявленную, но очень трудно поддающуюся выполнению задачу четкого разграничения функций государственных органов и рынка.

В свое время премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао «здоровый рыночный механизм» и «эффективный макроконтроль» назвал жизненно важными составляющими системы социалистической рыночной экономики, призвав «впредь обеспечивать органическое единство правительственного контроля и рыночного механизма». Чью роль выявлять больше – рынка или правительства – Вэнь Цзябао рекомендовал решать с учетом конкретной ситуации. По нашему мнению, на нынешнем этапе КНР, пытаясь оптимизировать способы государственного регулирования экономики, самые большие усилия сосредоточит на совершенствовании макрорегулирования и макроконтроля, ставших на протяжении всех предшествующих лет главными гарантами успеха реформ.

Надо сказать, что «поиск способов оптимального взаимодействия государства и рынка», который автор со времени своей первой публикации о «социализме с китайской спецификой» в 1992 г. рассматривает как главный признак конвергентной по своей сути «смешанной экономики», позволяющий обеспечить социально-экономический прогресс в преобразуемом на рыночных началах бывшем социалистическом мире,

сегодня проводится и в нашей стране, причем в значительной степени это происходит под влиянием тех огромных социально-экономических успехов, которых достиг Китай за годы рыночных реформ.

В своей публикации «Почему сегодня Китай «гордо стоит на Востоке мира» автор уже писала о тех российских ученых, которые в своих исследованиях связывали успехи социально-экономического развития Китая со следованием его по пути создания «смешанной экономики». Сегодня как бы своеобразным обобщением этих взглядов, по мнению автора, может служить тезис академика С.Ю. Глазьева в его статье «Обыкновенное чудо – китайское», опубликованной в феврале 2015 г.: «Вместо обрушения системы государственного регулирования экономики, предпринятого в России в форме «шоковой терапии» в надежде на автоматическое включение механизма рыночной самоорганизации, китайские руководители сделали все наоборот. Постепенно создавая условия для частного предпринимательства, они осторожно адаптировали систему государственного регулирования к механизмам рыночной самоорганизации. Пока наши реформаторы ломали народнохозяйственный комплекс, оправдывая свой авантюризм тем, что «нельзя быть немножко беременной», китайские реформаторы постепенно строили мост между социализмом и капитализмом, преодолевая пропасть даже не за «два прыжка», а за тысячу шагов». Именно поэтому, как заключает академик С.Ю. Глазьев, сегодня по своему экономическому потенциалу «КНР уже встала на уровень ведущих стран мира»⁴.

Сегодня в России все больше ученых, обращающих пристальное внимание на опыт КНР и принимающих вывод о том, что тот общественно-экономической строй, который сегодня называется в КНР «социализмом с китайской спецификой» является конвергентной по своей сути «смешанной экономикой», где очень разнообразны по уровню развития производительные силы, где сосуществуют различные по формам собственности

типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ, где принятием идеи «трех представительств», расширяющей «социальную опору» руководства страны допущением в правящие органы страны частных предпринимателей, в определенное соответствие с «многоцветным» базисом приведена и политическая надстройка, где – и это самое главное – осуществляется «социальный контроль над производством» как необходимое условие создания рыночного хозяйства в многонаселенной и экономически отсталой стране.

¹ Дэн Сяопин взньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина, 1975-1982). Пекин, 1983, с. 109

² Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977, с.118

³ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977, с. 474

⁴ С. Глазьев. Обыкновенное чудо – китайское. «Завтра». февраль, 2015 г., № 8, с. 4.

7.

Кондрашова Л.И.,
ИДВ РАН

КИТАЙ: СОВРЕМЕННОЕ «УГЛУБЛЕНИЕ РЕФОРМЫ» КАК НОВЫЙ ЭТАП ПОСТРОЕНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ.

Аннотация. Современный курс на «углубление реформ» нацелен на дальнейшее укрепление роли рынка, что создает впечатление об усилении позиций китайских либералов. Очередная коррекция экономической стратегии Китая ставит вопрос о пределах маркетизации в условиях социалистического строительства и об установлении рационального баланса между государственным вмешательством и рыночным саморегулированием. Автор считает, что есть все основания предполагать, что Китай останется верен своей цивилизационной парадигме и проводимой стратегии социалистического строительства при руководящей роли государства и КПК.

Ключевые слова: рынок, реформы, государственное регулирование, национальная идентичность.

Kondrashova Lyudmila, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
kondrashova@ifes-ras.ru

Abstract: The modern course of the “deepening the reforms” is aimed at the more important role of the market. That may be interpreted as a victory of the Chinese liberals. The new correction of the economic strategy brings the question how to put limits to the market–transformation within the process of the socialist construction and how to achieve the rational balance between the government interference and market self-governance. The author is sure that China will be true to its civil paradigm and to a socialist construction with the leading role of the government and the Communist party.

Key words: market, reforms, state regulation, national identity.

В полном соответствии с теорией институциональных матриц китайская реформа была сопряжена с расширением участия комплиментарных, в данном случае, рыночных начал общественного развития. Сложность поставленной задачи перехода к рыночной экономике легко понять, поскольку дореформенная управленческая структура в Китае была предназначена для решения задач директивного управления, не имеющего ничего общего с принципами управления, которым следует придерживаться в рыночном пространстве. От своего исторического прошлого КНР унаследовала институты иерархической государственной структуры с наличием ярко выраженного централизованного начала и приверженностью традиционным этическим установкам.

Объективно обусловленная рыночная направленность китайских реформ породила не всегда осознанное и, тем более, не пропагандируемое стремление к воспроизведению уже апробированного опыта Запада, к использованию передовых

управленческих методов капиталистических стран. Практически все государства под давлением конкуренции вынуждены адаптироваться к вызовам глобализации и открывать свои границы международному капиталу. Гомогенизация общественной жизни и экономических стратегий втягивает все страны в подчинение одним и тем же рыночным требованиям - сбалансированный бюджет, расширение частного сектора и приватизация, привлечение иностранных инвестиций, стабильность валюты, власть доллара. Требования эффективности и конкурентоспособности выглядят несовместимыми с привязанностью к национальной специфике, с протекционизмом разного рода, включая культурный. Западная культура навязывается миру как единственно универсальная и прогрессивная, а вестернизация служит механизмом реализации проекта тотальной унификации мира, преподносимого как безальтернативный. Средства массовой коммуникации настойчиво разрушают представление о регулирующей роли государстве, которому противопоставляется «глобальное свободное общество». Наследуемые и импортируемые извне идейно-политические предпочтения формируют общественный настрой, который сказывается на поведении людей и их общественном выборе, на развитии общества и жизнедеятельности его институтов.

В то же время рыночный и техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь, создает угрозу устойчивости системы. Сопутствующая процессу рыночных преобразований вестернизация входит в противоречие с имеющейся социально-культурной идентичностью. В этих условиях национальная идентичность подвергается серьезным испытаниям. Изменения ее происходят как естественным, так и насильственным путем с использованием и военного вмешательства, и «мирных» информационных и рекламных средств. Экономический и политический кризисы, вызываемые как внутренними, так и внешними причинами, непосредственно затрагивает прежнюю «политику

идентичности», заставляя переосмысливать существовавшие общественные ценности и ориентиры. Без такого пересмотра консервируемая идентичность может стать тормозом модернизации общества. Но таким же тормозом может оказаться и полное игнорирование своих ценностных цивилизационных оснований. Авторы статьи «Новый взгляд на знакомые понятия» в свое время писали: «Вступив на новый путь развития в конце 1970-х гг., открывшись миру, Китай вольно или невольно оказался в сфере влияния западных концепций и практических воплощений экономического либерализма, социально политических и морально-нравственных ценностей, правовых нормативов. Впрочем, не только Китай. Почти все страны, переживающие переходный период, ищущие пути развития в условиях рыночной экономики, вынуждены, теоретически осмысливая свои будущие шаги в политике, экономике, социальных отношениях, опираться на опыт развитых индустриальных держав с их пониманием сути гражданского общества»¹.

Влияние идей либерализма было особо ощутимо в Китае в конце 1980-х гг. Чжао Цзыян был полон намерений добиваться такого углубления экономических реформ, которое обеспечило бы необратимость рыночных преобразований. В своих публичных выступлениях он настаивал на скорейшей либерализации цен при борьбе с инфляцией и на широком внедрении акционерной формы собственности. Либеральные идеи широко представлены в кампании «за дополнительное просвещение», имевшей целью распространение западной системы ценностей, в телевизионной трансляции сериала «Речной реквием» (другое название «Жертва реки»), в выступлениях участников студенческих выступлений 1988–1989 гг. Автор статьи «Три китайских течения общественной мысли, имеющих влияние в современном Китае», Фан Нин говорит о либеральной части китайской интеллигенции, которая считает, что «только с окончанием «культурной революции» и началом реформ материковая часть Китая сошла со второстепенной дороги, по ко-

торой шла Россия, и вернулась на старый путь, проторенный Англией и США, на главную дорогу цивилизации нового времени»².

Поражение «рыночников-либералов» после Тяньаньмэньских событий завершилось дискредитацией самой идеи форсированного перехода к «стандартной рыночной модели», пропагандой преимуществ социализма и контрпропагандой «слабого государства». Популярность приобрел афоризм Чэнь Юня, который в свое время сравнивал рынок с птицей, а план – с клеткой и считал, что от рыночной стихии следует оградиться «плановыми решетками»³.

Подводя итоги экономического развития за последние три с лишним десятилетия, можно сказать, что в успехах Китая большую роль сыграл правильный выбор стратегии и тактики реформы и соответствующий уровень компетентности и сплоченности правящей элиты. Государство продемонстрировало свою способность обеспечить работающие институты, необходимые для рыночной экономики. Придерживаясь эволюционного курса, китайские реформаторы сохранили надежные рычаги централизованного управления и пошли на расширение местной и индивидуальной экономической свободы в расчете на поддержку своих инициатив в народе. Оправданными можно считать темпы либерализации экономики при сочетании «шокового» варианта в сельском хозяйстве и осторожного подхода в городском секторе. Сочетание сильной государственной власти с политической стабильностью позволило осуществить реформационный переход относительно безболезненно. В дальнейшем поддержанию устойчивого экономического роста помогла гибкая экономическая политика, придерживавшаяся чередования фаз либерализации и «урегулирования», проведения многочисленных экспериментов, учета местных особенностей.

Внешне реформистские преобразования протекали в импровизационном режиме (сейчас говорят, что реформы шли на

ощупь, где не получалось – пытались исправить) при наличии маятниковых колебаний соотношения «рынка» и «плана» и постепенного расширения сферы рыночных отношений. В официальных и научных кругах существовали противоречия относительно скорости и глубины рыночных преобразований, соотношения экономической и политической реформ, приоритетности системы собственности и системы ценообразования.

Можно говорить о смене следующих пяти концептуальных вариантов соотношения рынка и государственного регулирования (плана и рынка):

1. **«Плановое управление – главное, рыночное – дополнительное».** Этот подход возобладал на начальном этапе реформы и получил официальное одобрение на XI съезде КПК в 1982 г.

2. **«Плановое товарное хозяйство» с двухколейным хозяйственным механизмом.** Эта идея была закреплена «Постановлением о реформе хозяйственной системы», принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (1984 г.). Очерченная в нем ориентация на полную хозяйственную самостоятельность предприятий предполагала развитие товарно-денежных отношений в сочетании с планово-распределительными отношениями. Вся экономическая деятельность делилась на три блока: директивное планирование, направляющее планирование, сфера свободного рынка.

3. **«Планово регулируемый рынок».** Эта идея закрепились после 1989 г. Общее направление реформы выражала формула «государство регулирует рынок, рынок направляет деятельность предприятий». Предприятия хозяйствуют, ориентируясь на сигналы с рынка, но сам рынок контролируется государством. Суть этой модели (государство – рынок – предприятие) состояла в том, чтобы сделать главной государственной задачей макроэкономическое регулирование посредством стоимостных механизмов и освободить государство от прямого управления хозяйственной деятельностью.

4. Социалистическая рыночная экономика с базовой ролью рынка. Эта концепция была изложена в решениях XIV съезда КПК (1992 г.) Принятое на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва решение о создании в Китае системы социалистической рыночной экономики оставляло за правительством большую роль в экономике. За государством закреплялась макрорегулирующая функция, предполагавшая государственный контроль пропорций между накоплением и потреблением, между доходами и расходами государственного бюджета, над общим объемом кредитов и их распределением. Предприятия оказывались одновременно и объектами, и субъектами процесса макроэкономического регулирования. Как объекты макрорегулирования они были подчинены установкам государственного плана, как самостоятельные товаропроизводители они обязывались приравниваться к требованиям рынка.

Эта комбинация плана и рынка сохранялась и в нулевые годы нового века. На проходившем в 2002 г. XVI съезде КПК прозвучала задача «усовершенствования системы социалистической рыночной экономики» и были обозначены основные ориентиры следующего этапа реформы, в числе которых оказались осуществление «основополагающей (базисной) роли рынка в распределении ресурсов», преобразование государственных предприятий в полноценных субъектов рыночной экономики, поддержка развития негосударственного сектора экономики, ускорение урбанизации. Однако при Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао рыночные преобразования, несмотря на довольно решительные декларации, шли в довольно вялом режиме.

5. Решающая роль рынка в китайской экономике. Авторство данной концепции принадлежит новому партийному руководству во главе с Си Цзиньпином. Ее суть – создание полноценного рынка, в котором предприятия свободно участвуют в равноправной конкуренции, потребители пользуются полной свободой выбора товаров, а факторы производства находятся в свободном обращении. В «Постановлении» 3-го пленума ЦК

КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) слово «рынок» упоминается 81 раз. В принятой на пленуме «дорожной карте» говорится о существенном сокращении государственного вмешательства в распределение ресурсов, о смягчении государственного контроля за тарифами на ключевые ресурсы, о расширении доступа частного капитала к целому ряду отраслей, о предоставлении местным администрациям права свободного заимствования на открытых финансовых рынках. Внимание общественности особенно привлекло программное заявление, прозвучавшее на пленуме, относительно придания рынку «решающей роли в распределении ресурсов». Пленум констатировал: «Реформа экономической структуры является ключевым моментом всестороннего углубления реформ, основная задача состоит в оптимизации и рационализации взаимоотношений между правительством и рынком, чтобы рынок сыграл решающую роль в размещении ресурсов и правительство наилучшим образом исполнило свою роль».

Риторика последних партийных решений создает впечатление, что намеченное «углубление» хозяйственной реформы с перенесением акцентов «слева направо» укрепляет позиции китайских либералов. Наиболее известный в Китае экономист-рыночник У Цзинлянь расценил решения 3-го пленума 18-го созыва как завершение длившегося все годы реформ спора о соотношении «плана» и «рынка» в пользу рынка. У Цзинлянь высказал 7 главных предложений по становлению полноценного рынка:

1) внедрение четкой системы имущественных прав и единого земельного рынка;

2) разработка правовой базы с равной защитой всех форм собственности и обеспечением равного доступа к факторам производства предприятий всех форм собственности;

3) либерализация товарных цен, процента по кредитам и валютного курса;

4) усовершенствование антимонопольного законодательства и прекращение монопольного поведения всех отраслей и регионов;

5) разграничение полномочий государства и запрет на вмешательство государственных органов в деятельность хозяйственных организаций;

6) гарантия независимости судебных органов и преодоление судебного регионализма;

7) улучшение экономического макрорегулирования и запрет на государственный контроль в сфере микроэкономики под предлогом задач макрорегулирования⁴.

Если приравнять положение о «решающей роли рынка» к признанию его доминирующей роли, то следует исключить из экономической модели постулаты о главенстве общественной собственности на средства производства и принцип распределения по труду, которые являются качественными характеристиками социалистического способа производства. Собственно так и рассуждают некоторые китайские экономисты. Их оппоненты, наоборот, ссылаются на чрезмерное влияние в Китае «чужеземных» теорий – сначала марксизма-ленинизма, потом либерализма и монетаризма, на широкое распространение рыночной идеологии, идеи выгоды как единственной движущей силы общественного развития, власти денег как мерила благополучия человека⁵. Немало тех, кто считают, что вестернизация является одной из главных опасностей дальнейшего развития, что продолжение развития Китая в «вестернизаторском русле» при ориентации на западную систему ценностей грозит дальнейшим подрывом коллективистских традиций, отступлением от принципа социальной справедливости; разрастанием имущественного неравенства, широким распространением коррупции; катастрофическим ухудшением экологической ситуации. Встречается мнение, что китайская реформа отклонилась от провозглашенной цели построения социалистической рыночной экономики, подверглась сильному влиянию неоли-

берализма, пожертвовав в погоне за экономическим ростом и «модернизацией» своей естественной средой, многими своими традициями, прежде всего традициями семьи и нравственности, допустив поляризацию общества⁶.

Современная коррекция экономической стратегии, направленная на преодоление тормозов рыночного развития и более экономное расходование ресурсов, ставит вопрос о пределах маркетизации в условиях социалистического строительства, об установлении рационального баланса между государственным вмешательством и рыночной саморегуляцией. Очевидно, что если доминантные и комплиментарные признаки трансформируемой системы меняются своими местами, то происходит слом прежней институциональной основы и переход на другой путь развития.

Учитывая исторические традиции Китая, правильный выбор стратегии и тактики реформы и соответствующий уровень компетентности и сплоченности правящей элиты, можно надеяться на сохранение важной регулирующей роли государства и КПК, целостности страны и основ государственного устройства, на полную независимость от рецептов международных органов. В чем состоит опасность перехода к постгосударственному мироустройству с потерей национального суверенитета?

Во-первых, предусматриваемое либеральной идеологией ослабление роли государства препятствует реализации стратегии догоняющего развития и выхода из кризисных ситуаций.

Во-вторых, посягательство на макрорегулирующую роль государства особо опасно при переходе к наметившемуся новому технологическому укладу, когда требуется расширение параметров инвестиционной и инновационной активности.

В-третьих, навязывание демократических ценностей в западной трактовке препятствует государственной интеграции и провоцирует сепаратистские тенденции. Крупным государствам угрожает распад страны.

В-четвертых, унификация стратегии развития способствует дальнейшему росту имущественной и региональной дифференциации.

В-пятых, навязывание западного эталона «потребительского общества» противоречит ограниченности мировых ресурсов. Сложившееся практически полное освоение земного пространства повышает значение экологической безопасности.

В-шестых, ориентация на чужие ценности чревата потерей культурной идентичности и моральным разложением. Главной сферой борьбы в XXI столетии становится культурно-цивилизационная и духовная среда.

В настоящее время из пяти «табу» нового курса реформ (отказ от многопартийной системы как не соответствующей историческим традициям и китайскому менталитету; отказ от идеологического плюрализма и китаизация марксизма-ленинизма; отказ от разделения трех ветвей власти и двухпалатного законодательного собрания; отказ от федеративного государственного устройства; отказ от всеохватывающей приватизации)⁷, можно заметить признаки отступления от третьего и четвертого положения, что вытекает из выдвижения новых задач по созданию нормативного государства и усилению принципа децентрализации. Зато неоспоримым является акцент на руководящую роль партии, о чем свидетельствует Постановление о создании Руководящей группы ЦК КПК по всестороннему углублению реформ с функциями проектирования, координации действий и контроля над проведением намеченных преобразований. Касаясь вопроса каким должен быть рынок и какую функцию призвано выполнять государство, Си Цзиньпин отметил, что следует избегать как тотальности рынка, так и чрезмерного государственного вмешательства в хозяйственные процессы.

Наблюдающийся крен в сторону рынка объясняется, на наш взгляд, наметившимся падением темпов экономического роста и крайней озабоченностью китайского руководства

трудностями повышения эффективности капиталовложений, доходов от экспорта, а также продолжающейся коррупцией. К тому же в стране сложился союз элит, настроенных на дальнейшее проведение реформ в рыночном ключе.

Достижения Китая в своей основе определяются тем, что он остался верен своей цивилизационной парадигме, «не потерял лицо», придерживается суверенного типа государственного управления и макрорегулирующей роли государства, ориентации на национальные интересы и национальную безопасность. Основные моральные ценности формирующейся китайской модели: на индивидуальном уровне - патриотизм, преданность работе, добросовестность, высокая нравственность; на общественном уровне – свобода, равенство, справедливость, опора на закон; на государственном уровне – служение стране, демократичность, цивилизованность и гармония. Основную универсальную ценность, которая должна существовать на уровне всей планеты, лидеры страны определяют как «мир всюду под Небесами», экологическая безопасность.

¹ В. Ганшин, Г. Торгей рередоттир. Новый взгляд на знакомые понятия. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №3. с. 127.

² «Экономические стратегии». 2006 г. №2. с. 35

³ Цзинцзи жибао, 25.10.1989 г.

⁴ У Цзинлянь. 2014 нянь гайгэ цзоуши. (2014 год – реформа на марше.) // «Чжунго гайгэ». 2014. №1. с. 10.

⁵ «Экономические стратегии». 2006 г. №2. с. 35.

⁶ Чжунго гайгэ. 2006. №5. С. 9.

⁷ Твердо следовать по пути социализма с китайской спецификой. Материал Центра изучения теории китайского социализма АОН КНР. «Цюши». 2011. №8. с. 13-14).

КИТАЙСКАЯ СЕМЬЯ: ИЗМЕНЕНИЯ В ХОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Аннотация: Быстрое социально-экономическое развитие и проведение демографической политики обусловили изменения размера, структуры и функций китайской семьи. Развитие семьи столкнулось с определенными вызовами. В результате проведения политики реформ и открытости, демографической политики, распространения интернета, влияния ценностей западной культуры, роста уровня урбанизации и изменения социальной и экономической структуры появились новые формы жизненного уклада для новых поколений, стала меняться ситуация в сфере семейно-брачных отношений. Постепенно снижается ценность традиционных брачных уз, развивается стремление к профессиональному развитию, большое внимание уделяется вопросам экономической выгоды. Современная молодежь вынуждена жить под давлением требований о повышении статуса, улучшения образования. Все это приводит к более позднему вступлению в брак и рождению детей. Из-за большой конкуренции при поступлении на учебу и на работу возникают противоречия между новой социальной ситуацией и старыми моральными ценностями, в первую очередь семейными. Меняются не только формы семьи, но и ее содержание, семейные ценности и функции семьи.

Ключевые слова: китайская семья, демографическая политика, старение населения, миграции, поддержка семей.

Bazhenova Elena, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
bazhenova-elena@yandex.ru

CHINESE FAMILY: GREAT CHANGES IN THE COURSE OF ECONOMIC REFORM

Annotation: The main subject of the article is family transition in China during the last decades: characteristic features of this transition; the analysis of factors affecting the changes in family pattern; regional variations of family size and population prospects under the new pattern of family. With rapid socio-economic development in the recent decades family characteristics of China have experienced a profound change. China is on the way to finish the historical demographic transition and to form a modern reproduction model. The main features of modern family pattern are late marriage, late childbearing and concentrated reproductive age. Socio-economic development and population policy are the main fundamental factors affecting family pattern in China. Under low pattern of fertility (decrease from 2.3 in 1990 to 1.7 in 2015) the maximum size of population will take place in the middle of the 30's of this century – it reach the peak of 1.52 billion. The huge size of labor force is a serious challenge to the process of China's economic development. The population age structure will be close to the aged type – the share of population at the age above 60 will account for 380 million people, there will be 25% of total population by the year of 2040. Social security system has to be developed for the aged. The population will make pressure on economic development and environment and a new strategy to develop scarcely populated and backward western areas has been proclaimed for the next decades.

Key words: socio-economic development, family pattern, late marriage, age structure of population.

Семья в древнем Китае – сложная категория, уходящая корнями к патриархально-родовым отношениям первобытного общества. В эпоху неолита, в период Инь и в начале Чжоу, очевидно, семья еще не была самостоятельной социальной и

хозяйственной ячейкой; парные брачные ячейки могли быть лишь частью более крупных социальных и хозяйственных объединений – рода или родовой общины. Семьи (первоначально в основном среди знати) начали формироваться с начала Чжоу, а ближе ко времени Конфуция моногамная семья уже преобладала в Китае во всех слоях общества.

В старом Китае семейные отношения определялись традициями, религией и законодательством. Им уделялось большое внимание в этической системе конфуцианства. Китайская классическая философия всегда поощряла многочисленность китайской нации. Согласно философским трактатам Конфуция и Мэнцзы, у китайцев тысячелетиями существовало представление о том, что отсутствие потомства равносильно непочтанию родителей и является великим грехом. В своих многочисленных постулатах Конфуций и его последователи создали культ большой семьи, состоявшей из нескольких поколений, с всевластием отца семейства (государство в миниатюре), сравнивали семью и государство – кто не может управлять семьей, тот не справится и с управлением государством. Патриархальная семья рассматривалась как «микрокосм порядка в государстве и обществе»¹.

Эти традиции складывались под влиянием определенных экономических условий. Ручной труд в земледелии, который сохранялся в течение многих веков, требовал огромного количества рабочих рук для обеспечения населения продовольствием. «Система большой семьи в Китае – это надстройка над экономикой, на ней зиждется наше общество на протяжении более чем двух тысячелетий. Политика, право, мораль, наука, идеология, нравы и обычаи – все это основывается на большой семье и является надстройкой по отношению к ней»². При таких экономических предпосылках стремление к совместному проживанию родственников было намного сильнее желания раздельного существования.

Семья в Китае была организована в соответствии с двумя принципами, которые являлись основой конфуцианского образа жизни: главенство старшего поколения над младшим и главенство мужчины над женщиной. Китайская семья строилась на основе беспрекословного подчинения всех ее членов главе семьи, которым всегда являлся мужчина. Власть его была неограниченной, он распоряжался судьбой домочадцев и совместным имуществом. Под влиянием культа предков и патриархальных традиций право главы семьи (*цзячжан*) на имущество было абсолютным до момента его смерти. Традиционная система наследования средневекового Китая предполагала деление имущества, прежде всего земли, поровну между его сыновьями (строго соблюдался принцип эквализации земли)³.

Основа китайского общества состояла в почитании старших. Традиционные китайские семьи, как это было в большинстве аграрных обществ, возглавлял старейший мужчина старшего поколения, на смену которому приходил его старший сын, и так продолжалось из поколения в поколение. Внутри поколений старшие всегда имели превосходство над младшими. Семью объединяли определенные ритуалы поклонения предкам.

Положение женщины в семье было совершенно бесправным, оно определялось тремя заповедями Конфуция: послушание отцу в детстве, мужу – в замужестве, сыну в старости. Ее роль сводилась к обслуживанию детей, мужа и пожилых членов семьи. Сыновья не имели права выбрать себе невесту, дочери – мужа. Право выбора принадлежало главе семьи, который исходил из соображений престижа или экономических интересов.

Семьи объединялись в кланы, которые состояли из всех семей одинаковой фамилии, проживавших в одном районе. Клановые церемонии регулярно проводились в клановом храме, где находились портреты предков. Большие клановые семьи состояли из нескольких поколений супружеских пар, так

как сыновья – продолжатели рода после вступления в брак оставались в родительском доме, беря на себя заботу о престарелых. Поэтому рождению девочки не очень радовались в Китае, как и в других странах Востока. Следует отметить крепость клановых связей, особенно на юго-восточном побережье и на юге страны. Клановые организации, имевшие собственность, политические и юридические привилегии; доходы от собственности распределялись правящей элитой. Несмотря на то, что не все население было организовано в систему крупных кланов, они в немалой степени способствовали стабильности социальной структуры китайского общества. Важное объединяющее значение имела взаимопомощь в границах клана (прежде всего помощь нуждающимся членам). Здесь кроется объяснение того, почему преданность семье и клану у китайцев всегда были на первом месте. Красной нитью через всю историю Китая проходит тезис Конфуция о том, что Поднебесная является одной большой семьей.

Неравенство мужа и жены было очевидным. Оно объяснялось традиционным взглядом на семью: она увековечивалась мужчиной. Женщина могла укрепить свое положение в семье лишь рождением мальчика; если рождалась девочка, она теряла свой авторитет в семье до тех пор, пока не рожала сына (о не родивших сыновей говорили: «когда в прошлой жизни не хватает добродетели, в нынешней не имеют сыновей»; «лишенные ста поколений»).

Конфуцианские каноны определяли и соотношение семьи и брака в Китае. Семья являлась первичным звеном, ее интересы уходили корнями в глубокое прошлое, в росте ее процветания и благосостояния были заинтересованы далекие предки, культ почитания которых был главным и самым почетным делом каждого отца семейства. Основой семьи были не чувства, а выполнение религиозных обязанностей. Отсюда основной задачей было не допустить прекращения рода, чтобы не вызывать недовольства умерших родных. Поэтому брак заключал-

ся для продолжения рода, диктовался заботой о воспроизводстве семьи, подчинялся потребностям семьи и клана и рассматривался как ритуальный обряд в целях увеличения и укрепления семьи.

Рост населения рассматривался мыслителями и политическими деятелями Китая как показатель увеличения национальной силы, благосостояния и процветания, что находило отражение в общественной мысли на протяжении всей его истории. В V–II вв. до н.э. («золотой век китайской философии») философы Китая, обосновывая свои теории относительно воздействия роста или уменьшения численности и плотности населения на развитие общества, указывали на возможность оказывать влияние на демографические процессы. С возникновением феодального государства большая часть китайских ученых выдвигала идеи о распространении ранних браков и поощрении рождаемости, в первую очередь, с целью увеличения численности населения, занятого в сельском хозяйстве.

В дальнейшем, вплоть до XVIII в., господствующей среди китайских ученых продолжала оставаться точка зрения, которая поощряла быстрый рост населения страны. По-прежнему широко бытовало мнение, что для решения задач укрепления хозяйственной и военной мощи необходимо увеличивать численность населения. Исключением являлась лишь теория Хун Лянцзи, которого называли «китайским Мальтусом» - он предостерегал против перенаселения, утверждая, что рост населения обгоняет производство продовольствия.

На рубеже XIX–XX вв. среди общественных деятелей и ученых Китая, обеспокоенных низким уровнем экономического развития страны, преобладала традиционная точка зрения на население как на источник благосостояния и могущества нации. Пронаталистская политика была сформулирована в начале 1930-х гг. Сунь Ятсеном⁴. Взгляды сторонников многочисленного населения оказали свое влияние на теории народонаселения, получившие распространение после образования КНР. Та-

ким образом, целый ряд факторов географического, культурного, религиозного и идеологического характера способствовал многочисленности населения Китая в течение многих веков. И лишь в 1970-е гг. прошлого столетия в ходе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику, направленную на сдерживание численности населения самой многонаселенной в мире страны, чтобы привести в состояние рационального равновесия число жителей, величину природных ресурсов и потребности устойчивого экономического развития с целью построения общества благосостояния, о котором мечтали философы древнего Китая.

Семья является основной ячейкой любого общества, а счастливая семья, по мнению китайских демографов и социологов, важная основа развития народонаселения и социальной гармонии. По данным 6-й Всекитайской переписи населения 2010 г., число жителей КНР достигло 1,339 млрд человек – это 400 млн семей, каждая из которых в среднем насчитывает всего 3,1 человек³. Небольшие размеры семьи, диверсификация ее структуры и деление ранее многопоколенной семьи на маленькие семьи, проживающие раздельно, оказывают большое влияние на традиционные функции китайской семьи.

В результате проведения политики реформ и открытости, демографической политики, распространения интернета, влияния ценностей западной культуры, роста уровня урбанизации и изменения социальной и экономической структуры появились новые формы жизненного уклада для новых поколений, стала меняться ситуация в сфере семейно-брачных отношений. Постепенно снижается ценность традиционных брачных уз, развивается стремление к профессиональному развитию, большое внимание уделяется вопросам экономической выгоды. Современная молодежь вынуждена жить под давлением требований о повышении статуса, улучшения образования. Все это приводит к более позднему вступлению в брак и рождению детей. Из-за большой конкуренции при поступлении на учебу и на

работу возникают противоречия между новой социальной ситуацией и старыми моральными ценностями, в первую очередь семейными. Меняются не только формы семьи, но и ее содержание, семейные ценности и функции семьи. Снизилась зависимость от родителей, семейного клана.

Быстрое социально-экономическое развитие и проведение демографической политики, которая, в свою очередь, оказала влияние на структуру населения, обусловили изменения размера, структуры и функций китайской семьи. Развитие семьи столкнулось с определенными вызовами.

Во-первых, уменьшились размеры семьи. В 1982 г. было в среднем 4,43 человека в семье, в 2010 г. – всего 3,15 человека.

Во-вторых, усилилась тенденция к росту числа нуклеарных семей. Состоящая только из семейной пары и несовершеннолетних детей, нуклеарная семья стала основной формой китайских семей. В настоящее время их доля насчитывает более 70% всех семей в Китае⁶.

В-третьих, форма семьи стала более диверсифицированной. Особенно быстро растут маленькие семьи: семьи с единственным родителем; семьи, состоящие из одного человека. Кроме того, старение населения и увеличение средней продолжительности жизни привели к тому, что появляется все больше семей, состоящих из двух или одного пожилого человека. В дополнение, с учетом огромных масштабов китайской миграции, образовалось большое число оставленных мигрантами семей в сельской местности и неполных семей мигрантов в городах.

В настоящее время в связи с новой социальной ситуацией одна из стандартных моделей семьи – это «4-2-1», которая состоит из двух пар дедушек и бабушек, мужа и жены и единственного ребенка. В связи с этим изменилась форма заботы о родителях. Прежде патрилокальная система обязывала сыновей делить между собой обязанности по опеке над пожилыми

родителями. Сейчас супруги все чаще совместно заботятся о двух парах пожилых родителей. Поэтому:

В-четвертых, семейные отношения стали менее тесными. Сокращение размера семьи упрощает семейные взаимоотношения, а поддержка отдельным членам семьи ослабевает.

В-пятых, ослабляются функции семьи. Вступление в брак, деторождение и поддержка престарелых членов семьи ослаблены. Способность семей сопротивляться рискам и угрозам тоже снизилась.

Эти изменения обусловили ряд проблем и вызовов развитию семьи в Китае. Поэтому правительство КНР приняло ряд важных мер по обеспечению большей поддержки малообеспеченным семьям, семьям с пожилыми людьми, семьям мигрантов и семьям, имеющим другие трудности. В 2014 г. были предоставлены субсидии для достижения прожиточного минимума 18,8 млн городских жителей и 52,1 млн сельских жителей; еще 5,3 млн сельских жителей получили поддержку в рамках программы «пяти обеспечений». Кроме того, 13,1 млн горожан пользовались льготами для участия в программе городского медицинского страхования и 41,2 млн человек в сельских районах для участия в программе сельского кооперативного медицинского обслуживания. Функционировало 38 тыс. социальных центров, из которых 34 тыс. – для пожилых людей; в домах престарелых насчитывается 5,5 млн мест. В настоящее время в Китае число людей старше 60 лет превышает 200 миллионов. Это каждый седьмой человек. Старение населения стала серьезной проблемой для всего общества. «Только в Пекине и Шанхае насчитывается более 2 млн человек, которые приглашают работников, предоставляющих услуги престарелым на дому. Однако реально можно предоставить услуги только 200 тысячам из них»⁷. В дополнение, правительство учредило систему поддержки семей, практиковавших планирование семьи – это ежемесячные субсидии всем пожилым людям старше 60 лет.

В марте 2013 г. в ходе реорганизации Министерство здравоохранения и Госкомитет по делам народонаселения и планирования семьи были объединены в Госкомитет по делам здравоохранения и планирования семьи, где был выделен Департамент планирования и развития семьи, в том числе для обеспечения политики в области старения населения и гендерного равенства. В КНР недавно получила развитие политика «Два ребенка в семье, где один из супругов был единственным ребенком», которая явилась важным дополнением прежней политики однодетной семьи и будет способствовать улучшению ситуации в области рождаемости в ответ на изменения демографической ситуации в стране.

В Китае около миллиона супружеских пар планируют иметь второго ребенка и уже подали заявления после того, как в 2014 г. правительство смягчило политику «одна семья – один ребенок». Это число соответствует прогнозам Государственного комитета КНР по делам здравоохранения и планового деторождения⁸.

Новая политика поможет затормозить процессы старения населения, будет содействовать долгосрочному сбалансированному развитию населения Китая. В будущем правительство КНР продолжит усилия, направленные на разработку стратегии по совершенствованию планирования и развития семьи, предоставлению большей помощи и поддержки бедным семьям, особенно в уязвимых социальных группах; улучшению механизма социальной защиты, большего внимания повышению статуса женщин в семье и обществе и положению пожилых людей, чтобы обеспечить возможности устойчивого развития для всех семей.

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М. 2001.

² Ли Дачжао. Экономическое объяснение идеологических поворотов в современном Китае. Избранные статьи и речи. М. 1991.

³ Dun J.Li. The Ageless Chinese. New York. 1965.

⁴ Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М. 1991.

⁵China Population Today. 2014. № 1.

⁶ Там же.

⁷ <http://russian.cri.cn/1281/2015/02/12/1s539381.htm>

⁸ http://russian.news.cn/social/2015-01/12/c_133913954.htm

9.

Почагина О.В.,
ИДВ РАН

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Аннотация: В статье рассматриваются формирование потребительских ценностей в среде городской молодежи, особенности и разнонаправленные тенденции потребительской социализации, модели потребления, шопинг, приверженность модным тенденциям, а также неудовлетворенность собственной внешностью и физиологическими параметрами тела, отношение общества и государства к новым молодежным ценностям.

Ключевые слова: Китай, городская молодежь, средний класс, потребительские ценности, потребительская социализация, модели потребления.

Pochagina Olga, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
pochagina@mail.ru

CONSUMER VALUES OF URBAN YOUTH IN CONTEMPORARY CHINA

Abstract: The article deals with the formation of consumer values among urban youth, features and opposite trends of consumer socialization, patterns of consumption, shopping, adherence to fashion trends, as well as dissatisfaction with appearance and physiological parameters of the body, the attitude of society and the state to the new youth values.

Keywords: China, urban youth, the middle class, consumer values, consumer socialization, patterns of consumption.

«Если вы хотите узнать, чем живет и дышит настоящий Китай, обратите внимание на проблемы китайской молодежи, а если пожелаете сделать прогнозы относительно будущего Китая, то начинать стоит, пожалуй, с наблюдения и изучения молодого поколения китайцев»¹, – считает Хуан Хуэйчжу, главный исполнительный редактор журнала «Китай», и с ним трудно не согласиться. Действительно, для понимания современного китайского общества и перспектив его развития чрезвычайно важно оценить соотношение традиций и новаций в мировоззрении и поведении современной китайской молодежи, выявить общее с мировыми тенденциями и особенное в ценностных ориентациях китайской молодежи. Потребительские ценности молодых людей в возрасте до 35 лет, родившихся после 1980-х, в годы реформ и открытости, и живущих в городах, дают возможность оценить и понять не только разнонаправленные тенденции потребительской социализации, но и суть кардинальных экономических, социальных и мировоззренческих перемен, глубину и специфику идущих в китайском обществе процессов.

Согласно данным Всекитайской переписи населения 2010 г., 33,5% населения Китая – более 446 млн человек составляют возрастную группу от 15 до 35 лет. Более 219 млн – это поколение 1980-х в возрасте 25–35 лет, а более 227 млн – это представители поколения 1990-х в возрасте от 15 до 24 лет. Уровень урбанизации молодого населения составляет 47,4 %².

Несмотря на то, нынешнее поколение образованных молодых китайцев живет в эпоху перемен, в которую, согласно традиции, китайцы желают жить лишь своим врагам, именно оно считается самым благополучным и счастливым за тысячелетнюю историю Китая. Действительно, они, единственные дети в семье, родились и выросли в условиях социальной стабильности и постоянного роста уровня жизни, с детства окружены особым вниманием и любовью родителей, бабушек и дедушек, что не могло не отразиться на их мировосприятии и отношении

к окружающему миру. Создать коллективный портрет китайской молодежи можно лишь в очень общих чертах, так как эта, огромная по численности демографическая страта представлена различными социально-экономическими и возрастными группами.

Модели потребления

В мировоззрении и поведении современной молодежи смешались традиции и современность, причудливым образом переплелись китайское культурное наследие, влияние западной цивилизации и глобальные тенденции развития. Достижения технического прогресса стали неотъемлемой частью их жизни: они активные пользователи интернета, различных гаджетов, Интернет-кафе, социальных сетей Qzone, 51.com, Xiaonei, Kaixin001, Mimi и др. Это их особый мир, который они выстраивают по своим проектам и в котором устанавливают свои правила и законы. Они не боятся заявлять, что живут для себя, их заботят лишь собственные чувства и суждения. Поведение и вкусы молодых поколений отличаются демонстративностью, они изменяют собственную внешность хирургическим путем, украшают себя татуировками и пирсингом, красят волосы в немыслимые цвета, предпочитают носить ультрамодную экстравагантную одежду, полагая, что это круто, и не обращают внимание на мнение учителей и родителей. У них свои герои, идеалы и секс-символы.

Пореформенные поколения образованны, они с упорством и желанием учатся, познают и открывают неизведанное, участвуют в экологических и волонтерских движениях, увлеченно занимаются спортом и общественной деятельностью. Молодые китайцы открыты миру и всему новому. Многие из них обучаются за рубежом, путешествуют по стране и за пределами Китая. Они уверены в себе и верят, что имеют будущее, считают, что во многих отношениях они более свободны, чем их родители.

Распространение в китайском обществе культа потребления, западных ценностей и поп культуры привели к тому, что молодые представители среднего класса все чаще ориентируются на так называемые краткосрочные ценности, главные из которых шопинг и развлечения. В современном мире в условиях рыночной экономики и научно-технического прогресса материальные объекты морально устаревают и обесцениваются в очень короткие сроки, значительно быстрее, чем изнашиваются физически и утрачивают работоспособность, что ставит под сомнение целесообразность, традиционную ценность бережного отношения к вещам. Безусловно, ценности и модели потребления молодых сельских мигрантов, решающих вопросы адаптации в городских условиях, отличаются от моделей сверстников-представителей среднего класса, родившихся в городах, тем не менее, их объединяет неудержимое стремление к материальным благам.

В Китае в среде среднего класса растет новое поколение искушенных и требовательных потребителей. Запросы и ценности поколения 90-х с их повышенным вниманием к стилю жизни, своим увлечениям, чувствам и желаниям и спокойным отношением к деньгам меняют правила игры на потребительском рынке Китая³. Как их только не называют: «маленькие императоры», «сидящие на шее родителей», «поколение ку», «клубничное поколение», «поколение драгоценных снежинок», «провалившееся поколение», «бунтари», «эгоисты», «слабаки», «ежемесячно тратящее все деньги» и др. Однако они же – «второе поколение миллионеров», «рабы недвижимости», «рабы кредитных карт», «муравьи» и «домоседы»⁴.

Их модели потребления кардинальным образом отличаются от моделей их родителей и предыдущих поколений, основу которых составляют традиционные добродетели – скромность, разумность, бережливость и установки дореформенной политики «высокого накопления и низкого потребления», обеспечения «тепла и сытости». Как правило, молодые люди не име-

ют сбережений, не задумываясь, тратят все заработанные деньги, что удовлетворить спонтанные или навязываемые рекламой желания, часто влезают в долги, ибо уверены, что любящие родители не откажут им в финансовой помощи. Их потребительские ориентации характеризуются «суверенитетом потребления и укреплением индивидуализма», значительную роль в них играют западные потребительские стандарты⁵.

В современном Китае в молодежной среде существуют и модели потребления, в какой-то мере соответствующие традиционным ценностям бережливости и рачительности. К ним можно отнести модели совместного потребления и обмена предметами. Модель совместного потребления (в складчину) подразумевает объединение на добровольной основе потребителей, обладающих похожими потребностями, желаниями и возможностями, с целью оптимизации расходов и экономии средств и повышения планки уровня жизни. В Китае среди молодежи она распространена не только в сфере недвижимости (аренда жилья, нередкая практика и в других странах), но и в розничной торговле продовольственными и непродовольственными товарами (объединение покупателей с целью получить скидки), общественного питания (посещение ресторанов), транспорта (поездки на такси, аренда автомобилей) при оплате косметических и рекреационных услуг (фитнес центров, салонов красоты и т.п.). В основе модели обмена лежит концепция «обмена ненужных вещей на нужные». Информацию о существовании предложений и разного рода групп таких потребителей можно найти в социальных сетях. Такие модели потребления позволяют молодежи не только оптимизировать расходы на жилье, питание, транспорт, услуги, избавиться от неиспользуемых вещей, но, и что очень важно, помогают строить новые отношения, расширять круг знакомств, укреплять связи между членами группы. Более того, они соответствуют традиционным китайским ценностям принадлежности к группе и бережливости⁶.

Шопинг

Формирование с начальной школы посредством обязательных уроков нравственного воспитания у молодых поколений КНР комплекса устойчивых традиционных ценностей – скромности, бережливости, долгосрочного использования материальных объектов, представлений о социальной, политической и экологической ответственности в потреблении вступает в противоречие с тиражированием западных ценностей потребительского общества, представленных в Китае в популярных детских и юношеских программах и рекламных роликах, агрессивными маркетинговыми компаниями ведущих мировых производителей товаров и услуг, с бурным развитием покупок онлайн. Наиболее эффективными маркетинговыми инструментами, направленными на молодые группы потребителей, являются интернет и особый вид массовой коммуникации, осуществляемый посредством интернета – социальные медиа (сети, онлайн-игры, мультимедиа и т.п.).

Согласно данным «Kantar Worldpanel», в городской молодежной среде расширяется использование китайских социальных медиа. В 2014 г. по сравнению с предыдущим годом среди пользователей социальных медиа выросла распространенность, дифференциация и более частое использование гаджетов. Представители разных поколений по-разному используют возможности Интернета, так, поколение 1990-х часто обращается к Интернет-видео, поколение 1980-х – наиболее активно в Интернет-шопинге, а поколение 1970-х – интересуется контентом новостных сайтов. В потребительском поведении пользователей социальных медиа значительную роль играют факторы репутации и престижа, оно стало более индивидуальным. Молодежи нравятся новые товары и их интересуют новые услуги. Они стремятся быть в тренде, но одновременно отличаться от других⁷.

Необходимо отметить, что шопинг помогает молодежи удовлетворять социальную потребность принадлежности к

группе, которая достигается посредством демонстрации и приобретения товаров определенной ценовой категории и популярного или престижного бренда. В связи с постоянным ростом уровня жизни и вышеуказанной тенденции в последнее десятилетие среди городской молодежи шопинг превратился в один из видов проведения свободного времени. Приобретение, далеко не всегда имеет целью решение конкретных практических задач и удовлетворение насущных потребностей в товарах и услугах. Шопинг выступает, порой, в качестве хобби, приобретает развлекательно-компенсаторную функцию, решает статусные задачи, постепенно превращаясь из увлечения и способа избавиться от стресса и депрессии в психологическую зависимость с невротами навязчивых состояний разной степени тяжести. Отдельные представители поколения «домоседов» утрачивают интерес к жизни, их межличностные контакты слабеют, и как следствие – они отдаляются от общества и реальной жизни⁸.

Молодежь рассматривает и покупки, и процесс шопинга как элемент традиционного искусства жить, следования в фарватере своих желаний. Им нравится сам процесс покупки онлайн. Более 60% представителей и поколения пост-90-х гг. в разных целях используют Интернет ежедневно⁹. В Китае 618 млн активных пользователей Интернета, среди них 500 млн пользователей мобильного интернета. Китайский интернет-гигант Alibaba интегрировал свой платежный сервис в китайский сервис микроблогов Вэйбо (более 500 миллионов пользователей 2013 г.), что позволяет пользователям совершать покупки внутри социальной сети. Согласно статистике за октябрь 2013 г., каждую минуту мобильным сервисом Alipay пользовалось 25000 человек, суточный оборот составлял \$3,3 млрд.¹⁰ Однако привязанность к онлайн-магазинам и зависимость от онлайн шопинга способствует формированию иррациональной модели потребительского поведения, характеризующейся бессмысленной тратой свободного времени и денег.

Приверженность модным тенденциям и неудовлетворенность собственной внешностью

Приверженность к модным тенденциям в различных сферах – одежде, аксессуарах, музыке и других видах искусства – одно из ярких проявлений потребительских ценностей в молодежной субкультуре и характерная черта портрета молодых китайцев, маркер принадлежности к поколениям пост-80-х гг. Представление своего «Я», удовлетворение потребности в самовыражении, борьба с индивидуальными комплексами, стремление во что бы то ни стало соответствовать своей референтной группе – все эти задачи часть молодежи пытается решить наиболее легким путем – путем потребления модных товаров и услуг. Имидж – важный компонент шкалы ценностей молодежной культуры. Для молодых людей обоих полов в принципе характерна неудовлетворенность собственной внешностью, однако у китайской молодежи недовольство внешностью сопровождается отказом от традиционных эталонов физической красоты и стремлением к европейским стандартам посредством пластической хирургии. Индустрия красоты, предлагающая разнообразные услуги, развивается в Китае быстрыми темпами, ежегодно увеличивается количество обращающихся к пластическим хирургам. Растет популярность татуировок и пирсинга, отражающих ценность самовыражения и индивидуализма, но противоречащих, как и пластика, традиционному представлению о том, что тело является бесценным даром, полученным от родителей и его не следует осквернять. Последний писк моды, пришедшей из-за океана, – татуировка на зубах – изображения на зубной эмали портретов поп-звезд, черепов, различных символов и даже признаний в любви.

По мнению социолога из Фуданьского университета Гу Сяомина причиной «новой культурной революции» в Китае стали современные условия жизни, навязывающие новые каноны. Но есть и другие причины, например, безудержная кон-

курения на рынке труда заставляют меняться и иметь западную внешность¹¹.

Традиционно в Китае ценились знания, совершенство и добродетели, а красота человеческого тела считалась творением природы. Китайская красавица отличалась слабостью, нежностью, мягкостью, тонкостью, миниатюрностью, легкостью и спокойствием, мужская красота подразумевала такие характеристики и свойства, как широкие плечи, густые волосы и брови, крепкое телосложение, твердый характер, храбрость и др.¹²

Современные китайки массово превращаются в блондинок и шатенок, с помощью цветных контактных линз изменяют цвет глаз на голубой и зеленый, а с помощью пластических хирургов увеличивают грудь, изменяют форму носа и глаз, убирая, так называемую монгольскую складку, – эпикантус¹³. Молодые люди тоже экспериментируют с цветом и длиной волос, носят эксцентричные прически всех цветов радуги. Юноши решаются и на более сложные пластические и хирургические операции, например, по увеличению роста. Значительную роль в формировании болезненного недовольства своей внешностью играют стандарты красоты, навязываемые поп-культурой, многочисленными модными, глянцевыми журналами и телевидением.

Следование молодежному стилю в одежде в Китае, в отличие от пластики, не представляет опасности для здоровья и отличается разнообразием, сочетанием элементов унисекса, фьюжн, панка, R&B, инфантилизма, синтезом модных влияний Кореи, Японии и Запада. Особой любовью пользуются вещи всемирно известных брендов, причудливые украшения, аксессуары, необычные сумки и обувь. В поисках своего стиля молодежь творит, сочетает несочетаемое, не обращая внимания на удивленные, возмущенные и осуждающие взгляды старших. Быть собой, быть конкурентоспособным на брачном рынке, на рынке труда, следовать своим желаниям, выделяться из толпы, проявлять в имидже свою уникальность, индивидуальность,

неординарность, творческий подход, – таковы основные мотивации такого поведения. И в этом, бесспорно, нет ничего предосудительного. Это определенного рода игра с социумом в переодевание и отказ от общепринятых норм, касающихся внешности, строгих костюмов и обязательного дресс-кода. Под маской инфантильности и чудаковатости, могут скрываться индивиды со сложившимся мировоззрением и зрелой жизненной позицией. Если предыдущие поколения в Китае в силу социально-экономических и культурных причин не могли иметь собственного стиля в одежде, стеснялись и просто не могли выделяться и отличаться от остальных, то современная молодежь не боится эпатировать общество. Среди молодых мужчин популярны метросексуальная культура с идеями ухоженности, привлекательности и вечной молодости, интеллектуализм и индивидуализм, среди девушек – «детский» стиль, японская готика, хип-хоп и др. Неотъемлемая часть образа – экстравагантная обувь – шпильки, высокие каблуки разных форм, разноцветные кеды, кроссовки с аппликациями. Для представителей обоих полов характерна брендомания (болезненное стремление носить вещи всемирно известных марок), сформировавшаяся в западном обществе потребления, где процесс потребления связывается с чувствами удовлетворения и превосходства. Брендовая и экстравагантная одежда выполняет функцию социального лифта, поднимающего статус индивида в обществе, но что более важно – в группе сверстников и, кроме того, позитивно влияет и на самооценку.

Отношение общества и государства к новым ценностям молодежи

Изменение морально-нравственных ценностей в молодежной среде беспокоит не только китайских социологов, но руководство страны. Отмечается определенное ослабление ценности семейно-родственных, дружеских и других типов социальных связей, что обуславливается зачастую информационным содержанием современных СМИ и Интернетом. Они форми-

руют массовые стандарты поведения, модели потребления и проведения досуга¹⁴. И это в условиях, когда изучение традиционных китайских ценностей с начала 2000-х гг. включено в программу нравственного воспитания школьников 1–9 классов общеобразовательных школ. Причем, если в 1–4 классах отводится 2 урока по 40 минут в неделю, то в 5–6 классах – три. Цель этого учебного курса определена следующим образом: «помочь китайским детям жить здоровой, безопасной, счастливой, позитивной, ответственной, творческой и разумной жизнью». Основной акцент делается на долгосрочности использования материальных объектов потребления, бережливости и скромности¹⁵. Тем не менее традиционные ценности в современном китайском обществе в молодежной среде чаще всего можно найти в преломленном или адаптированном виде, что обусловлено объективными и разнонаправленными тенденциями потребительской социализации.

Председатель КНР Си Цзиньпин особо выделяет тот факт, что как для народа, так и для государства наиболее глубинным и долговечным источником сил является признанная во всем обществе система ценностей. В этой сфере ситуация не отличается однозначностью. С одной стороны, утверждается, что «китайская молодежь успешно противостоит экспансии западных ценностей» и «в стране довольно высокий уровень согласия с политической линией правительства», а с другой – признается, что «в эпоху открытого общества часть молодых китайцев отошла от распространенной в стране системы ценностей, что может привести к серьезным и тяжелым последствиям». В редакционной статье газеты «Хуаньцю жибао» признается тот факт, что «западным ценностям уже удалось забить себе несколько клиньев в китайском обществе. Интернет – одна из площадок, демонстрирующих состояние духа в современном китайском социуме, и здесь есть голоса, громко говорящие в пользу западной системы ценностей»¹⁶.

Писатель Цю Фэн, размышляя о проблемах духовности, полагает, что, вероятно, причинами утраты духовной опоры являются культурные особенности – атеизм китайского общества и широко распространившаяся в Китае в годы экономических реформ концепция «ловить момент». «Люди всеми силами стремятся повысить количество материальных ценностей, чтобы показать ценность своей жизни... такого рода «...озабоченность можно назвать не чем иным, как психозом, безысходностью «онкольной жизнью»¹⁷.

Замедление темпов роста китайской экономики не сопровождается пока снижением уровня жизни населения. В 2014 г. среднедушевой доход населения вырос на 10,1% (за вычетом ценового фактора практический рост составил 8%) по сравнению с предыдущим годом, достигнув 20 тыс. 167 юаней. На 12% вырос и объем розничных продаж потребительских товаров¹⁸. Молодые представители среднего класса Китая в силу возрастной неустойчивости и подвижности их системы ценностей, а также своей многочисленности рассматриваются мировыми и местными производителями товаров и услуг как наиболее перспективный и растущий сегмент рынка товаров и услуг.

Существует комплекс факторов как внешних (западная система ценностей потребительского общества, в которой потребление является смыслом жизни, продвигаемая агрессивными маркетинговыми кампаниями; формирование на глобальном и транскультурном уровне общности покупательских предпочтений и взглядов на потребление у поколения, рожденного в XXI в.), так и внутренних (ориентация на рост внутреннего потребления, поступательное улучшение уровня жизни), способствующих формированию новой для китайского общества системы потребительских ценностей в молодежной среде.

Безусловно, в культурной и ценностной самоидентификации поколений, рожденных после 1980-х, причем в поколения

1980-х («ба-лин-хоу») в большей степени, нежели у поколения 1990-х («цзю-лин-хоу»), сохраняется влияние конфуцианских ценностей, являющихся структурообразующим компонентом китайской культуры. Новации и традиции переплетаются весьма причудливым образом. С одной стороны, молодые люди пытаются отстаивать свою независимость и самостоятельность в различных сферах жизни, выступают против традиционной иерархической структуры общества и традиционных ценностей, включающих беспрекословное уважение к традиции и всенепременное сохранение «лица», открыто делятся своими эмоциями, чувствами, мыслями в блогах, а с другой, живут в соответствии с традиционной концепцией «наслаждения жизнью», демонстрируют стремление к удовлетворению личных материальных потребностей и желаний, которое отнюдь не противоречит традиционным представлениям об эгоизме человека и его естественном стремлении к выгоде и к удовлетворению своих желаний. Так, согласно традиционным представлениям о правильном пути необходимо «стремиться получить сполна, когда дают, и уметь умерить свои желания, когда приходится отказываться от чего-либо»¹⁹, уметь наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях. У современной китайской молодежи гораздо лучше, что естественно, получается «получать сполна», умерять же желания и сознательно отказываться она еще не научилась, поскольку значительную роль в ее жизни играют эмоциональные и компенсаторные факторы. Именно эти навыки необходимо воспитывать, мотивировать и акцентировать на них внимание, дабы традиционная формула работала. Еще в древности Конфуций призывал к бережливости и довольствоваться своей участью: «Сокращай расходы и люби людей»²⁰.

Ценности общества потребления, бесспорно, оказывают негативное воздействие на духовное развитие человека: разными способами стимулируя потребление как материальную практику, представляя потребление в качестве уникального

способа самовыражения, сферы, в которой культивируется личное достоинство, маркера социального статуса, они способствуют формированию нерациональных моделей потребления, превращают потребление в смысл жизни, оттесняя фундаментальный поиск смысла и цели жизни на периферию сознания. Формируется и тенденция оценивать социальный статус по наличию или отсутствию объектов владения (дом, квартира, автомобиль, вещи (одежда, обувь, аксессуары) брендовых производителей), возможности посещать дорогие рестораны, путешествовать и т.п.

Руководство Китая ставит перед собой непростую задачу аккультурации западных ценностей потребительского общества и формирование на основе китайских традиционных морально-нравственных ценностей новационной духовной культуры XXI века.

-
- 1 Китайская молодежь в эпоху Интернета. Пекин, China Pictorial Publishing House, 2012.
 - 2 National Bureau of Statistics of China. 2010 Population Census. URL:<http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/CensusData/rkpc2010/indexh.htm> Дата обращения: 20.06.2014.
 - 3 China's next chapter: The rise of the Generation-2 consumer URL:<http://www.youtube.com/watch?v=rZWdFUtcNt4> Дата обращения: 02.03.2015; Лю Яньли. «Японизация» китайской молодежи. Новый вид, напоминающий японцев поколения Ютори. URL: <http://inosmi.ru/world/20130421/208296282.html> Дата обращения: 02.03.2015.
 - 4 О чем думают представители поколения 80-х в Китае? URL:<http://russian.people.com.cn/31516/7106092.html> Дата обращения 23.05.2014.
 - 5 Жу Ду. Модели потребления современной китайской молодежи: фокус на межклассовых различиях и различиях между городом и селом//Россия и Китай: молодежь XXI века монография/отв. редакторы: М.К Горшков, Ли Чунлинь и др. – М.: Новый хронограф, 2014. С. 170.
 - 6 В Китае появилась новая модель потребительских расходов. URL: <http://primamedia.ru/news/asia/12.07.2006/16306/v-kitaya-poyavilas-novaya-model-potrebitelskih-rashodov.html> Дата обращения 23.02.2014; Китайская молодежь в эпоху Интернета. С. 114.
 - 7 «Вэйсинь» - самое популярное Интернет-приложение среди китайских социальных медиа. URL:<http://russian.people.com.cn/n/2015/0212/c31516-8850073.html> Дата обращения: 12.02.2015.

-
- 8 Внимание! Зависимость от покупок в интернете лишает радостей жизни.
URL: <http://inosmi.ru/world/20121119/202346000.html> Дата обращения: 25.11.2014.
- 9 *Yuan Ye, Yang Di, Wan Jiahua*. Rational Radicals. URL: http://www.newschinamag.com/magazine/print_article/magazine/137 Дата обращения: 04.07.2014.
- 10 Мобильные платежи в Китае в 2013 году составили сумму \$1,59 трлн
<http://postrussia.info/mobilnye-platezhi-v-kitae-v-2013-godu-sostavili-summu-159-trln/> Дата обращения: 23.06.2014.
- 11 *Визетти Д.* Все к пластическому хирургу: Китай меняет лицо.
URL: <http://www.inopressa.ru/article/13Aug2009/repubblica/plastic.html> Дата обращения: 11.09.2013.
- 12 *Хуа Ли.* Китайская красота и русское прекрасное//Русская речь, № 4, 2006. С. 74-80.
- 13 China's high school craze for plastic surgery. URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20110714000009&cid=1303> Дата обращения: 13.06.2014; China's youth among world's top plastic surgery markets, says CCTV.
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/803313.shtml> Дата обращения: 13.06.2014.
- 14 *Лю Пэн.* Информационно-коммуникативное пространство китайской молодежи: опыт социологического анализа.//Теория и практика общественного развития. 2011 № 5. С. 91.
- 15 *Kara Chan.* Consumer socialization of Chinese children in schools: Analysis of consumption values in textbooks. URL: http://www.coms.hkbu.edu.hk/karachan/file/JCM_textbook_2006.pdf
Дата обращения: 18.09.2013.
- 16 Китайская молодежь успешно противостоит экспансии западных ценностей.
URL: <http://inosmi.ru/world/20140511/220143608.html?id=220200802> Дата обращения: 12.12.2014.
- 17 Китайская молодежь в эпоху Интернета. С. 102-103.
- 18 Китайские показатели. URL: <http://russian.cri.cn/881/2015/01/22/1s537281.htm>
Дата обращения: 25.02.2015.
- 19 *Феоктистов В.Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М.: «Наука», 1976. С. 252.
- 20 Беседы и суждения «Лунь юй» / науч. пер. А. Е. Лукьянова; поэт. перелож. В. П. Абраменко; Институт Дальнего Востока РАН; Исследовательское общество «Тайцзи». М.: ИД «ФОРУМ», 2011. С. 38.

РОЛЬ ЧАСТНОГО ТЕАТРА «ПЭНХАО» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПЕКИНА

Аннотация: Рубеж XX–XXI вв. для китайской культуры стал периодом рыночных реформ. Политика китайского правительства, нацеленная на превращение театра в отрасль культурной индустрии, стимулировала появление независимых театральных коллективов, экспериментальных студий и частных малых сцен. В условиях рыночной конкуренции с государственными театральными учреждениями и коммерческими предприятиями отрасли досуга и развлечения, негосударственным театрам Пекина приходится вырабатывать иную стратегию коммуникации с публикой, чтобы найти свою нишу в социокультурном пространстве города. Театр малой сцены «Пэнхао» позиционирует себя как «театр без границ», «открытая площадка» для талантливых исполнителей, драматургов, режиссеров, способных направить свою творческую энергию на креативные сценические эксперименты. В статье рассматриваются особенности формирования имиджа театра «Пэнхао», его роль и место в культурной и общественной жизни китайской столицы.

Ключевые слова: китайская культура, пекинский негосударственный театр «Пэнхао», имидж театра, социокультурное пространство.

Demido Nina, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
ndemido@yandex.ru

THE ROLE OF THE PRIVATE PENGHAO THEATRE IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF BEIJING

Annotation: At the turn of new millennium the Chinese culture was involved in the process of market reforms. China's government policy to turn a theatre into part of the cultural industry stimulated

the emergence of independent drama groups, experimental studios and private small theatres. Facing strong market competition from the state-owned or government supported academic drama theaters and commercial entertainment enterprises, private “black box” theatres have to develop different strategy of public communication due to find its own niche in the socio-cultural space of the city. The Penghao Theatre represents itself as the “Theatre without Borders”, an “open stage” for every talented player, writer, director, actor who can turn his creative energy into innovative experimentations. This paper will discuss the major efforts of the Penghao Theatre in creating its unique image, and the role and place of the small experimental theatre in the socio-cultural environment of Beijing.

Keyword: Chinese culture, Beijing small Theatre Penghao, theatre’s image, social-cultural space.

Осуществляемая в КНР реформа, нацеленная на создание высокодоходной и конкурентоспособной национальной культурной индустрии, в разной степени затрагивает все сегменты культурной сферы, включая театры. Открытие частному капиталу доступа в сферу театральной деятельности стимулировало появление небольших по масштабам негосударственных театров (*миньцзянь сяо цзючан*)¹ различных жанров, направлений и форм творчества, а также различных моделей организации творческо-производственной деятельности. Первые народные театры с малой сценой (зрительный зал до 500 мест) появились в китайской столице в начале нового тысячелетия и получили быстрое развитие после Пекинской Олимпиады-2008.

Пекин лидирует среди китайских городов по количеству театрально-сценических площадок, интенсивности их деятельности, социальной востребованности. Посещаемость спектаклей профессиональных театров (т.е. государственных или бывших государственных учреждений и предприятий с постоянной труппой и стационарным театральным помещением) в Пекине самая высокая в стране – 0,12 раза на душу населения в

год (аналогичный показатель по стране – 0,024 раза)². Согласно докладу Пекинской ассоциации театрально-зрелищной отрасли, в 2014 г. в столице действовали 130 официально зарегистрированных сценических площадок (при численности постоянного населения в 21,148 млн человек³. Для сравнения, в Москве с населением в 12,184 млн человек театральную деятельность на постоянной основе ведут 184 учреждения и организации). Сценические площадки Пекина подразделяются на пять категорий: 15 многофункциональных театров (Национальный Большой театр Китая, театр Баоли и др.); 9 крупномасштабных сцен (Дом народных собраний, стадион «Птичье гнездо» и др.); 28 профессиональных драматических, музыкальных и детских театров (Государственный драматический театр Китая, Пекинская консерватория, Китайский детский театр, Театр Мэй Ланьфая и др.); 13 театров с постоянной программой, ориентированной на туристов (Театр акробатики Тяньцзяо, Чайная Лао Шэ и др.); 65 «остальных театров и театров с малой сценой». За прошедший год все театры столицы показали 24595 представлений, их посетили более 10 млн человек/раз, кассовый сбор составил 149,5 млрд юаней. Однако на долю китайских профессиональных театральных учреждений и предприятий пришлось всего 18,3% от общего количества представлений, на долю остальных, включая частные театры с малой сценой, – 13%. За год профессиональные театры показали 4519 спектаклей (на 5% больше, чем в 2013 г.), «остальные» – 3200 (снижение на 4%). При этом среди 47 театрально-сценических площадок, которые в прошлом году показали более 200 представлений, большинство составили именно небольшие частные театры. Среди них авторский театр режиссера-авангардиста Мэн Цзиньхуэя «Фэнчао» («Улей», 300 мест), театр комедии «Лэй цзючан» («Фабрика смеха Лэй Цзылэ», 200 мест), Театр № 2 и Театр № 3 сообщества «Фаньсин сицзюйцунь» (Театральная деревня «Созвездие»), «Цинлань цзючан» (Театр мо-

лодых деятелей искусства, 300 мест), театр «Пэнхао» («Театр без границ», 86 мест)⁴.

Театр «Пэнхао» существует с 2008 г., он позиционирует себя как некоммерческая, открытая Малая сцена, ориентированная на традиционные, современные и актуальные общественные и художественные ценности. Появлению театра способствовали относительное ослабление государственного контроля над культурной сферой и субъективный личностный фактор – усилия его учредителя и художественного руководителя Ван Сяна, направленные на противодействие коммерциализации театрального искусства: «Театр – это духовная пища, сегодня материальной пищи много, а духовной – мало. Мы обязаны сами менять ситуацию»⁵.

Китайский театральный критик и режиссер Сунь Сяосин характеризует «Пэнхао» как «самый необычный театр в Пекине... Он словно “нарушитель порядка” совершил многое, о чем другие театры не могли и помыслить, да и сам Ван Сян – легендарная, вызывающая полемику личность»⁶. По специальности Ван Сян – врач-стоматолог, одним из первых в Китае стал заниматься зубной имплантацией и даже открыл в Пекине свою небольшую сеть стоматологических клиник. Театром увлекается с молодости, в период «культурной революции» (1966–1976 гг.) играл заглавные роли в «образцовых спектаклях». В 1990-е гг. во время непродолжительной эмиграции в Канаде имел возможность познакомиться с субкультурой экспериментальных театров «блэк бокс» («черный ящик») в Нью-Йорке, Лондоне, Париже. Вернувшись в Китай, впервые попробовал себя в роли продюсера одноактного спектакля «Временная регистрация» (2005 г.) о положении сельских трудовых мигрантах в больших городах. Спектакль был поставлен на Малой сцене Пекинского народного художественного театра и выдержал 15 показов. В 2008 г. Ван Сян открыл собственное театральное предприятие со стартовым капиталом в 1,2 млн юаней (примерно 175 тыс. долл.)⁷. В 2010 г. по сценарию Ван

Сяна был поставлен спектакль «История Логусян» (реж. Ван Шаоцзюнь и Му Дэ) о переменах в жизни старого пекинского квартала, вызванных появлением нового соседа – театра. Спектакль бесплатно показывали в десяти кварталах района Дунчэн, его посмотрели более 2 тыс. жителей, событие местного масштаба освещала «самая народная» пекинская газета «Бэйцзин ваньбао»⁸. В 2012 г. этот спектакль представлял «Пэнхао» на первом Пекинском смотре лучших работ театров малой сцены. Руководство театром Ван Сян сочетает с деятельностью в Ассоциации театральных деятелей р-на Дунчэн, Ассоциации молодых театральных деятелей р-на Дунчэн и созданного в 2012 г. Пекинского союза театров малой сцены. Кроме того, Ван Сян является художественным руководителем ежегодного Пекинского театрального фестиваля Наньлогусян. В 2012 г. заслуги Ван Сяна на поприще театра были отмечены престижной театральной премией «Золотой лев» и наградой «Доброе сердце – Человек года»⁹. Как художественный руководитель Ван Сян активно выстраивает имидж «Пэнхао» через СМИ (интервью газетам «Гуанмин жибао» (01.08.2013), «Вайтань хуабао» (26.07.2014), «Чжунго чжоукань» (09.07.2013), журналам «Сицзю ишу» (2012, 02), «Pioneer of Dentistry» (2014, 07), интернет-изданию «Мюзикэл Америка», 2009 и др.), а также ведет собственный микроблог (4778 подписчиков).

Помимо личного фактора, важную роль в формировании имиджа театра как носителя культуры играют местоположение, собственно здание и название. «Пэнхао» занимает здание в традиционном пекинском *хутуне* (узком переулке) в районе Дунчэн в пяти минутах ходьбы от популярной у горожан и туристов улицы Наньлогусян. В историческом квартале расположены резиденция цинского великого князя Чжуна (Сэнгэ Ринчена), дом-музей художника Ци Байши, дом-музей писателя Мао Дуня. Район Дунчэн считается театральным центром Пекина, здесь сосредоточена треть всех столичных театров, включая Пекинский народный художественный театр, Китай-

ский драматический театр, авторский театр Мэн Цзинхуэя «Фэнчао», а также Центральный театральный институт. Преподаватели и студенты вуза рассматриваются не только как целевая аудитория, но и как творческие партнеры: «Студенты ЦТИ лишь на четвертом курсе могут поставить на сцене свои экспериментальные работы, а с появлением «Пэнхао» такую возможность получил даже первокурсник»¹⁰.

«Пэнхао» стал первым в Пекине театром, помещением которого служит перестроенная традиционная жилая усадьба *сы-хэюань*, сохраняющая комфортную для китайского зрителя атмосферу защищенности и домашнего уюта. Компактность и лаконичный стиль внутренних интерьеров импонирует демократичной западной публике, ощущающей идейную и художественную близость «Пэнхао» к экспериментальным нью-йоркским театрам «оф-оф-Бродвей», лондонским театрам «фриндж», парижским «свободным театральным группам». В «Пэнхао» небольшой зал с маленькой сценой открытого типа, зрительские места могут передвигаться и переставляться в зависимости от постановки, во время спектаклей используется несложное техническое оснащение, минимальный набор декораций. Отдельный кассовый зал не предусмотрен, билеты продают у стойки в фойе. При театре работает кафе с выходом на открытую веранду, существование которого преследует три цели: служит местом обсуждения увиденного спектакля; «приманкой» для случайного прохожего, который может стать зрителем; источником дополнительного дохода. Сведенная к минимуму граница между залом и сценой создает возможность для живого диалога актеров с аудиторией и усиливает эмоциональное восприятие происходящего на сцене: «Во время спектакля по-настоящему ощутил преимущество малой сцены. Когда смотришь с такого близкого расстояния, получаешь особенное наслаждение»¹¹.

Название театра – метафора, позаимствованная из стихотворения великого танского поэта Ли Бо (701–763) «Перед

отъездом в столицу прощаюсь в Наньлине с сыном» (пер. С. Торопцева), с творчеством которого в Китае знаком каждый образованный человек. В переводе с китайского языка «пэн хао» означает полевые травы «мелколистник и полынь», в литературе используется для обозначения «незнатного, небогатого, простого человека». В названии подчеркивается демократичность «Пэнхао», утверждающего «право каждого прийти в театр и наслаждаться спектаклем»¹². В то же время говорящее название служит сигналом для зрителя-единомышленника: «Мне нравится Ли Бо, поэтому сразу понравилось название. Впервые в Пекине увидел маленький театр в подлинном значении этого слова. В зале мест 80, попал на французский спектакль, просто в восторге»¹³.

Надпись на английском языке «Театр без границ» («Theatre Without Borders») является творческим девизом театра. В «Пэнхао» часто показывают спектакли по текстам зарубежных авторов в исполнении китайских и иностранных актеров. Спектакли играют на китайском и на иностранном языках, проблема перевода решается с помощью субтитров. С театром тесно взаимодействует пекинское иностранное сообщество. В рамках проекта «Ибсен в Китае», который курирует отдел культуры посольства Норвегии, состоялся показ концептуального перформанса «Феномен: Гедда Габлер», переосмысляющий характер героини классической пьесы Г.Ибсена. Независимый режиссер и советник по культуре посольства Швеции Матиас Лаффоли совместно с «Пэнхао» осуществил две постановки – спектакль по пьесе А. Стриндберга «Пеликан» (1907 г.) и авторский спектакль «Два Фредерика» - возможную версию дальнейшей судьбы одноименного героя «Пеликана». Моноспектакль «Личный Шекспир Ревелла» американского драматурга, режиссера, актера Джозефа Грейвса о его первом опыте знакомства с художественным миром великого английского драматурга вошел в постоянный репертуар театра. Французский мим Филипп Бизо, открывший в Китае школу

пантомимы, поставил вместе с «Пэнхао» свои проникнутые психологизмом и подлинной человечностью спектакли «Ты и я», «Невидимый мост», «40 лет тишины». Каждый месяц в «Пэнхао» выступает созданная иностранными актерами творческая группа «Бэйцзин IMPROV» (работает в юмористическом жанре стенд-ап), весь кассовый сбор от концерта артисты и театр перечисляют в благотворительные фонды помощи семьям трудовых мигрантов. В 2013 г. с «Пэнхао» установил долгосрочное сотрудничество шведский Королевский драматический театр «Драматен», на сцене которого состоялась открытая для публики чтение сценариев двух пьес китайских авторов – «В поисках драматурга» Чэнь Сяолин и «Гу Бушан» («Руки не доходят») Гу Лэя.

Модель творческо-производственной деятельности «Пэнхао» определяется спецификой организации негосударственного театрального бизнеса в Китае. Театр «Пэнхао» имеет статус народного предприятия (*миньин цие*) (2008 г.) и лицензию на коммерческий показ (2009 г.), поэтому помимо подоходного налога также облагается налогом на предпринимательскую деятельность (5,5%). Поскольку деятельность «Пэнхао» не преследует коммерческих целей, с 2014 г. руководство театра пытается поменять статус предприятия на статус общественно-полезной театральной организации. Главный вид деятельности – самостоятельная или совместная постановка и прокат спектаклей по принципу антрепризного театра. Еще один вид деятельности – сдача в аренду театрального помещения для репетиций и показа постановок других театральных организаций. Условия аренды гибкие: 2 тыс. юаней за 1 показ, весь кассовый сбор забирает арендатор; 1 тыс. юаней, если кассовый сбор делится в пропорции 30/70 (Пэнхао/арендодатель); без арендной платы, если кассовый сбор делится поровну. Более 80% экспериментальных работ ставятся на сцене без взимания арендной платы¹⁴. Билетная политика демократичная, стоимость «входного билета» (без указания места и ряда) все годы существова-

ния театра сохраняется на уровне 80–120 юаней, для студентов предусмотрена 50% скидка (в репертуарных драматических театрах средняя цена билета – 252 юаня в 2013 г., есть льготные билеты для студентов). Театр не является владельцем помещения, поэтому значительная часть бюджета уходит на оплату аренды (900 тыс. юаней в 2013 г.) По словам креативного директора, режиссера-постановщика Лян Дандань, в 2013 г. годовой бюджет составил около 2 млн юаней, себестоимость постановки – от 40 до 80 тыс. юаней. В среднем за год театр показывает примерно 50 спектаклей (240 представлений). Кассовый сбор возмещает лишь 1/3 расходов театра, дефицит покрывается за счет личных средств учредителя (600–700 тыс. юаней в 2013 г.)¹⁵. Для сокращения убытков, с июня 2014 г. театр по договору с местным уличным комитетом предоставляет свои помещения как зал культуры территориальной общины (*шэцзюй*), а уличный комитет компенсирует 50% расходов на аренду. Местные власти оборудовали в театре библиотеку, оснащенную 10 компьютерами, которая ежедневно с 10 утра открыта для жителей квартала. Помимо этого, один раз в неделю театр обязан предоставлять помещение для репетиций и мероприятий самодеятельного художественного коллектива жителей. Театр заранее информирует уличный комитет о литературных салонах и мастер-классах, которые также открыты для жителей квартала. Обе стороны заинтересованы в сотрудничестве: театр сохраняет возможность арендовать помещение в центре столицы, низовые органы власти, не затрачивая больших средств, выполняют задачу «строительства сети общественного культурного обслуживания»¹⁶.

Несмотря на финансовые трудности и отсутствие постоянной труппы (что является распространенной практикой среди небольших частных театров, многие из которых занимаются исключительно сдачей в аренду своих помещений), за 6 лет деятельности в репертуарном «портфеле» «Пэнхао» накопилось более 20 самостоятельных и совместных сценических ра-

бот. В афише театра 60% – драматические спектакли, 40% – хореографические и музыкально-литературные постановки. Критерием выбора произведений для постановки и проката служат высокая художественность, гуманистический пафос, психологизм, новаторство формы. Помимо показа спектаклей, в театре проводят открытые для публики чтения сценариев по ролям, поэтические салоны, концерты камерной музыки, мастер-классы и лекции, тематические кинопоказы (в 2013 г. проходили Неделя франкофонного кино, кинопоказ «Классика чешского кинематографа», неделя независимого кино «Кино-образ меняет мир»).

Для самостоятельных постановок выбирают пьесы не только авторов «с именем», но также начинающих или малоизвестных. Китайский театральный критик, русист (выпускник МГУ), автор переводов на китайский язык драматических произведений А.П. Чехова профессор Тун Даомин (1937 г.р.) карьеру драматурга начал на сцене «Пэнхао». Результатом их творческого союза стали литературный спектакль «Статуэтка девушки с берегов Сены» (2009 г.) по произведениям китайского ученого и поэта Фэн Чжи, драма «Я – Чайка» (2010 г.), приуроченная к 150-летию со дня рождения Чехова, литературный спектакль «Глаза – реки», в котором звучат стихи А.С. Пушкина и музыка Моцарта. На сцене «Пэнхао» в 2011 г. впервые была поставлена отмеченная в 2006 г. премией Лао Шэ пьеса молодого автора Чэнь Сяолинь «В поисках драматурга» по текстам китайского драматурга Цао Юя «Гроза», «Восход», «Синантропы». Две постановки «Пэнхао» осуществил по пьесам советских драматургов: «Мужчина слева, женщина справа» по пьесе А.Гельмана «Скамейка» (реж. Чжао Лисинь) и «Мой бедный Марат» А.Арбузова (реж. Лян Даньдань). Помимо инсценировок общей гуманистической направленности, театр рискует ставить спектакли на злободневную социальную тематику («Произнес «Цао Цао»...») (автор Ли Цзинь, реж. Му

Дэ, 2010 г.), «Кухня души» (автор Фэй Мин, реж. Ван Сяофань, 2012 г.), «Гу Бушан» (автор, реж. Гу Лэй).

Цензура остается препятствием в творческой деятельности экспериментальных театров Малой сцены. По мнению китайских специалистов, «ведомства культуры до сих используют очень старую модель управления театром... Чтобы зрители увидели спектакль, театр должен иметь лицензию на театральную-зрелищную деятельность, театральный коллектив – лицензию на прокат своей творческой работы, постановка – лицензию на показ»¹⁷. Содержание и форму сценических постановок регламентирует 26-я статья Положения Госсовета КНР «Об управлении предпринимательской театрально-зрелищной деятельностью» (№ 439)¹⁸, но поскольку требования носят общий характер, цензоры могут трактовать их субъективно и использовать для запрета любого «идеологически сомнительного» произведения. Экспериментальные Малые сцены, как оппоненты официального театрального «мэйнстрима», находятся в зоне особого внимания муниципальных властей. В 2012 г. все частные театры обязали установить видеокамеры для доказательства того, что во время спектакля актеры не «отстают» от одобренного цензурой сценария. В 2013 г. столичные власти выступили с инициативой дополнительно создать при уличных комитетах группы инспекторов-волонтеров для проверки театров малой сцены¹⁹. Контроль над сферой культуры китайские власти неизменно оправдывают интересами общественной морали и «строительства духовной цивилизации», однако на практике «трудно провести грань между этическим и идеологическим контролем»²⁰. Профессор шанхайского университета Тунцзи Ван Сяоюй убежден, что «политика слежки за культурой» возымеет обратный эффект, поскольку власти сами «подталкивают людей выступать против запретительных мер в отношении театров малой сцены»²¹. Как открытое проявление несогласия с политикой ограничения свободы творчества можно рассматривать показ на сцене «Пэнхао» в декабре 2014 г.

инсценировку демонстрации протеста «Акция» («АСТ») в исполнении немецкого танцевального ансамбля Рубато (Tanzcompagnie Rubato)²².

Принципиальная идейно-художественная позиция театра и ограниченные финансовые возможности неизбежно влекут за собой проблему обновления репертуара, которую решают путем повторного показа спектаклей, уже бывших в прокате. Иллюстрацией может служить афиша апреля-начала мая 2015 г. Программу открывает спектакль «Ночная смена» по мотивам одноименной драмы Г.Ибсена (пекинский физический театр «Преодоление границ», режиссер, хореограф Лю Чжэн; премьера – 2014 г., предыдущий показ в «Пэнхао» – январь 2015 г.). Экспериментальную работу в форме хеппенинга сменяет упомянутый ранее спектакль-пантомима «Невидимый мост» (совместный проект Ф.Бизо и «Пэнхао», премьера в 2011 г.). Вторую половину апреля заполнили китайскими постановками двух всемирно известных пьес американских авторов: «Преступления сердца» Бет Хенли (Пуллитцеровская премия в 1981 г.) и «Сомнения» Дж.П.Шенли (Пуллитцеровская премия и премия «Тони» в 2005 г.). Первую из них в «Пэнхао» показывали повторно, вторую – в четвертый раз. Только в первой декаде мая в афише «Пэнхао» появляется новый спектакль «Станция Свобода» – авангардная работа французского режиссера, актера (и переводчика одной из пьес Нобелевского лауреата Гао Синцзяня) Жюльена Геласа. Также в апреле в «Пэнхао» проходили выступление артистов группы «Бэйцзин IMPROV» и мастер-класс «Жизнь под ритм африканских барабанов» по современному танцу от известного хореографа китайско-камерунской АБВЕ Дансе Компани Цзян Кэюй. Всего в апреле театр показал 16 спектаклей, небольшая загруженность сцены, возможно, связана с подготовкой к 6-му Пекинскому театральному фестивалю Наньлюгсян, который открывается в последней декаде мая.

Проведение фестивалей – одно из важных направлений деятельности театра, предоставляющее возможность расширить влияние на культурную и общественную жизнь столицы. «Пэнхао» известен как организатор театральных мероприятий городского (Молодежный смотр спектаклей района Дунчэн, 2010), национального (Театральный обмен Пекина и Шанхая) и международного масштаба. В 2010 г. совместно с журналом «Цзюбэнь» и Ассоциацией молодых театральных деятелей р-на Дунчэн был проведен 1-й Пекинский международный фестиваль «Монодрама», в программу которого входили 16 моноспектаклей из 8 провинций и городов Китая и 5 стран мира. Россию представлял моноперформанс Великолукского театра по трагедии У. Шекспира «Макбет» (реж., актер П. Сергеев). В 2012 г. «Пэнхао» был выбран партнером и основной сценической площадкой регионального театрального движения «Горизонты азиатской культуры - странствующий фестиваль». Творческий проект существует с 1979 г. и объединяет независимые экспериментальные театры Сянгана, Тайваня и Сингапура. Фестиваль, успевший побывать в США и Европе, впервые «приехал» в континентальную часть Китая, что обусловило повышенное внимание пекинских муниципальных властей и театрального сообщества к мероприятию в целом и к театру «Пэнхао» в частности.

Однако единовременные театральные акции оказывают ограниченное влияние на культурную жизнь города и известность их организатора. У жителей столицы, китайских и зарубежных театральных деятелей имя «Пэнхао» в первую очередь ассоциируется с Пекинским театральным фестивалем Наньлогусян, который был создан по инициативе Ван Сяна в 2010 г., проводится ежегодно в период май-июль при финансовой поддержке муниципальных властей. За 5 лет проведения фестиваля Наньлогусян его участниками и зрителями стали 140 тыс. человек, был продемонстрирован 131 спектакль (325 показов), организованы 30 мастер-классов, 23 лекции, 4 симпозиума не-

зависимых театров китайских городов²³. Масштабы фестиваля и география участников год от года расширяются, кроме театров и независимых творческих групп из Пекина, Шанхая, Нанкина, Уханя, Тяньцзиня, Гуанчжоу, провинции Фуцзянь, Сянгана, Тайваня, в фестивальных мероприятиях принимали участие театральные коллективы и исполнители из Японии, Израиля, Швеции, Франции, Германии, США, Великобритании. Стараясь отражать новые процессы сценического искусства и открывать новые имена, с 2014 г. на фестивале действует панель «Новички» (*синьшэн*), для участия в которой любой желающий, независимо от гражданства, профессии и возраста, может направить на конкурс сценарий мини-постановки. Прошедшим конкурс участникам организаторы фестиваля предоставляет возможность поставить и презентовать зрителям свой эскиз спектакля. В 2015 г. на конкурс было подано более 103 сценариев, 26 из них прошли предварительный отбор.

Стремление муниципальных властей продемонстрировать международному сообществу открытость китайского общества позволяет включать в фестивальную программу спектакли остросоциальной проблематики. Особым проектом фестиваля 2014 г. стала тематическая панель «Состояние общества», представленная семью постановками китайских авторов. Среди работ стоит отметить документальный спектакль «Массы» (реж. Сунь Сяосин, Тяньцзинь), в котором молчаливые, анонимные, безликие «народные массы» обретают индивидуальные лица, имена и голоса; спектакль «Враг народа» (автор/реж. Люй Сяопин, Нанкин, 2014), в котором современные студенты-защитники окружающей среды оказываются в положении ибсеновского героя, трагикомедию «Гу Бушан» (автор и реж. Гу Лэй) о социальных группах, оказавшихся на обочине реформ, лишенных надежды дожидаться внимания правительства к своим проблемам.

Отличительной чертой фестиваля Наньлогусян является обширная программа бесплатных лекций и мастер-классов, по-

зволяющая каждому стать непосредственным участником творческого процесса и кросс-культурного диалога. На площадках фестиваля проводили мастер-классы и выступали с лекциями ведущие китайские и зарубежные театральные деятели и ученые, такие как профессор Пекинского университета Чэнь Сяомин, театровед, драматург Тун Даомин, преподаватель Центрального театрального института Ли Инань, современная китайская поэтесса Лань Лань, тайваньский сценарист, постановщик Чжан Цзяжун, профессор факультета театрального искусства университета Тель-Авива Рут Каннер, бывший заведующий литературной частью шведского театра Драматен, директор Радиотеатра Маркус Флорин, бывший активист движения «Репортеры без границ», исполнительный директор «Global Arts Corps» (США) Тодд Лестер, постоянный автор нью-йоркского «Signature Theatre» Уилл Эно, директор польского Института им. Ежи Гротовского Ярослав Фрет, японский театральный новатор, автор теории «искусство как основа государства» Ориза Хирато, пионер движения экспериментальных театров в Японии, драматург, режиссер и хореограф Сато Макото.

Знаковым событием фестиваля-2014 стал первый приезд в Китай классика английской драматургии XX в. Эдварда Бонда. Бескомпромиссный автор пьесы «Спасенные» (после премьеры в 1965 г. была запрещена британской цензурой, реанимирована в 2011 г.) вместе с китайскими студентами театральных вузов репетировал свою новую пьесу «Невиновность», завершающую «Парижскую пенталогию». Кроме двухдневного мастер-класса, Эдгард Бонд также выступил с лекцией «Воображаемая реальность».

Пятый фестиваль Наньлогусян (2014) стал не только площадкой творческих дискуссий, но и «точкой возгорания конфликта (театра и власти), когда “Пэнхао” от действий в театральном пространстве перешел к действиям в пространстве общества»²⁴. В 2014 г. ведомства культуры района Дунчэн

сложили с себя обязанность главного организатора фестиваля и сократили объем финансирования до 500 тыс. юаней (в три раза меньше по сравнению с 2013 г.). Чтобы покрыть дефицит бюджета в 1 млн юаней, художественный руководитель фестиваля Ван Сян обратился за поддержкой к обществу через сайт коллективного финансирования [zhongchouwang](http://zhongchouwang.com). За 13 дней 135 народных инвестора перечислили для фестиваля свыше 200 тыс. юаней (заявленная целевая сумма). Еще более 100 тыс. юаней пожертвовали китайские театральные деятели²⁵.

Ситуация с фестивалем служит отражением отношений муниципальных властей и театра. Все годы проведения фестиваля администрация района Дунчэн выступала в роли главного организатора. В 2011-2013 гг. Комитет по развитию театрального строительства и Комитета культуры района Дунчэн выделяли на подготовку и проведение мероприятия крупные суммы (по 1,5 млн юаней в 2011 г. и 2013 г., 1,9 млн юаней – в 2012 г.). Перемену отношения к фестивалю в 2014 г. в китайской прессе связывают с компанией по борьбе с коррупцией²⁶. После принятия ЦК КПК «правил из 8 пунктов» по упорядочению стиля партии (декабрь 2012 г.), Отдел пропаганды ЦК КПК, Минфин, Минкультуры, Государственное ревизионное управление и Главное государственное управление по делам печати, издательств, телевидения и радиовещания обнародовали «Совместное уведомление пяти ведомств» (2013 г.)²⁷, содержащее требование к правительственным и партийным органам ограничить бюджетные расходы на организацию зрелищных мероприятий. Хотя в уведомлении речь шла о коммерческих шоу с участием «звезд», режим экономии распространили на все мероприятия, включая фестиваль Наньлогусян. Существенное сокращение объема государственной субсидии поставило мероприятие под угрозу срыва, поскольку на условиях самокупаемости проведение фестиваля такого масштаба не представляется возможным.

Рассмотренные некоторые аспекты деятельности театра позволяют сделать вывод о том, что в условиях рыночной конкуренции с театральными учреждениями «главного течения» (мейнстрима) и коммерческими предприятиями зрелищной индустрии «Пэнхао» придерживается избранной им стратегии привлекать к себе зрителей с помощью «немассовых», художественных и новаторских сценических работ. Театр ежегодно показывает более 240 спектаклей и проводит около 100 культурных мероприятий, участвует в благотворительных проектах. Театр выполняет поставленную перед собой задачу служить стартовой площадкой для начинающих авторов, постановщиков и актеров, открытой сценой для профессиональных и самодеятельных театрально-художественных коллективов. Театр осуществляет проекты по театральному образованию, в которую входят проведение лекций и мастер-классов авторитетных режиссеров и драматургов современности. Такие инициативы, как ежегодный Пекинский театральный фестиваль Наньлогусян, способствуют объединению театрального пространства, развитию театральных связей, обогащают культурную жизнь китайской столицы, повышают ее международный престиж. Сбор средств в поддержку фестиваля 2014 г., инициированный театральными деятелями и интернет-сообществом, свидетельствует о профессиональном и общественном признании деятельности «Пэнхао». Обращаясь к лучшим образцам китайской и мировой литературы, театр воспитывает эстетический вкус зрителей, формирует в их сознании представление об общечеловеческих ценностях, приобщает к национальной и зарубежной культуре, ориентирует на высокие художественные критерии. Предоставляя сцену смелым театральным экспериментам, «Пэнхао» помогает ломать устойчивые стереотипы художественного мышления и восприятия. Спектакли на социальные мотивы свидетельствуют, что театр не ограничивается чисто эстетическими задачами, а стремится влиять на общественное мнение. Однако низкий интерес ки-

тайской аудитории к жанру разговорной драмы в целом, контроль над театральным процессом органами цензуры, отсутствие финансовой поддержки на постоянной основе со стороны государства и общественных фондов, небольшое помещение, экспериментальная направленность творческих проектов, предлагающих сложную для восприятия художественную форму, ограничивают влияние «Пэнхао» на массового зрителя и, соответственно, его роль в социокультурной жизни столицы. Тем не менее, поскольку целевой аудиторией «Пэнхао» являются студенты творческих профессий и образованная молодежь, театр имеет возможность оказывать влияние на наиболее восприимчивую к новым творческим идеям и общественным идеалам социальную группу, которая в дальнейшем сможет определять направление развития китайского театрального искусства и оказывать влияние на социальные процессы.

¹ *Миньцзянь сяо цзючан* – маломасштабная сценическая площадка, специально построенная или приспособленная для показа спектаклей, эксплуатацией здания и обеспечением показов занимается частное лицо (коллектив). *Миньцзянь ишу бяояньтуань* – частные театрально-художественные труппы, которые занимаются постановкой спектаклей и их прокатом на свободных сценических площадках; появились в результате реформы государственных театров КНР в 1990-е гг.

² 文化部发布“全国专业剧场情况调研报告”(Министерство культуры опубликовало «Доклад о состоянии профессиональных театров в стране»).<http://culture.people.com.cn/n/2015/0312/c172318-26679545.html>.

³ http://news.xinhuanet.com/house/bj/2015-03-03/c_127537738.htm.

⁴ 2014年北京市演出市场统计与分析报告(Статистические данные и анализ театрально-зрелищного рынка Пекина в 2014 г.).
<http://yule.sohu.com/20150119/n407896473.shtml>.

⁵ 丁孟: 北京非营利性民间剧场研究 – 以蓬蒿剧场为例 Бэйцзин фэйинсин миньцзянь цзючан яньцзю – и Пэнхао цзючан вей ли (Исследование пекинских некоммерческих народных театров – на примере театра «Пэнхао»). Сицзю ишу, 03.2012. www.docin.com/p-676968627.html.

⁶ 孙晓星. 当下的北京剧场情况: 从“四环外”到“二环内”(Сунь Сяосин. Карта современных пекинских театров: от района «за четвертым кольцом» к району «внутри второго кольца»). <http://www.wtoutiao.com/a/1781138.html>.

⁷ Alison M. Friedman. New Kid in the Courtyard: Peng Hao Theater takes Beijing's small theater scene by a storm. (Алисон Фридман. Новое дитя в сыхэюане:

-
- театр «Пэнхао» штурмует пекинскую сцену)
www.musicalamerica.com/mablogs/?p=489.
- ⁸居民热看“南锣鼓巷的故事” (Жители горячо приняли спектакль «История Логусяна»). <http://news.163.com/10/0104/15/5S6MUCLH000120GR.html>.
- ⁹New Kid in the Courtyard (см. сноску 7).
- ¹⁰一个非商业化小剧场的生存之道 (Способ выживания некоммерческого театра малой сцены). <http://www.bundpic.com/2014/07/55676.shtml>.
- ¹¹<http://zhidao.baidu.com/comment/0aa22375e5199488cd0d647f.html>.
- ¹²New Kid in the Courtyard (см. сноску 7).
- ¹³<http://zhidao.baidu.com/comment/0aa22375e5199488cd0d647f.html>.
- ¹⁴New Kid in the Courtyard (см. сноску 7).
- ¹⁵Asami Tada. Beijing's Experimental Theater, The Challenge Undertaken by Penghao Theatre (Асами Тада. Пекинский экспериментальный театр. Театр Пэнхао отвечает на вызов)http://www.performingarts.jp/E/pre_interview/1307/1.html.
- ¹⁶蓬蒿剧场 «兼职» 社区文化室 (Театр «Пэнхао» «работает по совместительству» залом культуры территориальной общины).
http://news.163.com/14/05_15/02/9S8LLV1N00014AED.html.
- ¹⁷水晶. 关于北京小剧场的去与留 (Шуй Цзин. Кто уходит и кто остается из пекинских театров Малой сцены). http://www.damai.cn/news_438.html.
- ¹⁸营业性演出管理条例 (Положение об управлении предпринимательской театрально-концертной деятельностью).
http://www.gov.cn./gongbao/content/2014/content_2692807.htm.
- ¹⁹小剧场里来了“监督员” (В театры с малой сценой пришли «контролеры») <http://www.legalweekly.cn/index.php/Index/article/id/3371> ; 北京市文化局 北京市文化市场行政执法总队 首都社会管理综合治理委员会办公室 关于进一步规范对小剧场演出活动服务 管理工作的意见 (Управление культуры г. Пекина, Главный отдел обеспечения административного правопорядка на культурном рынке г. Пекина, Канцелярия Комитета по комплексным мерам наведения порядка в сфере столичного общественного управления «Мнение о дальнейшем регламентировании муниципальных услуг театрам с малой сценой в /подготовке и показе/ представлений») <http://zhengwu.beijing.gov.cn/gzdt/gggs/t1318710.htm>; 北京市文化局举办首都小剧场义务监督员培训班 (Управление культуры г. Пекина проводит подготовку добровольных инспекторов для проверки столичных театров малой сцены) http://bjwh.gov.cn/27/2014_12/12/3_27_94506_0_0_1418355174515.html.
- ²⁰街道办如何监管小剧场话剧? (Как уличные комитеты контролируют драматические спектакли театров малой сцены?)
<http://cn.nytimes.com/culture/20130822/cc22theater/>.
- ²¹Theaters told to play nice. (Театрам велели вести себя воспитанно)
<http://www.globaltimes.cn/content/803106.shtml>.
- ²²Catherine Sutherland. The Pulse of Protest: ACT at Beijing's Penghao Theatre. (Кэтрин Сазерленд. Пульс протеста: «АКЦИЯ» в пекинском театре «Пэн-

hao») <http://bachtrack.com/review-act-tanzcompzgnie-rubato-penghao-theatre-china-december-2014>.

²³ <http://www.penghaotheatre.com> (официальный сайт театра).

²⁴ 孙晓星 См. сноску 6.

²⁵ 艺术众筹另一个售票途径? (Коллективное финансирование художественных проектов как новый способ продажи билетов?)

<http://www.bjnews.com.cn/culture/2014/07/03/323725html>.

²⁶ http://news.xinhuanet.com/ent/2014-08/22/c_126904468.htm.

²⁷ <http://www.chinanews.com/yl/2013/08-14/5159846.shtml>.

11.

Пиковер А.В.
ИДВ РАН

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ: ВСЕ ЛИ УЧИТЫВАЕТ НОВЫЙ СТАРЫЙ ПОДХОД?

Аннотация: В статье речь идет о новых реалиях, связанных со стремительной информатизацией общества, и о некоторых радикальных изменениях в сознании и общественном устройстве. Раскрываются ультралибертарианские и по сути утопические корни проповедуемой безграничной свободы виртуального сообщества. Рассматриваются механизмы качественно нового управления массами людей, вопросы трансформации власти и ответственности, а также истоки и механизмы потенциальной дегуманизации общества.

Ключевые слова: информатизация, Китай, США, власть, социальные группы, дегуманизация, сетевое сообщество.

Pikover Alexander, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
pikover@gmail.com

INFORMATIZATION: TAKES INTO ACCOUNT ALL OLD APPROACH?

Summary: This text is consecrated to some new actuals connected with the impetuous informatization of the society leading to the radical changes of the consciousness and social structure. Ultra-libertarian and utopian as a matter of fact roots of preaching unlim-

ited liberty of the virtual society are coming to light. The brand new methods of control over the mass, in other words the question of transformation of the power and responsibility, as well as the origin and way of possible dehumanization of the world.

Key words: infomatization, China, the USA, power, social groups, dehumanization, network society.

В Китае, как и в мире, уже давно никто пренебрежительно не относится к вопросам информатизации общества. Более того, информатизация ставится во главу угла как один из ключевых моментов качественной трансформации общества, переход к новому этапу социально-экономического, научно-технического и даже (что не вполне характерно для Китая) – общественно-политического развития страны.

В пользу последнего тезиса, в частности, свидетельствует выход в свет в прошлом году книги известного общественно-политического эксперта, выпускника Пекинского и Принстонского университетов, профессора Ноттингемского ун-та, директора Института Восточной Азии Сингапурского национального университета Чжэн Юньняня¹ «Власть, данная технологиями: интернет, государство и общество в Китае» («Цзишу фуцюань: Чжунгодэ хуляньван, гоцзя юй шэхуй»)².

В своей работе автор отмечает: политическая элита Китая стимулирует национально-государственное строительство с использованием науки и техники. На этом фоне развитие информационных технологий добилось стремительного прогресса. А это развитие в свою очередь стимулирует поступательное движение информационного общества. Интернет, в его общественной области, положил начало взаимодействию между государством и обществом.

Разбираясь в обилии цифровых данных и анализируя факты, автор пришел к следующим выводам: во-первых, Интернет расширил власть государства и общества. В процессе стимулирования политической либерализации Интернет сыграл важ-

ную роль и сделал правительство более открытым, транспарентным и ответственным. Во-вторых, Интернет оказал большое влияние, приводя к высокой степени децентрализации и выходя за рамки власти правительства. В-третьих, Интернет создал новую инфраструктуру для достижения взаимной договоренности и разделения интересов между правительством и обществом. В-четвертых, Интернет создал отношения возвращения к исходной точке правительства и общества. В конце концов, взаимодействие между ними в Интернете перевоссоздает правительство и общество.

В последней главе Чжэн Юньнянь поставил конечный вопрос, завершающий книгу: может ли Интернет способствовать политическим переменам в Китае?

Прежде всего, автор дал пояснения по поводу вопроса, являющегося стрержнем политических перемен – перемены власти, в то же время он проанализировал концепцию смены государственной власти политической элиты Китая; вслед за этим изложил 3 варианта перемены власти и обсудил роль информационных технологий и ограничений, которые они налагают в каждом из этих вариантов. После анализа вышеизложенных факторов, Чжэн Юньнянь пришел к выводу, что наиболее реальным вариантом перемены политической власти в Китае является перемена, которая произойдет в результате последовательного продвижения политической либерализации. Результатом подобной перемены станут «взаимные преобразования между политической либерализацией, государством и обществом»³.

Видимо профессор Чжэн надеется, что вышеуказанные изменения позволят в частности преодолеть то, что он называет абсурдной ситуацией: «Стремительный рост китайской экономики вовсе не принес еще прижизненно декларированное Дэн Сяопином «общество малого благоденствия» (*сяокан*) или совместное процветание, наоборот, по различию в доходах социальных групп и регионов Китайцы уже лидируют в мире, Ки-

тай оказался перед лицом абсурдной ситуации: чем стремительнее рост экономики, тем больше разрыв между уровнем доходов!»⁴ – цитирует 6 мая 2014 г. его слова известный интернет-ресурс secretchina.com.

Критично относясь к либерально-прозападному тренду экспертной мысли и видя социально-политические реалии квазидемократических «цветных» революций в мире, руководство Китая заблаговременно озаботилось проблемами мониторинга и управления информационной и, прежде всего, сетевой безопасностью в стране, сформировав, в частности, 27 февраля 2014 г. (т.е. задолго до известных гонконгских событий) Центральную руководящую рабочую группу по безопасности сети интернет и информатизации⁵ (Чжунъян ванло аньцюань хэ синьхуа линдао сяоцзу)⁶, возглавленную Си Циньпином. Его заместителями стали члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета Ли Кэцян и ректор Центральной парашколы при ЦК КПК Лю Юншань. Как показали дальнейшие события в Гонконге⁷, беспокойство высшего руководства Китая оказалось небезосновательным.

В стране с количеством пользователей в 649 млн человек, причем 557 млн из них входили в сеть с мобильных телефонов, и количеством блогов в 249 млн⁸ руководство так или иначе вынуждено заниматься проблемами безопасности. Как безопасности технической, так и сохранением неприкосновенности коммерческой и государственной тайны, а также личных данных граждан. Не последнее место играют и проблемы общественной и социально-политической безопасности, обострившиеся на фоне активных действий администрации США по насаждению «свободы и демократии» в интересах США.

Устами Джейн Псаки было неуклюже подтверждено прямое финансирование событий со стороны США⁹. Реально за событиями стоят серьезные финансовые противоречия США и КНР, одним из камней преткновения которых стала виртуальная валюта Bitcoin. «В ноябре 2013 г. Центробанк Китая при-

нял решение о том, что “накопление иностранной валюты более не отвечает интересам Китая” и нанес удар по такому финансовому инструменту США, направленному против золота, как виртуальная валюта Bitcoin. Центральный банк КНР выпустил официальное заявление о том, что финансовые организации страны не имеют права торговать Bitcoin. Между тем на китайских площадках проводится примерно 62% от общего объема всех операций с Bitcoin в мире»¹⁰.

Гонконгские события дали явное подтверждение, что в борьбе за интересы США будет использоваться молодежная среда, являющаяся также и самой активной частью киберпространства, ведущую идеологию которого – демонстративное ультралибертарианство – формируют США. Идеология ультралибертарианства проповедует отказ от традиционных общественных ценностей. Точнее, они объявляются чем-то архаичным, несущественным и вредным для развития, роста и для СВОБОДЫ! На смену четко ранжированной шкале личных, социальных и государственных ценностей грядет всеобщая и полная свобода.

Несет ли информатизация, формирование и развитие сетевого сообщества только эту опасность?

На просторах китайских СМИ широко обсуждается опасность сетевой¹¹ и игровой зависимости¹². Т.е. прежде всего зависимости от сетевых игр и т.п. Уделяется большое внимание и опасности внешнего, враждебного национальным интересам Китая влияния; опасность чрезмерной зависимости от некоторых аспектов сетевой среды; опасность нарушения конфиденциальности данных, доступ к которым является обязательным условием развития экономических и социально-политических сервисов.

И все-таки, на наш взгляд, все это в известном смысле внешняя оценка происходящих в обществе трансформаций, покоящаяся на добропорядочном позитивистском базисе и не затрагивающая некоторых существенных внутренних аспектов.

А они есть, и они связаны с качественно иными формами социальной адаптации и самоидентификации.

Начиная с применения печатного станка, человечество пережило несколько последовательных информационных прорывов, которые оказали важное влияние не только на структуру общества, но и на методики социального контроля, связанные с тем или иным политическим строем. Так, появление классической тоталитарной модели становится возможным только с появлением и распространением радио и телевидения, которые обеспечивают государству монополию на информацию и позволяют ему постоянно и целенаправленно обрабатывать большие массы населения.

Следующий информационный рывок, связанный с кабельными сетями, коротковолновыми приемниками, видеомагнитофонами фактически подорвал монополию государства на массовое тиражирование информации. В результате чего классический авторитаризм возможен только в сочетании с мало-реальным на деле «железным» информационным занавесом.

Этот занавес был уничтожен следующим прорывом, связанным с появлением Интернета, а затем и информационных сервисов, таких как Ютуб, блоги и социальные сети. Благодаря им горизонтальные каналы распространения информации стали превалировать над вертикальными. По сути, любой человек может оказаться автором новости, которая способна «взорвать» информационное пространство, оказавшись случайным свидетелем события и выложив фото или видео с мобильного телефона. И вероятность того, что этот информационный след удастся нейтрализовать административными методами нередко стремится к нулю.

Надо иметь в виду, что большинство современной молодежи из числа пользователей интернета практически не уделяет внимания классическим официальным СМИ, даже если их пребывание в Интернете не выходит за рамки нахождения в соцсетях. При этом подача интернет-информации по определе-

нию воспринимается как более прогрессивный способ ее передачи.

Интерактивное общение с сетевым сообществом приводит к тому, что человек мало того, что получает информацию от тех, кто с ним скорее согласен, чем нет, вдобавок имеет подтверждение своим взглядам от этой референтной группы. Тем более, что сообщества в Сети часто выглядят далеко не так маргинально, как в реальной жизни. 50 любителей какой-то узкоспециализированной темы вполне могут образовать работоспособное сообщество в независимости от того, вокруг каких идей оно вращается.

Невольно вспоминается Р.Киплинг: «Мы велики. Мы свободны. Мы изумительны. Мы самое изумительное племя во всех джунглях, – кричали они. – Ты впервые слышишь о нас и можешь передать наши слова населению джунглей, чтобы оно в будущем замечало нас, а потому мы сообщим тебе всё о таких удивительных и превосходных существах, как мы». Маугли не возражал; сотни обезьян собрались на террасе, чтобы слушать своих же товаров, воспевавших хвалы Бандар-логу; когда ораторша умолкала, желая перевести дыхание, все остальные обезьяны кричали: “Это правда; **мы все** говорили то же самое”»¹³. Т.о. информация о мире уже просеивается через заранее настроенный и отрегулированный под некий тренд фильтр.

При этом тон в киберпространстве задает Запад, точнее, США¹⁴. Дело тут вовсе не только в откровениях Э.Сноудена¹⁵. Это касается, в первую очередь, технологического доминирования – будучи ведущим игроком кибер- и софтвер-пространств США имеет возможность для мониторинга всего мирового трафика как интернета, так и телефонии. К тому же задается шкала ценностей, основной которой становится официально идеология ультралибертарианства: «Мы знаем, что такое свобода!»

При этом отменяются внешние запреты и табу традиционного общества. Каждый может стать в киберпространстве – а становление и социализация современной молодежи в огромной мере происходят в киберпространстве – тем, кем он хочет стать.

1. Наконец-то проклятие тела преодолено:
2. нет страдания,
3. нет боли,
4. нет необходимости следовать жестким указаниям старших и социума,
5. нет физической немощи и недомогания.

Есть полная иллюзия свободы.

Однако самым поразительным и абсолютно предсказуемым последствием этого становятся:

- полная рыхлость и неструктурированность личности,
- ее реальная ассоциализация до грани аутизма.

неспособность и нежелание принимать другую точку зрения, иллюзия того, что в случае конфликта или несовпадения обладателя контртрмнения можно будет просто «забанить»

И в итоге – полная и абсолютная зависимость от трендмейкеров и глобальная дегуманизация. Что имеется в виду под зависимостью от трендмейкеров? То, что общество полуаутистов, с одной стороны, испытывающее страх перед реальным миром, а с другой, нуждающееся в поводыре, – это сообщество потенциальных рабов, чьи вериги и цепи намного надежнее, безопаснее и эффективнее, нежели железные оковы и решетки.

Если ты не в тренде – ты – никто, тебя не существует. Тебя не идентифицируют как полноценного участника сообщества. Поэтому «Хто нэ скачэт, той москаль!» Скачущая под трендовые речёвки толпа становится сообществом рабов. Раб тренда, мало способен воспринимать другого живого человека как полноценного человека.

Человек по ту сторону экрана становится виртуальным фантомом, которого можно забанить¹⁶, заставить исчезнуть нажатием кнопки «Delete» и т.п. Сетевое поколение – это поколение с качественно иным мировосприятием, не принимая во внимание его специфику, можно оказаться в весьма неприглядном виде.

В одном из китайских АйТи-журналов лет двенадцать назад была нарисована карикатура на широко распространенное понимание информатизации экономики: лопата с прикрученным к рукояти компьютером. При всей наукообразности оценок современные эксперты слишком часто неосознанно экстраполируют на вопросы и проблемы, связанные с информатизацией, свой жизненный и научный опыт досетевого социума. А суть дела такова, что уже давно сформировано поколение, для которого параллельная реальность, предлагающая весьма привлекающие симулякры, давно уже стала реальностью зачастую большей, нежели реальность внесетевая. И это поколение несет, экстраполирует во внесетевую реальность реалии реальности сетевой, так или иначе делая реальный мир продолжением виртуального. Во всех сферах – от повседневной жизни до международной политики. И это новый и мощный фактор, который будет усиливаться и трансформироваться и который безусловно должен быть отслежен и изучен.

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Zheng_Yongnian

² <http://baike.baidu.com/view/12769429.htm>

³ Журнал «Китай» №2 (112) 2015г., стр. 15.

⁴ <http://www.secretchina.com/news/14/05/06/539672.html>

⁵ <http://www.cac.gov.cn/>

⁶ <http://baike.baidu.com/link?url=dRI4IQJOA6PvqvJVfVxoF4Xh1b7RIShRaQRi4pkly5EVY8thCHFyBk7YId3ZfQ2aOTfyAczY7VdkB7NI1xrlF6K>

⁷ <http://www.nbcnews.com/storyline/hong-kong-protests/hong-kong-activists-stare-down-great-firewall-china-n213911>

⁸ 35-й Доклад Центра интернет-информации Китая о ситуации в развитии интернета во второй половине 2014 г.

<http://www.cnnic.cn/hlwzfzj/hlwzxbg/201502/P020150203551802054676.pdf>

-
- ⁹ <http://topwar.ru/60478-psaki-priznala-chto-ssha-finansiruyut-besporjadki-v-gonkonge.html>
- ¹⁰ <http://www.fondsk.ru/news/2014/10/09/sobytia-v-gonkonge-i-bitva-usa-za-dollar-29872.html>
- ¹¹ <http://www.05112.com/zixun/it/2014/0823/13111.html>
- ¹² http://baike.baidu.com/link?url=8VcZMB4_1IFXV_FcAzip6RbVSc-fraUCgseog-GNUHcw-Xv_iXBn6lZjc3kOCplF5ZYV50cCaitra7mDzPhu_
- ¹³ http://modernlib.ru/books/kipling_redyard_dzhozef/maugli/read/
- ¹⁴ <http://www.segodnia.ru/content/157302>
- ¹⁵ <http://www.segodnya.ua/world/snouden-obnarodoval-dokumenty-o-podgotovke-k-kibervoyne-585302.html>
- ¹⁶ Бан (англ. *ban*, /bæn/ — запрещать, объявлять вне закона) — один из принятых в Интернете способов контроля над действиями пользователей. Как правило, бан заключается в лишении или ограничении каких-либо прав пользователя (на создание/отправление новых сообщений или создание новых тем на веб-форуме, на отправление сообщений в чате, на комментирование в блогах и др.). Возможность введена в целях оградить интернет-сайт от троллей, спамеров, вандалов и прочих лиц, чьи сообщения вредят продуктивной работе ресурса.

12.

Горбунова С.А.,
ИДВ РАН

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ – ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ КИТАЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Аннотация: В настоящее время во всем мире наблюдаются активизация религиозного экстремизма и его агрессивные проявления в форме террора. В КНР под флагом религиозно-политического исламского экстремизма выступают представители уйгуров Синьцзяна, борьба которых за выход из китайского государства и создание иной суверенности – Восточного Туркестана, как традиционно предпочитают называть территории своего проживания сторонники независимости, насчитывает длительную историю. На протяжении всего периода реформ религиозные экстремисты из числа уйгуров осуществляли единичные террористические акты с целью дестабилизации общественно-политической ситуации, а сейчас на них все воз-

растающее влияние оказывают идеи тотальной исламизации, создания государства на законах шариата. Учитывая реальные риски и серьезные угрозы целостности страны и общественной стабильности, исходящие от религиозного экстремизма, китайские власти предпринимают различные меры для противостояния этому явлению.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, терроризм, КНР.

Gorbunova Svetlana, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
sagorbunova@mail.ru

RELIGIOUS EXTREMISM: A NEW CHALLENGE TO CHINESE SOCIETY

Abstract At present all over the world we can see religious extremism activity and its aggression in the form of terrorism. In PRC there is the Uyghur's opposition to the state control under the flag of politicized Islam. The Uyghur nationalist's movement for independence and Eastern Turkestan establishment, the name which the supporters of separatism prefer to use, has a long history. In the era of reform and opening they revived anti Chinese protests and terrorist activity and now they are influenced by Pan-Islamic and Pan-Turkic sentiments directed towards the establishment of radical Islamic system based on Shari'a. PRC government takes into account the real risks and serious threats for entire state social stability from the religious extremism and proposes different measures to avoid it.

Key words: religious extremism, terrorism, PRC.

В настоящее время во всем мире усиливаются агрессивные проявления в форме террора и разрушительные для современного общества последствия религиозного экстремизма. В КНР под лозунгами религиозно-политического исламского экстремизма выступают представители уйгуров Синьцзяна, борьба которых за выход из китайского государства и создание иной суверенности – Восточного Туркестана, как традиционно

предпочитают называть территории своего проживания сторонники независимости, насчитывает длительную историю. Действительно, прецеденты существования тюркской государственности (например, Тюркский каганат) имели место в древности; что касается истории XX в., то с 1931 г. в Синьцзяне начались волнения, переросшие в антикитайское восстание. Уйгурами, ориентировавшимися на национальную независимость, в 1933 г. была провозглашена Восточно-Туркестанская исламская республика, основанная на законах шариата. Однако просуществовала она всего несколько месяцев¹. В 1940 г. в Кульдже была создана «Народно-революционная партия Восточного Туркестана»². В результате антикитайского восстания 1944 г. вновь на недолгое время возникла Восточно-Туркестанская республика, символом которой стал зелено-белый мусульманский флаг, а целью – отделение от Китая и введение уйгурского языка в качестве государственного³.

Весьма напряженной оставалась ситуация и после образования КНР. Нет сведений о столь масштабных восстаниях под политическими лозунгами, как в гоминьдановском Китае, но имели место антиправительственные выступления и массовые волнения⁴. Этнорелигиозный и языковой конфликт между китайцами и уйгурами, отстаивавшими национальную идентичность, не потерял своего значения ни после создания в 1955 г. Синьцзян-Уйгурского автономного района и признания уйгуров в качестве одного из нацменьшинств КНР, ни в дальнейшем. Новый виток его обострения начался с 1980-х гг.

На протяжении всего периода реформ, совпавшего с планомерной китаизацией СУАР, которая включала целый ряд негативных для проживающих там нацменьшинств явлений, экстремистки настроенные представители уйгуров, противостоя этому процессу и, в целом, современному развитию китайского общества по пути реформ, осуществляли террористические акты⁵ и дестабилизировали общественно-политическую ситуацию. Вместе с тем, следует сразу оговориться, что употребляя

термин религиозный экстремизм, мы не имеем в виду всё двадцатимиллионное мусульманское население КНР. Ведь оно помимо тюркоговорящих уйгуров включает и другие мусульманские нацменьшинства, в том числе преимущественно китаезычных хуэй⁶. Безусловно, не распространяется он и на всех без исключения уйгуров. Следует учитывать, что именно они, как последователи суфизма, более склонны к аскетизму и бедности, отрицанию ценностей современного общества потребления, строгому соблюдению религиозных устоев и отстаиванию чистоты своего учения и менее - к компромиссу с властями, чем хуэй, которые, будучи этнически ближе к хань, чем тюркам, придерживались патриотической позиции на протяжении XX–XXI вв. В настоящее время они расценивают религиозный экстремизм как внутренний вызов исламу. В значительной степени именно представители хуэй выигрывали от реформ, в то время как для тюркоговорящих групп, особенно для сторонников уйгурского традиционного уклада, новое зачастую имело разрушительные последствия⁷, хотя в последнее время намечается тенденция постепенной интеграции части уйгуров в современное китайское общество.

Итак, с 1980-х гг. «ислам вновь становится важной составной частью сопротивления уйгуров ханьскому доминированию»⁸ в форме спорадических антикитайских выступлений. Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. и последовавшие затем распад организации Варшавского договора и развал СССР способствовали тому, что в Синьцзяне вновь громко зазвучали требования независимости и произошли массовые антикитайские выступления. Восстание в апреле 1990 г. недалеко от Кашгара стало переломным моментом, в том числе и в государственном подходе к уйгурам и исламу в СУАР, что на практике вылилось в ограничения, подавление и репрессии. «Китайские власти опасались того, что если отколется Синьцзян или его часть, то это приведет к эффекту домино в дезинтеграции окраин и к концу режима КПК»⁹. Такие опасения бы-

ли далеко не беспочвенными. В 1993 г. выходцами из Хотана была создана или воссоздана, во всяком случае, сохранился бренд 1930-х гг., нелегальная организация «Исламское движение Восточного Туркестана». В 1997 г. она была реорганизована и в таком виде существует вплоть до настоящего времени¹⁰. Целью деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана» является создание независимого исламского государства на законах шариата. Под эгидой этой организации проходило военное обучение уйгуров сначала в вооруженных формированиях моджахедов, а затем талибов: они воевали в Афганистане на их стороне, а ее штаб-квартира находилась в Кабуле (или Стамбуле). На основании этого после 11 сентября 2001 г. ООН, Европейским Союзом и Госдепом США «Исламское движение Восточного Туркестана» было включено в списки террористических организаций. Это движение взяло на себя ответственность за более чем 200 террористических актов в КНР, в результате которых погибли не менее 162 человек и более 440 получили ранения¹¹.

Среди последних террористических актов: октябрь 2013 г. на Тяньаньмэнь, март 2014 г. на вокзале в Куньмине, май 2014 г. на рынке в Урумчи.

Кроме «Исламского движения Восточного Туркестана» в 1990-е гг. в СУАР начала нелегально действовать ячейка «Партии исламского освобождения» (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами) – международной исламской политической организации¹². (Нельзя не отметить, что одной из причин создания ШОС стало противостояние политическому исламу, поскольку не только в КНР, но и на всем азиатском постсоветском пространстве действовало несколько десятков радикальных исламистских организаций. Предполагалось, что создание ШОС могло бы ослабить поддержку тех, кто сочувствовал уйгурским сепаратистам в странах – участниках этой организации.)

В настоящее время китайские власти, учитывая активизацию мусульманского радикализма, враждебные действия как в

отношении современной цивилизации, так и мирового культурного наследия со стороны ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта), реальные риски воздействия этого на активизацию религиозного экстремизма в среде уйгурских сепаратистов, а также долгосрочные террористические угрозы государственной целостности и общественной стабильности, предпринимают различные меры для борьбы с этим явлением и его предотвращением. Среди них как жесткое подавление, так и социальная поддержка нацменьшинств и развитие традиционной мусульманской культуры.

Выступая 29 мая 2014 г. на заседании правительства, посвященном развитию СУАР, Председатель КНР Си Цзиньпин в контексте долгосрочной перспективы выделил как крайне важный вопрос национального единства, которое он назвал «жизненной артерией» для людей всех национальностей. Он подчеркнул, что «чем больше сепаратисты пытаются подорвать наше национальное единство, тем больше мы должны прилагать усилий для того, чтобы укрепить его». Для этого он предложил добиваться более интегрированной социальной структуры и общественного климата, при котором люди не делились бы на группы по одному лишь критерию этнической принадлежности, укреплять обмены и общение между разными этническими группами, вводить преподавание на двух языках¹³.

В докладе о работе правительства на проходившей в марте 2015 г. 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 12-го созыва премьер Госсовета КНР Ли Кэцян отмечал: «Наша страна – многонациональное государство, укрепление и развитие социалистических национальных отношений на основе равноправия, солидарности, взаимопомощи и гармонии выражают собой коренные интересы всех национальностей страны, являются их общим долгом». Он также указал на то, что необходимо сохранять и улучшать институт национальной районной автономии, наращивать масштабы поддержки слаборазвитых национальных районов, поддержжи-

вать развитие малочисленных национальностей, продолжать программу действий по стимулированию подъема окраинных районов на благо местного населения, оберегать и развивать прекрасную традиционную культуру национальных меньшинств, самобытные национальные деревни и поселки, стимулировать общение, обмены и слияние разных национальностей между собой. Подчеркивалась важность достойного проведения торжественных празднеств в честь 50-летия Тибетского и 60-летия Синьцзян-Уйгурского автономных районов. Ли Кэцян также говорил о том, что нужно всесторонне претворять в жизнь основную курс партии в области религии, стимулировать гармонию межконфессиональных отношений, оберегать законные права и интересы религиозных кругов, выявлять позитивную роль религиозных деятелей и верующих в стимулировании социально-экономического развития¹⁴. 7 дней спустя в Докладе Верховного суда и прокуратуры прозвучала информация о казни трех преступников, совершивших теракт на Тяньаньмэнь 28 октября 2013 г.¹⁵

Свидетельством особого внимания к проблеме экстремизма стало проведение 10 марта в рамках 3-й сессии ВСНП 12-го созыва Дня открытых дверей делегации из Синьцзяна. На вопрос, поставленный одним из журналистов относительно тенденции увеличения террористических актов, секретарь партийного комитета КПК СУАР Чжан Чуньсянь ответил, что теракты действительно учащаются. Он от лица парткома высказал мнение о том, что исторические и современные факторы стали причиной формирования в СУАР явления «наложения трех периодов», а именно активного периода насильственных терактов, периода острой борьбы с подрывной деятельностью, а также периода вмешательства правительства в управление¹⁶. Чжан Чуньсянь указал на широкое распространение религиозного фундаментализма в Синьцзяне и ряд культурных и исторических причин этого явления. Вместе с тем, заместитель секретаря комитета КПК СУАР Чэ Цзюнь заявил, что 95% те-

раков там выявляются заранее. А председатель народного правительства СУАР Шохрат Закир подтвердил, что огромное количество терактов предотвращается на стадии зарождения и развития, так как отдельные экстремистские акты могут произойти раньше назначенного времени. Он также выразил уверенность, что терактов будет меньше, а не больше, поскольку ситуация с безопасностью в СУАР в целом оценивается как «стабильная и контролируется». «Террористические атаки встретили резкое осуждение и противодействие жителей автономного района», – продолжил Шохрат Закир. Благодаря совместным усилиям разных этнических групп противоправная деятельность, связанная с насилием и терактами, рассматривалась по всей строгости закона. При этом для поддержания стабильности также усиливается воспитательная работа, заявил Шохрат Закир, отметив применение разных методов, связанных с идеологией, культурой, обычаями и религией¹⁷.

К их числу можно отнести предпринятое в 2013 г. издание Корана на уйгурском языке¹⁸, а также планы 2014 г. по расширению за счет строительства нового здания Синьцзянского института исламоведения, который за 27 лет своего существования подготовил свыше шестисот студентов. Это позволит в ближайшее время увеличить число учащихся с 200 до 1000 человек и, как предполагается, подготовить патриотически настроенных религиозных деятелей из числа нацменьшинств, что важно для пресечения распространения трех зол – терроризма, экстремизма, сепаратизма¹⁹.

30 марта 2015 г. агентством «Синьхуа» в связи с пятилетием террористических актов в московском метро, совершенных фанатично настроенными мусульманками, был опубликован комментарий под названием «Терроризм и экстремизм не исчезли – в борьбе с ними необходимо взаимодействие международного сообщества», в котором указывалось, что «в нынешнее время терроризм и тесно связанный с ним экстремизм уже стали общими врагами человечества»²⁰.

Целям борьбы с религиозным экстремизмом призван служить первый в истории КНР закон «О борьбе с терроризмом»²¹, который должен упорядочить законодательную базу для борьбы с терроризмом в Китае. В одном из цитирований положений его проекта терроризм определяется как «любые высказывания и действия, которые посредством насилия вызывают социальную панику, подрывают общественную безопасность, угрожают правительственным органам и международным организациям»²².

Суммируя сказанное выше, хотелось бы отметить, что этно-националистические религиозно-политические экстремисты из числа уйгуров Синьцзяна в настоящее время все больше попадают под влияние идеи тотальной исламизации, насильственного захвата власти и джихада с целью создания безграничного халифата, в котором религиозные права не только считаются важнее светских, но и прослеживается стремление к уничтожению иных религиозных традиций и культур. Некоторые современные западные синологи, пытаясь нащупать истоки этого, полагают, что подспудно в условиях отсутствия какой-либо иной международной поддержки, фактического блокирования решения проблем занятости и препятствий для достижения материального успеха со стороны нарастающей ханьской иммиграции, сопровождающейся вытеснением уйгурской традиционной культуры, ислам остается единственным духовным источником, к которому уйгуры обращаются²³. Это в свою очередь создает духовно-религиозные основания для сепаратизма и экстремизма. В целом, эскалация этнической напряженности между ханьцами и уйгурскими мусульманами²⁴ на фоне не снижающегося уровня бедности, особенно в сельских районах проживания уйгуров, обостряет чувство их религиозной идентичности. Это, в свою очередь, ведет к активизации исламского религиозно-политического экстремизма, направленного на дестабилизацию существующего государственного строя, что является серьезным вызовом современному китай-

скому обществу. Власти КНР отвечают на него не только силовым противостоянием, но и мерами по развитию региона, делают попытки решить эту проблему, в которой слились национальный, религиозный и социальный вопросы, на основе понимания истоков этого негативного феномена.

¹ Более подробно : Новейшая история Китая, 1928-1949. М., 1984. С.64-65; Непомнин О.Е. История Китая XX век. М., 2011. С. 284; Dillon M. Xinjiang China's Muslim Far Northwest. L., N-Y, 2004. P. 20

² Новейшая история Китая. С.233

³ Новейшая история Китая. С.235; Dillon M. Ibid. P.33

⁴ Более подробно: Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002. С.117-120,134-135,181-185.

⁵ Более подробно: Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. С. 197-211; Gladney D. Islam in China: Accommodation or Separatism// The China Quarterly, 2003, № 174. P.455, 457.

⁶ Ibid.P.453-454.

⁷ Goossaert V., Palmer D. The Religious Question in Modern China. Chicago-London ,2012.P.374

⁸ Ibid. P.378

⁹ Ibid. P. 379

¹⁰ Д. Глэдни в 2003 г указывал на существование ряда зарубежных сепаратистских уйгурских организаций в Стамбуле, Анкаре, Алма-Ате, Мюнхене, Амстердаме, Мельбурне и Вашингтоне.// Gladney D. Islam in China: Accommodation or Separatism. P. 457.

¹¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/исламское_движение_Восточного_Туркестана

¹² Основана эта партия была в 1953 г. правоведом палестинского происхождения Такиуддин ан-Набхани (1909-1977). После развала СССР активно распространялась на постсоветском пространстве и в СУАР: ячейки были созданы в 8-ми странах СНГ, 21 стране Азии, в том числе в РФ и КНР. Хотя не причисляет себя к террористическим организациям, не проповедует насильственные методы и джихад, не входит в список зарубежных террористических организаций, составленных госдепом США, однако имеет целью создание исламского государства и восстановление халифата сначала в одной стране, а затем его дальнейшее распространение. В последнее время усиливается радикализация этой партии. В РФ эта политическая партия признана экстремистской религиозной организацией. Ее члены преследуются в Узбекистане. (Iratva Kan.com/news/118039.html//

¹³ russian.people.com.cn/n/2014/0530/c31521-8734779.html

¹⁴ Синьхуа. 05,03,2015

¹⁵ russian.news.cn/china/2015-03/16/c_134071542_12.html

¹⁶ Жэньминь жибао. 11,03,2015

¹⁷ Синьхуа, 10,03,2015

¹⁸ Жэньминь жибао.15.01.2013

¹⁹ Синьхуа.25.07.2014

²⁰ russian.news.cn/china/2015-03/30/c_13411088html

²¹ В РФ первый закон «О борьбе с терроризмом» был принят в 1998 г., а в 2007 г. на смену ему вступил в действие новый закон «О противодействии терроризму», кроме того, ШОС была принята Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом.

²² Синьхуа. 09,03,2015

²³ Goossaert V., Palmer D. The Religious Question in Modern China. P.379

²⁴ Ibid. P.400

13.

Афонина Л.А.,
ИДВ РАН

ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация: За прошедшие два года партийно-государственные власти продолжают уделять пристальное внимание религиозному фактору, делая акцент на его культурной составляющей. В целях нивелирования связи христианства с либеральными западными идеями был объявлен курс на создание собственного «китайского христианского богословия».

Ключевые слова: религии, христианство, тибетский буддизм, ислам, секты, антихристианская кампания, китайское христианское богословие, народные верования, традиционная культура

Afonina Lyubov, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
valium.l@gmail.com

TRENDS OF THE POLICIES ON RELIGION IN THE EARLY YEARS OF XI JINPING

Abstract: The first two years of Xi Jinping's authorities have paid much more attention to the religious factor. State has chosen tactics of emphasizing the cultural component of religions. For the purpose of elimination of the connection between Christianity and

liberal Western ideas, the state proclaimed the course of creating “Christianity with Chinese characteristics”.

Key words: religion, Christianity, Tibetan Buddhism, Islam, sects, Anti-Christian campaign, Christianity with Chinese characteristics, folk beliefs, traditional culture.

В современном Китае религиозная компонента играет важную роль как во внутренней жизни страны, так и в международных отношениях. Власти страны напрямую связывают поиск правильного курса религиозной политики с вопросами государственной безопасности, общественного порядка и стабильности.

Внимание к религиозной сфере проявляют высшие руководители партии и государства. Летом 2014 г. член ПК ПБ ЦК КПК Юй Чжэншэн посетил 5 буддийских монастырей, а в мае 2014 г. – мечеть в западном Синьцзяне. Вице-премьер Госсовета Лю Яньдун в феврале 2015 г. в рамках проверки исполнения «Положения о религиозной деятельности» встретила с верующими разных конфессий. Это сложившаяся практика для руководителей ЦК такого высокого уровня. В октябре 2014 г. продвижение по партийной карьерной лестнице получил начальник ГУДР Ван Цзоань, став членом ЦК КПК.

Религиозная сфера регламентируется административно-правовым документом «Положение о религиозной деятельности» (2005 г.), принятым Госсоветом. Однако этим не снимается вопрос о необходимости закона о религии.

Комитетом по делам религий и национальностей НПКСК 27 октября 2014 г. было проведено собрание, посвященное внесению поправок к «Положению о религиозной деятельности», изучению возникавших проблем и подготовке предложений по совершенствованию документа. Члены комитета не внесли ничего нового в документ, но в очередной раз заявили о необходимости принятия закона о религии.

Конкретный проект закона был представлен исследователем Института американских исследований АОН профессором Лю Пэном в июне 2013 г. на конференции «Религия и законодательство», организованной некоммерческим неправительственным исследовательским центром – Институтом социальных наук Пуши.

Профессор на протяжении многих лет отстаивает точку зрения, что принятие закона о религии позволит решить большинство противоречий религиозной области¹. Он считает, что большое количество проблем религиозной сферы в КНР, которые длительное время не находят решения, связаны с фактическим отсутствием отделения религии от государства и закрепленной в праве модели, определяющей функциональное разделение церковных институтов и государственных органов.

В проекте закона Лю Пэн предложил свободную регистрацию религиозных организаций как «религиозных юридических лиц». При этом незарегистрированные общины могут существовать как добровольные собрания граждан. Проект предлагает также целый ряд преимущественных условий для религиозных юридических лиц и содержит рациональные предложения, отвечающие основным вызовам религиозной ситуации в современном Китае. Однако в ближайшее время вряд ли возможно принятие предложенных положений в силу их радикального отличия от существующей системы и значительного американского влияния в подходах и методах. Однако в перспективе они, безусловно, смогут повлиять на развитие правового регулирования религиозной сферы.

В религиозной сфере наблюдается расширение международных контактов. В условиях сложной международной обстановки Си Цзиньпин и чиновники религиозной сферы провели беспрецедентно большое количество встреч с религиозными деятелями разных стран.

Самым примечательным событием стал визит в Китай Предстоятеля Русской Православной Церкви. В результате

длительной подготовки исторический визит Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в КНР по приглашению ГУДР и китайских верующих состоялся 10–15 мая 2013 г.² В первый день визита Патриарх Кирилл встретился с Председателем КНР Си Цзиньпином. В истории Китая никогда ранее не проводилось официальных встреч главы государства с каким-либо иностранным религиозным лидером.

Осознание властями неискоренимости религиозного чувства в обществе привело их к пересмотру отношения к традиционным религиозным течениям, которые, по мнению властей, несут в себе наименьшую угрозу существующему режиму и не создают политической оппозиции. В марте 2014 г., выступая в Париже в ЮНЕСКО, Си Цзиньпин несколько раз упомянул о том, что буддизм, даосизм и конфуцианство сыграли важную роль в развитии китайской культуры. Ранее лидеры КПК не допускали подобных высказываний.

Си Цзиньпин призвал чиновников проявлять более снисходительные отношения к народным верованиям, в надежде благодаря этому восполнить нравственные изъяны общества, образовавшиеся вследствие стремительного экономического развития страны и массовой погони за материальным благополучием.

Председатель КНР призвал к пропаганде моральной доктрины – учения о фундаментальных социалистических ценностях, источником которых в том числе является традиционная китайская культура, вместе с тем подчеркнув значение патриотизма³.

В современном обществе большую актуальность приобретают те идеи конфуцианства, в которых делался акцент на интересах государства и коллективных ценностях. СМИ активно освещали посещение Си Цзиньпином в феврале 2014 г. места рождения Конфуция – уезд Цюйфу в провинции Шаньдун.

24 сентября Китай отметил 2565 день рождения Конфуция в Доме народных собраний. Си Цзиньпин лично присутствовал

на мероприятии и произнес во вступительной речи знаковые слова: «Если страна или нация не хранит свои мысли и культуру, то она теряет свою душу»⁴.

После этих события в стране началась кампания по распространению ценностей традиционной китайской культуры.

В повестке работы ГУДР все чаще стали звучать вопросы, касающиеся изучения положения народных верований в КНР. В некоторых провинциях ранее отождествлявшиеся с феодальными суевериями народные верования стали относиться к разряду «нематериального культурного наследия». Отделы по делам культуры и туризма открывают музеи для сохранения и демонстрации этого культурного наследия, но по факту некоторые из них являются функционирующими храмами.

Государство избрало тактику акцентирования традиционной-культурной составляющей религиозных направлений, представленных малым числом последователей.

Например, восстанавливаемые православные храмы получают статус музеев. Храм в г. Эргуна действует как музей, но он закрыт для посещения иностранными туристами. В Маньчжурии власти страны ведут строительство здания храма, напоминающего известный Собор Василия Блаженного в Москве. Проект направлен на привлечение туристов, использование здания в религиозных целях не предполагается.

В феврале 2013 г. в Харбине было объявлено о решении восстановить старую синагогу, построенную в 1909 г., и отнести ее к разряду национальных памятников. Другая синагога Харбина, отреставрированная в 2004 г., в настоящее время служит как музей жизни евреев г. Харбина и также в религиозных целях не используется⁵.

Поддержка традиционных народных верований призвана содействовать сближению с Тайванем. В июне 2014 г. начальник ГУДР Ван Цзоань на 7-м форуме двух берегов Тайваньского пролива в провинции Фуцзянь выразил идеи о том, что необходимо выявить позитивную роль народных верований в де-

ле построения гармоничного общества: «Народные верования провинции Фуцзянь несут миссию и задачу поддержания диалога с Тайванем, являясь важным каналом общения с Тайванем и Юго-Восточной Азией».

После того, как Си Цзиньпин стал руководителем страны, ЦК явственно определил новую тенденцию в религиозной политике: сдерживание имевшего место в последние годы количественного роста христиан, в основном протестантов, и их активности. Это является следствием опасений проникновения негативного политического влияния под прикрытием религиозных учений.

Наиболее ярким свидетельством борьбы правительства с распространением протестантизма стала кампания в провинции Чжэцзян. Городской округ Вэньчжоу пров. Чжэцзян в период реформ приобрел славу места сосредоточения христианства, его часто называют «китайским Иерусалимом».

В 2013 г. в Чжэцзяне принимались меры против незаконных строений. Большею частью она отразилась на храмовых зданиях. В ряде городов в течение 2014 г. под предлогом борьбы с незаконным строительством местные власти отдавали распоряжения о сносе храмов или крестов с храмовых зданий. Жертвами кампании в Чжэцзяне стали более 400 церквей. Примечательно, что проблемы стали возникать даже у храмов, имеющих легальную регистрацию в соответствующем государственном органе. Ранее церкви, входившие в официальные протестантские и католические объединения, не испытывали таких трудностей.

Верующие связывают такие распоряжения с главой парткома КПК провинции Ся Баолуном, который находится на этой должности с 18 декабря 2012 г., ранее в 2011–2012 гг. был губернатором той же провинции, а с 2003 по 2007 гг. был ближайшим помощником и соратником Си Цзиньпина.

30 июля епископ Вэньчжоу Чжу Вэйфан направил пастырское письмо католикам своего диоцеза. Он извинился за долгое

молчание по поводу массового сноса крестов. Епископ Чжу призвал прекратить кампанию по сносу крестов, сравнивая ее с методами времен «культурной революции»⁶. Текст письма был опубликован на сайте диоцеза, который через два дня был закрыт на некоторое время⁷. Группа протестантских пасторов также подготовила открытое письмо, связав снос крестов с отсутствием уважения к законам и чувствам верующих.

Показателен эпизод со сносом официально зарегистрированной церкви в уезде Наньлэ провинции Хэнань. Многолетние споры с местными властями из-за недвижимости привели к обвинениям пастора храма Чжан Шаоцзе в организации общественных беспорядков, за что он был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Пастор Чжан - бывший глава местного протестантского объединения и член местного отделения НПКСК⁸. Приговор ему является самым суровым в отношении религиозных деятелей со времен «культурной революции»⁹.

В качестве примеров борьбы с христианской религией можно привести факты разрушения двух католических церквей в провинциях Хунань и Цзянси. Местные власти нарушили обещание сначала построить новые здания, а лишь потом снести старые¹⁰.

Сносы храмов и крестов выявили напряженные отношения между властями и стремительно числом растущими приверженцами протестантизма.

В газете «Хуаньцю Шибяо» 8 июля 2013 г. была опубликована статья, предостерегающая университеты против распространения христианской религии среди студентов. В статье подверглись критике некоторые книги университетских издательств и диссертации, которые имели теологическое содержание, вышедшее за пределы темы научного изучения религий.

На религиозной сфере сказывается и усиливающиеся в последние годы проявления национализма. В 2014 г. руководство Северо-Западного университета Китая запретило студентам отмечать Рождество. Партком университета призвал уважать

только китайские традиции и китайские праздники¹¹. Отдел образования правительства в Вэньжоу также запретил в декабре 2014 г. мероприятия по празднованию Рождества в учебных заведениях, объясняя это желанием предотвратить замещение традиционных китайских праздников западными¹².

Для ослабления влияния западных либеральных идей через христианство китайское руководство объявило о создании китайского христианского богословия, что было озвучено главой ГУДР Ван Цзоанем в августе 2014 г. Он заявил, что христианское богословие должно соответствовать как основам христианского вероучения, так и национальным особенностям Китая, вписываться в китайскую культуру¹³.

Пройдя долгий путь от объединения религий в патриотические объединения в 1950-х гг., полного запрета религий в 1960–1970-х гг. к постепенной легализации в 1980-х гг., сегодня власти видят основной задачей формирование нового верующего, способного в целях создания собственного китайского богословия вольно трактовать ту религиозную доктрину, последователем которой он является.

Большое значение в современном Китае уделяется вопросам ислама. В последние годы особенно остро стоит вопрос террористической угрозы со стороны уйгурских сепаратистских сил. Есть свидетельства участия уйгурских экстремистов в деятельности международной террористической организации «Исламское государство»¹⁴. Перед исламскими служителями правительством поставлена задача не допустить проникновения в массы идей исламского религиозного экстремизма¹⁵.

В июле 2014 г. в Кашгаре напротив мечети был заколот ножом 74-летний имам, вице-председатель КИА и делегат НПКСК Цзюма Таизэр¹⁶. Это событие свидетельствует о неприятии отдельными категориями местного социума деятельности официально признанного ислама и что исламский терроризм в Китае направлен, в том числе, на борьбу со сложившейся системой государственно-религиозных взаимоотношений.

Министр общественной безопасности КНР и член Госсовета КНР Го Шэнкунь трижды за 2014 г. посетил Синьцзян для изучения ситуации в регионе и координации проведения антитеррористической работы¹⁷.

Власти страны, опасаясь уйгурских мусульман, продолжают налагать запреты на ведение традиционного уклада их жизни и осуществлять давление на религиозные свободы граждан. В отдельных местах существует запрет посещать мечеть людям определенных категорий – женщинам, детям, студентам, госслужащим, получающим пособия, и чиновникам на пенсии¹⁸.

Так, например, в городе Карамай СУАР на период проведения спортивных состязаний в августе 2014 г. людям в религиозной мусульманской одежде и носящим длинные бороды было запрещено пользоваться общественным транспортом¹⁹. На официальном сайте правительства СУАР публиковался запрет поститься госслужащим, преподавателям государственных учебных заведений и студентам²⁰.

Ректор Синьцзянского педагогического университета Тасифулати Теибай в 2014 г. заявлял о необходимости запрещать студентам поститься и носить одежду, определяющую религиозную идентичность. После того, как западные СМИ выступили с обвинениями, представитель правительства СУАР объяснил, что «власти поощряли нормальное питание для работы и учебы, но не запрещали пост во время Рамадана».

Надо отметить, что в других регионах Китая мусульманские народы не испытывают столь серьезных ограничений религиозной жизни. Можно сделать вывод, что ограничения носят не столько религиозный, сколько национальный характер.

Остро стоит проблема протестов среди тибетских буддистов. Массовые самосожжения начались в 2009 г. За период с 2009–2014 гг. 134 тибетца предали себя самосожжению, 115 из них погибли; 10 самосожжений приходится на 2014 г.²¹.

Власти активизировали аресты людей, имеющих отношение к самосожжениям. В декабре 2012 г. вышла директива о приравнивании к преднамеренному убийству участия в планировании, организации, подстрекании и помощи в совершении самосожжения.

Китайское правительство прикладывает усилия для снижения влияния Далай-ламы в Тибете. Спикер МИД КНР Лю Вэйминь даже заявил, что действия клики Далай Ламы – это скрытая форма терроризма.

Членам КПК и государственным чиновникам по-прежнему запрещается выражать религиозные убеждения и участвовать в религиозной практике. Си Цзиньпин в сентябре 2014 г. на рабочем заседании по делам национальностей подчеркивал, что членам партии не разрешено иметь религиозную веру и участвовать в религиозной деятельности.

Провинциальная партийная инспекция и ЦК КПК регулярно выявляют, что есть члены партии, которые принимают участие в религиозной деятельности и имеют религиозные убеждения. Было заявлено, что они отрицательно влияют на общество.

В настоящее время религиозные проблемы остаются среди наиболее актуальных и политизированных. Политика в области религий в Китае на практике сводится к государственному контролю над религией при сохранении прежних установок.

Таким образом, несмотря на сменяемость партийно-государственного руководства политика в области религиозно-законодательства в ближайшей перспективе, вероятно, не будет претерпевать принципиальных изменений.

¹ Лю Пэн. Лоши 19 хао вэньцзянь цзиншэнь, цзякуай цзунцзяо фачжи цзяншэ (Исполнение духа Документа №19, ускорение построения религиозного законодательства) / Чжунго миньцзубао. 27.03.2012.

² Официальный сайт Московского Патриархата - <http://www.patriarchia.ru/>

³ *Pedroletti B.* China's Christians fear new persecution after latest wave of church demolitions // *Guardian Weekly.* 05.07.2014

⁴ *Religion & Christianity in Today's China.* Vol.IV. №4. – P. 3-23.

-
- ⁵ Religions & Christianity in Today's China. 2014. Vol. IV. №1. pp. 3-15.
- ⁶ Чжу Вэйфань. Бу яо па, чжи гуань синь (Не нужно бояться, действенна только вера) // Тяньчжуцзяо. 02.08.2014.
- ⁷ Religion & Christianity in Today's China. Vol.IV. №4. – P. 3-23.
- ⁸ Just in time for Christmas, Chinese officials demolish another cross // UCAN. 23.12.2014.
- ⁹ Religion & Christianity in Today's China. Vol.IV. №4. – P. 3-23.
- ¹⁰ Religion & Christianity in Today's China. Vol.IV. №4. – P. 3-23.
- ¹¹ В одном из университетов Китая запретили праздновать Рождество по григорианскому календарю // Портал-кредо. 25.12.2014.
- ¹² *Ng Teddy*. Does Christmas really pose a threat to Chinese culture? // South China Morning Post. 28.12.2014.
- ¹³ *Денисов И.* Новый китайский завет // Лента. 22.08.2014.
- ¹⁴ *Chen Andrea*. Muslim militants who joined Islamic State in Middle East “arrested in Xinjiang” / South China Morning Post. 10.03.2015.
- ¹⁵ *Цао Цзыган*. Цзунцзяо гуаньси хэсе ши шисянь Чжунго мэн дэ бяо яоцю (Гармония религиозных отношений – необходимое условия претворения китайской мечты) // Хунци. 2014. №5.
- ¹⁶ Religion & Christianity in Today's China. Vol.III. №3. – P. 3-17.
- ¹⁷ *Ван Фан*. Синьцзян: сяньчжи цзунцзяо цзыюй хуэй шидэ ци фань (Синьцзян: ограничение свободы вероисповедания контрпродуктивно) // DW. 09.08.2014.
- ¹⁸ *Мин Юнчан*. 18суй ися будэй жу циньчжэнсы дэ суй юй ши (Правда и ложь о том, что до 18 лет нельзя ходить в мечеть) // Ляньхэ Цзаобао. 14.07.2009.
- ¹⁹ Уйгуры протестуют против запрета на бороды // Русская служба БиБиСи. 06.08.2014.
- ²⁰ Китай: госслужащим мусульманам запретили поститься. // Русская служба БиБиСи. 02.07.2014.
- ²¹ *Ань Цзин, Ши Тао*. Цзанжэнь туаньти: нянь цзинь 19 суйи ню цзанжэнь цзыфэнь шэньван (Объединение тибетцев: 19-летняя девушка из Тибета совершила самосожжение) // DW. 05.11.2014.

14.

Лазарева Т.В.,
ИДВ РАН

ЗАКОН ОБ АВТОНОМИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АВТОНОМНОГО РАЙОНА ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ

Аннотация: За 30 лет со дня принятия «Закон КНР о районной национальной автономии» сыграл заметную роль в экономическом и культурном развитии, сохранении государственного единства, обеспечении стабильности в национальных районах.

Рост национальной экономики автономного района характеризуется возросшим внутренним валовым продуктом, значительным повышением доходов сельского и городского населения. Заметно улучшилась жизнь народа, интенсивно проводится борьба с бедностью. Ведется переселение бедных крестьян и скотоводов из непригодных для жизни районов в более благоприятные для проживания. Население района обеспечивается питьевой водой, газоснабжением, электричеством.

Ключевые слова: районная национальная автономия, Автономный район Внутренняя Монголия, социально-экономическое развитие, Закон об автономии.

Lazareva Tatyana, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
taharitonova@yandex.ru

"LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA ON REGIONAL NATIONAL AUTONOMY" AND THE DEVELOPMENT OF THE AUTONOMOUS REGION OF INNER MONGOLIA

Annotation: 30 years since the adoption the "Law of the people's Republic of China on regional national autonomy" has played a prominent role in economic and cultural development, preservation of the national unity, stability in the national regions.

The growth of the national economy of the Autonomous region is characterized by increased gross domestic product, a significant increase of the rural and urban population incomes. The life of the people noticeably improved, the fight against poverty intensively conducted. The poor farmers and pastoralists from uninhabitable areas are resettling to more comfortable places to live. District population is provided with drinking water, gas, electricity.

Keywords: regional national autonomy, the Autonomous region of Inner Mongolia, socio-economic development, the Law on the national autonomy.

«Закон КНР о районной национальной автономии» (далее – Закон об автономии) был принят в мае 1984 г. на 2-й сессии ВСНП 6-го созыва и вступил в силу в октябре 1984 г.¹ Документ основан на соответствующих положениях Конституции 1982 г. и на тот период времени являлся прогрессивным правовым актом по сравнению с ранее действовавшими "Основными принципами осуществления районной национальной автономии КНР" (1952 г.) как в плане расширения прав самоуправления районов национальной автономии, так и в плане установления конкретных правил и процедур, благодаря которым появились возможности гарантировать реализацию установленных прав и свобод, лучшего учета интересов неханьских национальностей.

Закон об автономии является основным конституционным документом, регулирующим осуществление института районной национальной автономии, и охватывает все аспекты деятельности национальных районов.

За 30 лет со дня принятия Закон об автономии сыграл заметную роль в экономическом и культурном развитии, сохранении государственного единства, обеспечении стабильности в национальных районах. Принятые на основе Закона основополагающие документы, среди которых новая редакция Закона², «Установления Госсовета о проведении в жизнь “Закона КНР о

районной национальной автономии»³, “12-й пятилетний план по развитию национальных районов”⁴, “Общие положения о помощи деревенской бедноте (2011–2020 гг.)”, “План возрождения окраинных районов (2011–2015 гг.)”, “План поддержки малочисленных национальных меньшинств (2011–2015 гг.)”, “План перехода к оседлости кочевых народов”, Некоторые положения Госсовета относительно развития культуры национальных меньшинств» и многие другие способствовали ускоренному и устойчивому развитию национальных районов с **учетом местной специфики и национальных особенностей неханьских народов».**

Автономный район Внутренняя Монголия, созданный 1 мая 1947 г., является первым автономным районом Китая. Площадь региона составляет 1,18 млн км², на него приходится 12% территории Китая. По этому показателю район занимает 3-е место среди 31 провинции, автономных районов и городов центрального подчинения страны. По данным статистического управления Автономного района, отмечен рост населения титульной национальности. Так, в 1947 г. общая численность населения района составляла 5,62 млн человек, из них монголов – 832 тыс. человек. По состоянию на конец 2010 г. население района превысило 24,7 млн человек, а число монголов выросло до 4,24 млн человек.

Национальный состав Внутренней Монголии включает в себя 49 этнических групп, совокупно составляющих примерно одну пятую часть ее жителей, среди которых *монголы, дауры, эвенки, ороконы, хуэй, мань, северные корейцы* и т.д. Главной этнической группой являются *монголы*, но основное население в настоящее время составляют *ханьцы*.

Во время торжественных мероприятий, посвященных 60-летней годовщине создания АРВМ, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя КНР, глава центральной делегации в автономный район Внутренняя Монголия Цзэн Цинхун сказал, что учреждение района является

монументом в развитии национальных отношений Китая и примером учреждения районной национальной автономии в Китае⁵. АРВМ занимает важное стратегическое место в обеспечении социально-экономического развития страны, поддержании стабильности в пограничных районах.

В АРВМ обнаружены около 140 видов полезных ископаемых, многие из которых составляют основу добывающей и перерабатывающей промышленности. Внутренняя Монголия - один из важнейших угледобывающих районов Китая. Разведанные запасы угля составляют 732,3 млрд т. По этому показателю регион занимает первое место в Китае. Автономный район стремится к доведению производственных мощностей по добыче угля до 1 млрд т в 2015 г. Тогда на долю региона придется одна четверть объема производства угля по стране⁶.

По словам председателя Комитета по делам национальностей Автономного района Внутренняя Монголия А Дия, в течение долгих лет район строит свою работу на принципе самоуправления, создает свою законодательную базу, занимается вопросами сохранения языка и письменности, подготовкой национальных кадровых работников, вопросами экономики, финансов, культуры, образования, здравоохранения и т.д. Большое внимание уделялось развитию социальной сферы. В частности, велась активная работа по борьбе с бедностью, улучшению жилищных условий и ликвидации непригодных к проживанию жилых помещений. Были разработаны и утверждены 449 нормативных актов местного уровня.

Рост национальной экономики автономного района характеризуется за тридцатилетний период действия Закона следующими цифрами. В 2013 г. объем промышленного производства достиг 1,683238 трлн ю., увеличившись по сравнению с 1984 г. в 30,1 раза. Внутренний валовой продукт на душу населения составил 10,9 тыс. долл., по сравнению с 1984 г. он вырос в 23,7 раза. Объем валовой продукции на конец 2006 г. достиг 479 млрд ю., что превышает показатель 1947 г. в 196

раз, когда он равнялся 537 млн ю. Суммарный региональный финансовый доход достиг 265,842 млрд ю., увеличившись по сравнению с 1984 г. в 313 раз. Инвестиции в производство за тот же период возросли в 295 раз и составили 1,552072 трлн ю. Доля промышленности в ВВП региона выросла с 30,5% до 47,2%, вклад промышленности в ВВП превысил 60%⁷.

Объем промышленной продукции Внутренней Монголии в 2013 г. равнялся 794,44 млрд юаней, увеличившись в 50,2 раза. Ускоренно развиваются новые и высокие технологии, энергетика, металлургия, химическая промышленность, переработка продуктов животноводства, производство оборудования. В промышленности региона доля указанных отраслей превысила 90%. В 2013 г. суммарная мощность электросиловых установок района составила 84,46 млн кВт, в том числе ветровых установок 18,19 млн кВт. По этому показателю Внутренняя Монголия занимает первое место в Китае⁸.

По сравнению с 1984 г. объем розничной торговли товарами народного потребления вырос в 73,3 раза, объем розничной торговли в городах и поселках увеличился в 89,7 раз и составил 446,13 млрд ю., в деревне он вырос в 31,1 раза и составил 61,39 млрд юаней⁹.

За этот период Автономный район Внутренняя Монголия не только полностью обеспечивал себя сельскохозяйственной продукцией, но и вошел в число 13 регионов, снабжавших страну зерном и экологическими продуктами. С 1984 г. по 2013 г. производство зерновых увеличилось в 3,7 раза, масляных культур – в 1,6 раза. АРВМ занимает в Китае ведущее место по производству баранины, молока и шерсти. Годовые доходы от продаж более 1500 районных предприятий по переработке сельскохозяйственной и животноводческой продукции превысили 100 млрд ю., 10 из них известны как обладатели известных торговых марок Китая.

В последние годы из Внутренней Монголии в другие районы страны ежегодно поставляются несколько миллионов тонн

молочной продукции, миллионы цветных телевизоров, 100 млн т угля и др.

За 30 лет успешно развивались внешние торгово-экономические связи. Объем внешней торговли вырос в 109 раз. В 2013 г. прямые иностранные инвестиции составили 4,645 млрд долл. и увеличились по сравнению с 1984 г. в 2608 раз. Несмотря на такой заметный рост, в фактическом использовании прямых зарубежных инвестиций Внутренняя Монголия пока заметно отстает от большинства других регионов страны. Хотя их объем в 2000 г. составил 105,7 млн долл., в 2001 г. – 107 млн долл., его доля в общекитайском масштабе равнялась всего лишь 0,2%. Инвестиции из внутренних регионов Китая достигли 440 млрд ю.¹⁰

В Автономном районе Внутренняя Монголия планируется реализация ряда крупнейших проектов, связанных со строительством угольных и электроэнергетических баз, освоением экологически чистых энергоносителей, развитием современной угольно-химической промышленности, производством оборудования, индустрией солнечной энергии и техники фотовольтажа, облачными вычислениями и др. Общие капиталовложения в реализацию этих проектов достигнут 1,6 трлн ю. Эти проекты включают в себя 10 объектов по строительству баз разработки экологически чистой энергии, инвестиции в которые составят 641,2 млрд ю.; строительства комплекса по добыче угля, выработки электричества, переработки глинозема из угольной золы, в которые планируется вложить около 200 млрд ю.; объекты по строительству ТЭС общей мощностью в 20 млн кВт, работающих на угольных отходах, инвестиции в которые будут равняться 80 млрд ю.

В 2014 г. общий объем капиталовложений в основные фонды в сфере промышленности достиг почти 920 млрд ю., что составило прирост на 17% по сравнению с предыдущим годом. В 2013 г. в автономном районе было начато строительство 40 важных объектов в области энергетики и химической промыш-

ленности, общие капиталовложения в которые превысили 500 млрд ю.¹¹

Эффективно развивалось инфраструктурное строительство. К 2013 г полностью введены в эксплуатацию 30 автомобильных дорог высшей категории, связывающих район с другими регионами Китая, протяженность скоростных магистралей достигла 4080 км, длина автомобильных дорог составила 160 тыс. км. В 2001 г. общая протяженность шоссейных дорог превысила 50 тыс. км., свыше 80% из них было построено за последние 20 лет. Железнодорожные магистрали проходят через 11 аймаков и городов. Воздушные пути связывают автономный район с 40 крупными городами КНР и другими странами. Во Внутренней Монголии намечено довести общее число действующих аэропортов в 2015 г. до 29 и до 48 в 2017 г. с тем, чтобы сформировать целостную сеть воздушного сообщения¹².

Строится первая линия высокоскоростной железной дороги Хух-Хото – Чжанцзякоу, протяженностью 286,8 км, в т.ч. по территории Внутренней Монголии 211,3 км. Согласно программе развития железных дорог в период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) в центральной и западной частях автономного района Хух-Хотоское управление железных дорог намерено завершить строительство сети скоростных железнодорожных магистралей с целью повысить провозную способность перевозок угля. В конце 12-й пятилетки общая протяженность эксплуатируемых железных дорог в регионе должна превысить 15 тыс. км.

Всеми видами транспорта в 2013 г. перевезено 2,043 млрд т. грузов и 295 млн пассажиров, что позволило увеличить указанные показатели по сравнению с 1984 г. соответственно в 19,1 и 3,7 раз. Быстро развивается почтовая связь, в 2013 г. суммарная стоимость почтовых отправок равнялась 28,815 млрд юаней¹³.

Большая работа ведется по защите окружающей среды. Понимая крайнюю остроту экологических проблем, китайское правительство провозгласило курс на создание «экологической цивилизации». Недавно возглавивший Министерство по охране окружающей среды Чэнь Цзинин назвал улучшение качества окружающей среды, гармонию между охраной окружающей среды и социально-экономическим развитием с учетом природно-ресурсного потенциала одним из главных направлений 13-й «экологической подготовки» (так был назван разрабатываемый отраслевой план развития на 2016–2020 гг. – *прим. авт.*).

Развитие животноводства, увеличение пастбищ, наличие большого числа кочевников, отсутствие достаточного количества питьевой воды, увеличение пустынных площадей диктуют создание особых условий для экологических мероприятий во Внутренней Монголии. В частности, возникает необходимость восстановления лесо-травяного покрова на пахотных угодьях и прекращения выпаса скота на оскудевших пастбищах в целях восстановления травяного покрова, повышения уровня экономии воды (80% территории Внутренней Монголии страдает от засухи) и природных ресурсов, необходимость эффективной борьбы с засухой. Только в июле 2014 г. от засухи пострадало около 340 тыс. га сельскохозяйственных угодий, свыше 18 млн. га степных участков, наблюдался падеж скота из-за нехватки воды. Имеющиеся в районе водные ресурсы в состоянии удовлетворить потребность лишь 18,81 млн человек. Общий запас водных ресурсов оценивается в 51,55 млрд м³, свыше 90% из них сконцентрировано в восточных районах. Проблемы нехватки воды усугубляет нерациональное использование воды в центральных и западных районах Внутренней Монголии. При общей площади АРВМ 1,18 млн км² площади пустынных земель достигают 659 тыс. км²¹⁴.

В 2011 г. в автономном районе удалось разрешить проблему поставки безопасной питьевой воды более 1,3 млн человек. В 2011 г. местными органами власти было выделено 912 млн

юаней на создание 1921 водного объекта. По предварительным подсчетам, в настоящее время в деревнях Внутренней Монголии здоровью 5,015 млн человек используется некачественная питьевая вода, во многих районах содержание фтора и мышьяка в воде превышает допустимую норму¹⁵.

Активно ведется борьба с промышленным загрязнением и произвольным захватом земель, увеличиваются затраты на борьбу с загрязнением в городах. В настоящее время площадь покрытия лесами увеличилась до 20%, площадь степных пастбищ достигла 44,1%. Поставлена задача снизить потребление кислорода и выброс углекислого газа на единицу продукции, развивать низкоуглеродные производства. На заседании Госсовета КНР, состоявшемся 15 июня 2011 г. под председательством премьера Вэнь Цзябао, подчеркивалось, что к 2015 г. необходимо заметно улучшить условия жизни и производства в сельских и скотоводческих районах Внутренней Монголии, остановить тенденцию ухудшения местной экологии; коэффициент лесного покрова автономного района довести до 21,5%, достичь результатов в работе по энергосбережению и сокращению выбросов загрязняющих веществ¹⁶.

Заметно повысился жизненный уровень. Доход жителей городов и поселков за период 1984–2013 гг. увеличился с 549 ю. до 25497 ю., доход крестьян и животноводов – с 368 ю. до 8596 ю. По уровню доходов городские жители Внутренней Монголии находятся на 10-м месте, а сельские – на 15 в КНР. Число работающего населения увеличилось с 8,566 млн человек (1985 г.) до 13,638 млн человек (2013 г.).

Только в 2010 г. на социальное обеспечение было израсходовано почти 29,13 млрд ю., что на 20,2% больше по сравнению с предыдущим годом.

По данным правительства автономного района, в 2010 г. месячный прожиточный минимум для городского и сельского населения был повышен соответственно на 35 и 19 юаней на человека, в результате чего на городского жителя приходилось

3324 юаня, на сельского – 1595 юаней. Среднедушевое месячное пособие пенсионерам предприятий поднялось со 177 до 1402 юаней. В сельских и скотоводческих районах эксперимент по введению системы социального страхования по старости распространился с 10 на 21 хошун и уезд, в которых этой системой фактически уже охвачены 1 млн 688 тыс. человек¹⁷.

2,21 млн нуждающихся жителей города и села получили временные пособия на общую сумму 200 млн юаней. Выдаются временные пособия и людям преклонного возраста. Кроме того, согласно утвержденным правилам, пожилые люди старше 80 лет, постоянно проживающие во Внутренней Монголии и, имеющие невысокий доход или не получающие постоянной заработной платы, смогут получать правительственные субсидии, размер которых зависит от возраста. Тем, кому от 80 до 99 лет, будет выплачиваться ежемесячно по 100 юаней, а кому более 100 лет, будут получать ежемесячно по 300 юаней. Для получения субсидий власти Внутренней Монголии разных уровней каждому пожилому человеку оформляют банковскую карту, те, кому уже более 100 лет, смогут получать субсидии на дому¹⁸.

В соответствии с «Основными положениями национальной программы преодоления бедности в сельских районах Китая на 2011–2020 гг.» в конце 2011 г. на центральном рабочем совещании по вопросам оказания помощи в развитии бедных районов было принято решение о повышении границы бедности, соотносимой к среднедушевому чистому доходу крестьян, с 1274 юаней в 2010 г. до 2300 юаней, что на 92% больше показателя 2009 г. (1196 юаней). Благодаря этому еще больше жителей сельских районов с низкими доходами войдут в группу людей, нуждающихся в помощи¹⁹.

В то же время автономный район относится к недостаточно развитым регионам, в котором некоторые неханьские национальности по уровню жизнеобеспечения существенно отстают от среднекитайских показателей. Для осуществления

политики среднего достатка предполагается найти особый подход. В апреле 2013 г. число нуждающихся на селе в 8 регионах (АРВМ, Гуанси-Чжуанский, Тибетский, Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, провинции Гуйчжоу, Юньнань и Цинхай), где высока доля неханьского населения, сократилось на 5,59 млн человек или 17,9% по сравнению с 2012 г. На конец 2013 г. нуждающихся в указанных районах насчитывалось 25 млн 620 тыс. человек. На долю бедняков в этих районах приходилось 17,1% от общего количества сельского населения²⁰.

Член ПК Политбюро ЦК КПК, вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в ходе посещения нуждающихся жителей в городе Баотоу и аймаке Хинган АРВМ в период 3–5 февраля 2013 г. подчеркнул важность координации экономического роста с улучшением благосостояния населения. «Китай сталкивается с проблемой неравномерного развития, характеризующегося крупнейшими и наиболее видными разрывами: между 400 млн городских жителей и 900 млн крестьян, между восточными районами и центральными и западными районами страны», – указал Ли Кэцян. Он также отметил, что результаты развития должны служить улучшению благосостояния населения²¹.

На пленарном заседании депутатов ВСНП от Внутренней Монголии, на 5-й сессии ВСНП 11-го созыва секретарь районного комитета КПК Ху Чуньхуа заявил о стремлении сократить в автономном районе численность бедного населения до конца 2015 г. на 1,5 млн человек, а к 2020 г. окончательно решить эту проблему. Для осуществления этой цели, по его словам, администрация района увеличивает капиталовложения в улучшение производственно-бытовых условий населения. Также планируется переселить бедных крестьян и скотоводов из непригодных для жизни районов в районы с более благоприятными природными условиями²².

Проводятся мероприятия по переходу кочевых племен к оседлому образу жизни. Благодаря осуществлению этого проекта повысился жизненный уровень кочевников и сдержана тенденция к опустыниванию степей.

На 4-м пленарном заседании Руководящей группы по оказанию помощи в развитии бедных районов ее глава, вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян подвел итоги работы в 2014 г. и обозначил основные задачи на 2015 г. В частности, он подчеркнул необходимость тщательно выполнять соответствующие требования по оказанию помощи бедным районам Китая, с которыми генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян выступили на центральном рабочем совещании по вопросам экономики, и в дальнейшем повышать понимание важности, срочности и сложности этой работы, настойчиво стремиться к реформированию механизмов оказания помощи бедным районам и полной реализации всех принципиальных целей, закладывать прочную основу для всесторонней реализации задачи по искоренению проблемы бедности и построению среднезажиточного общества²³.

Сравнительно большими темпами развивались сферы образования и медицины. Значительная часть населения охвачена пенсионным и медицинским страхованием. На конец 2013 г. пенсионным страхованием в районе было охвачено 7,803 млн человек, за 12 лет их число увеличилось на 4,897 млн человек, а медицинским страхованием – 9,862 млн, увеличившись по сравнению с 2001 г. на 8,066 млн. По стандартам дотаций сиротам АРВМ находится в Китае на ведущем месте²⁴.

В 2013 г. в автономном районе функционировало 49 учреждений высшего образования, что на 34 учреждения больше, чем в 1984 г., число студентов составило 399,2 тыс., что в 15 раз превысило показатель 1984 г. Среди них представители неханьских национальностей составили 107,3 тыс. человек, в числе которых 93,2 тыс. – монголы. В настоящее время на 10

тыс. населения приходится 160 студентов, рост составил 11,8 раза.

По данным 5-й Всекитайской переписи (2000 г.), общая численность молодежи и лиц зрелого возраста во Внутренней Монголии равнялась 14,72 млн человек, а число неграмотных – 766 тыс. человек (уровень неграмотности составлял 5,21%). В конце 2006 г. эти три цифры достигли 15,36 млн человек, 414,7 тыс. человек и 2,7% соответственно. За 6 лет уровень неграмотности среди этих возрастных категорий населения снизился на 2,51%²⁵. К 2013 г. неграмотность была ликвидирована еще у 95 тыс. человек.

На конец 2006 г. в районе в основном было введено девятилетнее обязательное образование. В среднем на каждые 10 тыс. монголов 134 человека являлись студентами вузов или менеджерами со степенями магистра и доктора.

По ряду исторических, социальных и природных факторов общий уровень развития образования в районе компактного проживания монголов остается низким по сравнению с лицами другой национальности и по сравнению с остальными районами страны. В настоящее время в Китае основная часть неграмотного населения – это жители сельских районов, причем подавляющее большинство из них – женщины. Ликвидации неграмотности в Китае трудная и тяжелая задача.

В АРВМ монгольский и китайский являются наиболее употребляемыми языками и признаны официальными языками. В то же время некоторые этнические группы не понимают китайский язык, их разговорным языком является монгольский. В настоящее время в автономном районе также говорят на языках национальностей хуэй, мань, корейцев. Но основным разговорным и письменным языком является китайский, поскольку ханьцы составляют большинство населения автономного района.

Наблюдается усиление работы в сфере здравоохранения. По состоянию на 2013 г. в районе функционировало 23264 ме-

дицинских учреждения. Это на 18553 учреждения больше, чем в 1984 г. В медицинских учреждениях число койко-мест с 1984 г. возросло в 1,3 раза. За тот же период на 62, 9 тыс. человек увеличилась численность медицинского технического персонала. В настоящее время на 10 тысяч населения приходится 48 койко-мест и 25 медицинских работников. Это на 23 койки и 7 человек больше, чем в 1984 г.²⁶

За 30-летний период действия Закона об автономии наблюдалось развитие культуры, сохранение и популяризация нравов и обычаев монгольского населения. В 2013 г. во Внутренней Монголии функционировало 103 дворца культуры, 114 публичных библиотек, 67 музеев, 146 архивов. 98,3% населения было охвачено радиовещанием, а 97,6% – телевидением. С 2009 г. в регионе стали проводиться крупные мероприятия по защите и сохранению монгольской традиционной одежды и национальных украшений. В результате тщательного подбора экспертами было доработано и завершено создание 106 комплектов костюмов, 34 комплекта головных уборов и других принадлежностей монгольского традиционного платья и украшений 28 монгольских племен и народностей эпохи династии Юань. В настоящее время все они переданы в Исторический музей автономного района Внутренняя Монголия²⁷.

Заметные изменения произошли и в других областях. Охват телефонной связью (включая стационарную и мобильную) составил 123,21 единицы на 100 человек. На конец года количество пользователей Интернета достигло 18,3223 млн. Активно развивается туризм, который становится одним из инструментов экономического роста. В 2013 г. доходы от туризма принесли в казну 140,346 млрд юаней, увеличившись по сравнению с 2000 г. в 31,9 раза.

Все достижения в социально-экономической, образовательной, медицинской, культурной и других сферах Автономного района Внутренняя Монголия, как отмечается, были достигнуты благодаря проводимой системе национальной автоно-

мии. Член Секретариата ЦК КПК, заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ду Цинлинь во время инспекционной поездки в АРВМ в июле 2014 г. отметил, что ключевым в деле ускорения социально-экономического развития национальных меньшинств и национальных районов является ускорение процесса всестороннего создания средне зажиточного общества. Он указал на необходимость концентрировать усилия на оказании помощи бедным, всевозможными способами увеличивать доходы населения, улучшать условия труда и жизни. Он также подчеркнул, что совершенствование системы районной национальной автономии заключается в обеспечении единства государства и усилении сплоченности всех национальностей и народностей Китая. Ключевым фактором, по его словам, является поддержание равенства всех национальностей и народностей, а основным звеном - органическое единство национального и районного факторов. Ду Цинлинь отметил, что Внутренняя Монголия является первым районом автономии неханьских национальностей Китая, здесь отмечается стремительное социально-экономическое развитие и видны очевидные преимущества работы с национальностями и народностями²⁸.

Несмотря на указанные достижения в автономном районе остается множество нерешенных проблем. Меры, предпринимаемые китайским руководством для улучшения жизни неханьцев в новых условиях, как показала практика, все еще являются недостаточными.

По-прежнему в автономном районе велика доля бедного и беднейшего населения. Бедность является одним из основных факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие Внутренней Монголии. Ареал распространения бедного населения достаточно широк, а уровень бедности очень высокий.

Во время визита в Автономный район Внутренняя Монголия Председатель Си Цзиньпин пожелал кадровым работникам и населению укреплять взаимопомощь и поставил перед ними

четыре задачи: 1) Воплощать в жизнь положения Закона о национальной автономии, усилить поддержку автономных районов. 2) Ускорить развитие экономики, активно регулировать производственную структуру. 3) Воплотить в жизнь меры по защите окружающей среды. 4) Гарантировать улучшение жизни народа, чтобы все народы пользовались результатами реформ и развития. Выступление Си Цзиньпина является своего рода программой по осуществлению гармоничного социально-экономического развития, по сокращению разницы со средними статистическими показателями Китая²⁹.

¹ Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Миньцзу цюйюй цзычжи фа (Закон КНР о районной национальной автономии) // «Жэньминь жибао», 1984, 4 июня.

² Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа (Закон КНР о районной национальной автономии). Пекин, 2001. С. 12-33.

³ *Вэнь Цзябао*. Гоюань шиши «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа» жогань гуйдин» (Установления Госсовета о проведении в жизнь «Закона КНР о районной национальной автономии») // Жэньминь жибао. 2005. 27 мая.

⁴ См. Извещение Канцлярии Госсовета КНР о публикации плана по национальной работе на 12-ю пятилетку. - «Гоюань гунбао». 2012.21.

⁵ Китайский информационный Интернет-центр, 31 июля 2007 г.

⁶ Агентство Синьхуа, 12 июля 2010 г.

⁷ Миньцзу туаньцзечжу хуэйхуан шуовансянчжу чуань вэйлай (Блестящий сплав национального единства, взаимопомощь создает будущее. Посвящается 30-й годовщине «Закона КНР об автономных национальных районах) // - «Бэйфан цзинци», 2014, №4, с. 12-14.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ server/infbank/sinhua/Rus_2014/04_2014/09/XxjwsrR000059_20140409_BJTFN1.txt - агентство Синьхуа, 9 апреля 2014г.

¹² server/infbank/sinhua/Rus_2014/04_2014/18/XxjwsrR000060_20140418_BJTFN1.txt - агентство Синьхуа, апрель 2014 г.

¹³ «Бэйфан цзинци», 2014, №4. С. 12-14.

¹⁴ Жэньминь жибао, 24 ноября 2007 г.

¹⁵ Агентство Синьхуа, 25 января 2012 г.

¹⁶ Агентство Синьхуа, 16 июля 2011 г.
http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2011-06/16/nw.D110000renmrb_20110616_4-01.htm

¹⁷ Агентство Синьхуа, 10 февраля 2011 г.

¹⁸ <http://russian.cri.cn/1281/2014/05/13/1s511112.htm>

-
- ¹⁹ Агентство Синьхуа, 3 декабря 2012 г.
²⁰ Агентство Синьхуа, 22 апреля 2014 г.
²¹ Агентство Синьхуа, 7 февраля 2013 г.
²² Агентство Синьхуа, 7 марта 2012 г.
²³ Агентство Синьхуа, 16 декабря 2014 г.
²⁴ «Бэйфан цзинци», 2014, № 4. С. 12-14.
²⁵ Агентство Синьхуа, 30 июня 2007 г., 2 июля 2007 г.
²⁶ «Бэйфан цзинци», 2014, № 4. С. 12-14.
²⁷ Агентство Синьхуа, 1 декабря 2010 г.
²⁸ Новости – 04.07.2014 г., Russian.news.cn 2014-07-04.
²⁹ «Бэйфан цзинци», 2014, № 4, с. 12-14.

15.

Картунова А.И.,
ИДВ РАН

**АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
"30 МАЯ" 1925 Г. И ПОЛИТИКА И ТАКТИКА РКП(Б)
И КОМИНТЕРНА НА РАЗНЫХ ЕГО ЭТАПАХ**

Аннотация: Рассмотрены два вопроса: китайская политика и тактика РКП(б) и Коминтерна во время антиимпериалистического «движения 30 мая» 1925 г. и формирование с весны 1925 г. в руководстве Советского Союза и Коминтерна новой расстановки акцентов, что касается роли политических, военных и социально-классовых сил в китайской национальной революции. Автор выражает свое отношение и дает оценку ряду положений и документов Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ, касающихся этих вопросов.

Ключевые слова: РКП(б), Коминтерн, Политбюро, политика, тактика КПК, ГМД, рабочий класс, буржуазия, «движение 30 мая».

Kartunova Anastasiya, Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences
a.kartunova@gmail.com

THE ANTI-IMPERIALIST “THE MAY THIRTIETH MOVEMENT” IN 1925 AND TACTICS OF THE SOVIET UNION AND THE COMINTERN

Summary: The author considers two issues the Chinese policy and tactics of the RKP(B) and the Comintern during the anti-imperialist “the May Thirtieth movement” in 1925 and the formation in the spring of 1925 by the leadership of the Soviet Union and the Comintern new accents with regard to the role of political, military and social-class forces in the Chinese National revolution. The author expresses her attitude and gives estimates of a number provisions of the RCP(b) Political Bureau and the ECCI concerning these issues.

Key words: RCP(B), Comintern, Politbureau, politics, tactics, CCP, KMT, working class, bourgeoisie, “the May Thirtieth movement”.

Обстановка в Китае накануне движения «30 мая» 1925 г. характеризовалась нарастанием революционной ситуации. В «Резолюции о национально-революционном движении», принятой IV съездом КПК (11–22 января 1925 г.), прямо говорилось: «Сейчас полуколониальный Китай идет к национальной революции»¹. И это было обоснованное предвидение.

В связи с подъемом национально-революционного движения в Китае, укреплением Южнокитайской революционной базы, установлением контакта Москвы с генералом Фэн Юйсяном, обратившимся в начале 1925 г. к Советскому Союзу за помощью оружием и советниками, а также в связи с отсутствием надежд на революционные выступления в близкой перспективе в странах Запада, с 1925 г. руководство РКП(б) и КИ усиливает внимание к происходившим в Китае событиям. Оно стремится к более широкому и глубокому внедрению своего влияния в развитие революционного процесса в Китае путем наращивания помощи Кантону и новому военно-

политическому фактору на Севере в лице Национальных армий Фэн Юйсяна.

Об антиимпериалистическом «движении 30 мая» 1925 г. опубликовано множество книг и научных статей, как в отечественной, так и в зарубежной историографии². Поэтому мы ограничимся кратким сообщением только о роли руководства КПК в разработке тактики борьбы рабочего класса и широких антиимпериалистически настроенных масс и организационной ее работе в этом движении, а также о значении этого движения для дальнейшего развития национальной революции 1925–1927 гг.³

Непосредственным поводом к всеобщей антиимпериалистической, особенно антияпонской, забастовке рабочих, торговцев и студентов Шанхая, крупнейшего промышленного центра⁴, явилось убийство в этом городе 15 мая 1925 г. рабочего текстильной фабрики Гу Чжэнхуна представителями японской администрации. Ответной реакцией стала забастовка 20000 рабочих японских текстильных фабрик. 28 мая Япония ввела в порт Циндао для устрашения бастующих текстильщиков военные корабли. Войска милитаристов убили 8 рабочих и 16 ранили. Все это вызвало бурю возмущения народа.

ЦИК КПК вечером 28 мая на экстренном совещании, в котором принимали участие Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Пэн Шучжи, Цай Хэсэнь, Юй Дайин, обсуждал вопрос о подготовке и проведении на улицах международного сэттльмента антиимпериалистической демонстрации. Развернулась дискуссия по вопросу, должны ли рабочие принимать в ней участие. По версии Ли Лисаня⁵, Цай Хэсэнь изложил свою позицию по вопросу о тактике в ближайшие дни: нужно объединить экономическую борьбу рабочих с бурно поднявшимся антиимпериалистическим движением и завоевать поддержку со стороны всех антиимпериалистических сил. При этом рабочие, вступив в единый фронт, станут его стержнем. Осуществление такой тактики, по мнению Цай Хэсэня, в сложившейся обстановке «вызовет раз-

вите огромного, еще невиданного антиимпериалистического движения»⁶. Было принято предложение Цай Хэсэня организовать 30 мая на улицах международного сэттльмента демонстрацию под политическими лозунгами, вести борьбу за создание широкого антиимпериалистического фронта всех революционных сил во главе с рабочими.

30 мая по безоружным демонстрантам на улице Наньцзинлу стреляла английская полиция. Было убито 13 человек, несколько десятков ранено, 53 – арестовано. Эта кровавая расправа потрясла китайцев и вызвала чувства негодования⁷. Начались стихийные антиимпериалистические выступления.

В этой обстановке ЦИК КПК решил направить спонтанный взрыв антиимпериалистических настроений в русло организованной борьбы за национальное освобождение Китая. На заседании ЦИК вечером 30 мая было принято решение призвать ко всеобщей антиимпериалистической забастовке рабочих, торговцев и студентов, создать единый антиимпериалистический фронт всех горожан Шанхая и с этой целью 31 мая организовать большую демонстрацию и митинги⁸.

Для создания легального руководящего органа шанхайских рабочих в предстоящей забастовке по решению ЦИК КПК 31 мая под руководством Цай Хэсэня, Цюй Цюбо, Ли Лисаня была созвана объединенная конференция представителей профсоюзных организаций города. Конференция постановила создать Шанхайский совет профсоюзов (ШСП), который сыграл в «движении 30 мая» выдающуюся роль⁹.

В ночь на 1 июня ШСП призвал рабочих города начать всеобщую забастовку¹⁰. Главная торговая палата (организация шанхайской буржуазии) так же подписала распоряжение о прекращении с 1 июня торговли в городе. Был объявлен бойкот английских и японских товаров. В тот же день прекратили занятия 50 тыс. студентов.

1 июня 1925 г. началась всеобщая забастовка рабочих, торговцев и студентов Шанхая. Коммунисты, находясь в сотруд-

ничестве с ГМД, руководили забастовочным движением через профсоюзы, не проявляя себя.

ШСП, председателем которого являлся Ли Лисань, с первых дней всеобщей забастовки стал центром сплочения борющихся масс.

По инициативе КПК 7 июня был создан руководящий орган всеобщей забастовки в Шанхае – Объединенный комитет рабочих, торговцев и студентов, в который вошли представители ШСП, Объединения торговцев всех улиц, Всекитайской ассоциации студентов и Шанхайского студенческого союза.

КПК разработала тактику рабочего класса в едином фронте: рабочие китайских фабрик добиваются только признания рабочих союзов, а рабочие иностранных фабрик дополнительно выдвигают требование покончить с присутствием иностранных военных частей в Шанхае, а также экономические требования. Вместе с тем КПК разоблачала перед массами слабые стороны национальной и мелкой буржуазии – их колебания, тенденции к соглашательству¹¹.

«17 требований»¹², выдвинутых 7 июня Объединенным комитетом рабочих, торговцев и студентов Шанхая для переговоров представителей пекинского правительства с представителями пяти держав (Англия, Япония, США, Франция, Италия) о «событиях 30 мая» включали в себя как программу, связанную непосредственно с «событиями 30 мая», так и с требованиями общенациональной значимости: уничтожение права консульской юрисдикции; вывод из Китая морских и сухопутных войск иностранных государств; признание за китайским народом права на свободу слова, печати, собраний на территории селтльментов; передача смешанного китайско-иностранного суда в руки китайцев; возвращение в руки китайцев селтльментов по истечении договорного срока; аннулирование законопроектов – «Дополнительные положения о работе типографий», «Увеличение торговых сборов», «Введение регистрации на бирже», ущемляющих права китайцев. В «17 требова-

ний» было включено главное классовое требование рабочих Шанхая: «За рабочими должна быть признана свобода организаций профсоюзов и право на забастовки»¹³. Таким образом, КПК пыталась следовать линии на сочетание национальных и классовых задач рабочих масс, сформулированной еще IV конгрессом КИ (1922 г.). По существу «17 требований» можно рассматривать как политическую программу «движения 30 мая».

12 июня Главная торговая палата выдвинула свои более умеренные «13 требований»¹⁴. В них, в частности, не были включены пункты о выводе английских и японских войск и отмене консульской юрисдикции.

Для организации забастовки в Гонконге (Сянган) и Кантоне (Гуанчжоу) КПК направила коммунистов Дэн Чжунся и Сян Ина. В Гонконге был создан подпольный стачечный комитет. Его возглавляли известный деятель профсоюза моряков Су Чжаочжэн и коммунисты Дэн Чжунся и Сян Ин¹⁵. Забастовка в Гонконге началась 19 июня 1925 г. Объединенное собрание представителей всех профсоюзов Гонконга выработало требования, предъявленные английским властям в Гонконге. В них входили кроме упомянутых «17 требований», шесть требований, касающихся положения рабочих и китайского населения Гонконга¹⁶. Забастовщики стали переправляться в Кантон. 23 июня они приняли участие в 100-тысячной антиимпериалистической демонстрации в Кантоне в поддержку движения протеста против шанхайского кровопролития. Морская пехота и полиция на территории концессии Шамянь по приказу английских и французских властей обстреляла безоружных демонстрантов из пулеметов. Было убито свыше 50 и тяжело ранено 178 человек. Этот преступный акт усилил размах забастовочного движения в стране. Число бастующих в Гонконге в первых числах июля достигло 250 тыс. человек¹⁷.

27 июня 1925 г. решением съезда представителей всех профсоюзов Гонконга и Шамяни был образован объединенный

Гонконг-Кантонский стачечный комитет. Забастовка отличалась высокой организованностью.

Кантонское правительство финансировало забастовку-бойкот, обеспечило бастующих жильем¹⁸, поскольку на определенном этапе это было ему выгодно – пополнялась казна Кантона.

Забастовка-бойкот продолжалась 16 месяцев, до 10 октября 1926 г., и завершилась по рекомендации Коминтерна и требованию кантонского правительства¹⁹.

Самыми значительными революционными выступлениями «движения 30 мая» явились всеобщая забастовка рабочих, торговцев и студентов Шанхая (июнь-август 1925 г.) и Гонконг-Кантонская забастовка-бойкот (19 июня 1925 г. – 10 октября 1926 г.). По оценке VI расширенного пленума ИККИ (март 1926 г.), эти две политические забастовки рабочих «создали переломный момент в освободительной борьбе китайского народа против иностранных империалистов»²⁰.

В «движении 30 мая» приняли участие в разных формах 17 млн китайцев. В 600 районов, городов, поселков по всему Китаю произошло более 135 забастовок с участием в общей сложности 500 000 рабочих²¹.

К концу сентября 1925 г. закончилась продолжавшаяся четыре месяца полоса политических забастовок «движения 30 мая», в котором рабочие под руководством КПК играли авангардную роль. Это движение явилось исходным этапом национальной революции 1925–1927 гг. «Движение 30 мая» под руководством КПК явилось «великим движением, в котором китайская нация дала прямой отпор империализму» – это одна из оценок, которые даны в истории КПК²². «Движение 30 мая» явилось также важным этапом политического, организационного и идейного роста КПК. Оно сыграло большую роль в развитии и численном росте КПК²³.

С выходом 23 июня из всеобщей забастовки Главной торговой палаты Шанхая, а затем и мелких городских торговцев,

КПК нуждалась в разработке новой тактики в забастовочном движении рабочих, оставшихся без союзников.

Многочисленные документы, опубликованные в I томе пятитомного (в 8-ми книгах) издания сборников документов под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай» – постановления и директивы Политбюро ЦК РКП(б) и КИ, Китайской комиссии Политбюро, письма и доклады представителей КИ в Китае, советских советников, работников Восточного отдела ИККИ и множество других расширили для исследователей источниковую базу, в том числе для анализа китайской политики Советского Союза и Коминтерна в период «движения 30 мая» 1925 г. Автор, опираясь на документы, включенные в этот том и другие источники, предлагает краткое изложение того нового, что содержится в них по двум вопросам и выражает свое отношение к ряду положений документов Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ указанного периода.

1. Китайская политика и тактика РКП(б) и Коминтерна во время «движения 30 мая»

Судя по имеющимся документам и материалам, взрыв революционных событий в конце мая – начале июня в Шанхае явился для руководства РКП(б) и КИ неожиданным. Первой реакцией Москвы на всеобщую забастовку рабочих, торговцев и студентов Шанхая явились решения двух заседаний Политбюро ЦК РКП(б) от 11 и 18 июня 1925 г. об ассигновании из резервного фонда СНК СССР по 50 тыс. рублей в распоряжение ВЦСПС (которые надлежало немедленно отправить в Шанхай по телеграфу от ВЦСПС)²⁴. Кроме того, в решении от 11 июня содержалось указание: на митингах проводить резолюции о начале сбора средств в пользу китайских рабочих; ВЦСПС принять меры к оживлению общества «Руки прочь от Китая».

Видимо, ознакомившись с развитием «движения 30 мая», Инстанция²⁵ на заседании 25 июня 1925 г. [протокол № 68 (особый № 51)] утвердила по существу директивы, какой по-

литики и тактики должны следовать бастующие рабочие, представители ИККИ в Китае, а также советские работники и КПК. Эти директивы носят наступательный характер, и мы приведем их почти полностью как главный документ о политике и тактике Политбюро ЦК РКП(б) по указанному вопросу, когда «движения 30 мая» находилось на подъеме: «1) Революционное движение в виде бойкота частичных и общей забастовки, особенно железнодорожной забастовки – двигать вперед обязательно, не боясь обострения кризиса; 2) От убийств и избиений иностранцев, от грубых националистических выходок ... (отточие мое. – А.К.) и тем более от погромов обязательно воздерживаться, предостерегая об этом рабочих, лавочников и интеллигенцию открыто, дабы не дать провокаторам из иностранцев повода говорить о боксерском характере движения²⁶ и не облегчить империалистам острое вооруженное вмешательство; эти предостережения должны исходить прежде всего от Китайской компартии; 3) Повести бешенную агитацию против Чжан Цзолиня, а его армию разложить и революционизировать, помня, что Чжан Цзолинь – есть главное оружие в руках империалистов».

Особо выделим два последующих пункта этого документа, поскольку они ярко отражают политику РКП(б) и КИ в тот период вмешиваться во внутренние процессы в Китае в целях ускорить развитие революции в этой стране. Цитирую: «4) Принять меры к тому, чтобы существующее китайское правительство сохранило благожелательный нейтралитет к движению или, если это не удастся, расколоть и парализовать правительство, дабы отнять у империалистов возможность прикрываться в своих действиях против революции китайским правительством; 5) Если меры, изложенные в предыдущем пункте, не увенчаются успехом, вести дело на разгон правительства и составление нового с привлечением гоминдановцев, опираясь на армии Фэна [Фэн Юйсяна] и Гоминьдана»²⁷.

Отметим, что предложенная в этих двух пунктах тактика была подготовлена без владения точной информацией о действительном положении в Китае. Так, в Москве, вероятно, не было известно, что Фэн Юйсян в то время еще не заявлял о желании сблизиться с ГМД, хотя в его Национальной армии были сторонники ГМД. Армия Кантона (с 1 июля, когда кантонское правительство объявило себя Национальным правительством Китайской Республики, ее армия стала называться Национально-революционной армией (НРА) лишь проводила реформу по планам В.К. Блюхера²⁸ для подготовки к Северному походу в условиях отсутствия единства входивших в нее армий (Юньнаньской, Гуансийской и других «пришельцев»).

Далее в этом постановлении напоминается о необходимости всестороннего организационного закрепления, создания ячеек, опорных пунктов; члены ЦК РКП(б) и другие ответственные работники должны воздерживаться в их устных и печатных выступлениях от афиширования роли ИККИ и РКП в китайском революционном движении и др. Однако скрыть их роль в последнем было чрезвычайно трудно, особенно от держав Европы, США и Японии, имевших свои «интересы» в Китае и внимательно следивших за работой в Китае советских коммунистов и представителей КИ. В результате в 1926 г. под давлением держав Политбюро ЦК РКП(б) вынуждено было принять решение пойти на временное отступление и «передышку» для Советского Союза и революционного движения Китая.

В июле 1925 г. забастовочное движение рабочих, участников «движения 30 мая», пошло на спад по ряду причин: постепенный выход из забастовки национальной и мелкой городской буржуазии, прекращение Главной торговой палатой Шанхая финансовой поддержки²⁹ бастующим рабочим, усиление давления, а в некоторых городах и начавшиеся репрессии в отношении стачечников и профсоюзов, ожидаемое вмешательство военных сил Чжан Цзомина с целью подавления «движения

30 мая», а также давление держав Запада, США и Японии с той же целью.

В связи со спадом забастовочного движения Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ нашли необходимым внести изменения тактики КПК в этом движении. Китайская комиссия Политбюро, получив информацию из Китая, а также учитывая мнение Коминтерна о том, что движение идет на убыль, 28 июля приняла постановление о необходимости принять меры, обеспечивающие организованный выход из стачечной борьбы, максимальное закрепление достигнутых успехов. Кроме того «указать на необходимость выработать конкретные требования, на основе которых выгоднее всего было бы закончить стачку.

Окончание стачки связать с подготовкой дальнейшей борьбы ...»³⁰.

Для разработки тактики выхода из стачечного движения без ущерба для бастующих рабочих, из Москвы в Пекин 3 августа 1925 г. прибыл представитель КИ Г.Н. Войтинский с заданием совместно с полпредом Л.М. Караханом выработать дальнейшую тактику в забастовках в Шанхае и Гонконге.

Основной смысл разработанной ими тактической линии, на основе которой было решено проводить «спуск на тормозах» забастовок в Шанхае и Гонконге, заключался в том, что рабочие продолжают забастовки не под лозунгами общенационального значения, а экономического и местно-национального значения, что явится удачной платформой для разговора с иностранными предпринимателями. При этом «следует заявлять, что основной причиной, почему рабочим пришлось отступить, является антинациональная реакционная политика Чжан Цзолиня, применяющего репрессии к нац[иональным] и рабочим организациям, выполняя задания империалистов»³¹. Заявляя о своих минимальных требованиях, по удовлетворению которых они возвращаются на работу, рабочие, через Советы профсоюзов, должны заявлять, что будут поддерживать пекинское правительство, если оно будет продолжать борьбу за аннулирова-

ние неравных договоров и других требований, выставленных Объединенным комитетом рабочих, торговцев и студентов Шанхая в его «17 требованиях». И наконец, рабочие будут требовать от пекинского правительства в целях наиболее успешного создания национального фронта в борьбе с империалистами объединиться с гоминьдановским правительством, поскольку забастовки в Шанхае и Гонконге «могут быть прекращены с выигрышем и для национального движения лишь в случае совместного выступления этих обеих правительств»³².

КПК приняла эти рекомендации (полагаю, без последнего, невыполнимого) и несмотря на разгон ШСП и репрессии со стороны введенных в Шанхай подразделений войск Чжан Цзолиня и объявления военного положения в городе партии удалось смягчить эти удары, сохранить основные кадры как профсоюзов, так и КПК.

Коминтерн, начиная с первой недели июня, развернул широкую пропагандистскую кампанию, вовлекая в нее свои дочерние организации – Профинтерн и КИМ. Эта кампания в поддержку борьбы китайских рабочих была развернута в странах Азии, США и Южной Америки.

17 июня Президиум ИККИ направил телеграмму центральным комитетам компартий Франции, Италии, США и других стран с указанием принять все необходимые меры для привлечения широкого общественного мнения рабочих масс к борьбе китайского народа за свою независимость, организовать митинги протеста и сборы средств совместно с социалистами и беспартийными рабочими, организовать выступления под лозунгами: «Вон империалистов из Китая!»; «Отмена позорных для Китая договоров, отмена экстерриториальности», «Удовлетворение бастующих рабочих», немедленное предание суду ответственных и виновных за расстрел рабочих и студентов в Шанхае, Циндао и других местах»³³.

6 июля 1925 г. ИККИ направил письмо в адрес ЦИК КПК³⁴, в котором указывал, что «события в Китае приближаются к

переломному моменту», который должен произойти в близком будущем, и что КПК должна быть к этому готова. Речь шла о том, что партии необходимо предпринимать меры «в особенности при маневрах во время отступления в случае поражения». Последние два документа были известны историкам и раньше. Но мы обращаемся к ним, чтобы было более полное представление о китайской политике ИККИ в тот период по мобилизации коммунистического и рабочего движения в целях поддержки бастующих рабочих Китая.

Из содержавшихся установок названного письма ИККИ мы выделим требование о необходимости использовать все возможности «теперешнего момента» «для закрепления и *легализации явочным порядком* (курсив мой. – А.К.) все органы и средства работы партии в массах». На наш взгляд, это важное указание ИККИ, что КПК, сотрудничая с ГМД, работала фактически на его авторитет, не проявляя себя. Поэтому решение этой задачи в условиях «теперешнего момента», когда рабочие уже остались без союзников и начался «спуск» забастовочного движения, было для КПК чрезвычайно трудным. Небезынтересно, что ИККИ понимал сложность и риск КПК при борьбе за легализацию ее работы. Он указывал, что КПК должна вести ее так, чтобы в случае неуспеха в этой борьбе «партийная работа по возможности не пострадала». Поэтому рекомендовалось компартии, учитывая существующие условия, «обязательно готовиться к возможным отступлениям на позицию нелегальной борьбы»³⁵.

Всякая тактика действительна, если она разработана с учетом сил для ее реализации. В то время силы КПК были весьма ограниченны, она еще не была известна широким массам. Отметим, что даже во время высокого подъема национальной революции 1925–1927 гг. (июль 1926 г. – до 12 апреля 1927 г.) КПК вела работу среди масс под знаменем ГМД, а не под своим знаменем. Более того, после поражения революции КПК вела арьергардные бои под знаменем левых гоминдановцев (по ав-

густ 1927 г.) именно потому, что широким массам она была мало известна.

2. *Формирование в руководстве ВКП(б) и Коминтерна с весны 1925 г. новой расстановки акцентов, что касается роли политических, военных и социально-классовых сил в китайской национальной революции.*

При рассмотрении вопроса о политике и тактике ВКП(б) и КИ во время «движения 30 мая» следует иметь в виду, что в 1925 г. в ВКП(б) и КИ шел поиск уточнения некоторых положений их китайской политики и тактики. В частности, в руководстве Советского Союза к весне того года стала вырисовываться новая расстановка акцентов в тактике в китайской революции. Советское руководство, учитывая особенности развития национально-революционного процесса 1920-х гг. и общую военно-политическую обстановку в Китае, все больше утверждалось во мнении, что «решающим фактором национальной революции в Китае является военная сила³⁶, а массовое движение рабочих и крестьян, городской мелкой буржуазии и интеллигенции призвано играть вспомогательную роль»³⁷. Последнее отнюдь не означало, что РКП(б) и Коминтерн снизили внимание к вопросам рабочего и крестьянского движения в Китае, работе КПК в профсоюзах. Нам не известны документы, свидетельствующие об изменении в оценке главной силы, способной объединить Китай (возможно, они еще не рассекречены). Но об этом свидетельствует практика, особенно соотношение санкционированных Политбюро ЦК РКП(б) финансовых средств для помощи забастовщикам Шанхая и других городов и на поставки вооружения и военной техники Кантону и Национальным армиям Фэн Юйсяна.

Забастовщики в период «движения 30 мая» получили из Москвы в общей сложности 615 000 рублей³⁸. Сюда входят 400000 руб., собранные рабочими Советского Союза и переданные бастующим китайским рабочим во время пребывания делегации ВЦСПС в Китае летом 1925 г.

В то же время, 11 июня 1925 г. постановлением Инстанции (протокол № 66 (особый № 49)) был утвержден общий расход для Кантона по 1 октября 1925 г. в сумме 4610134 руб. на оружие, его перевозку, формирование двух новых дивизий в Кантоне и пр. 22 октября 1925 г. Политбюро постановило (протокол № 84 (особый № 66)) принять предложение Китайской комиссии³⁹ об отпуске Китаю 15441584 руб. 58 коп. «с тем, что: 1) выдача оружия для Китая (Кантону и Национальным армиям Фэн Юйсяна. – *А.К.*), предусмотренная Киткомиссией, производится в кратчайший срок, сообразуясь с техническими возможностями»⁴⁰.

Наряду с этим Москва стала привлекать внимание КПК к необходимости вести военную работу. Восточный отдел ИККИ, в августе 1925 г. разработал проект директивы о военной работе КПК⁴¹. Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б), изучив этот проект, приняла 21 августа 1925 г. постановление о военной работе КПК. В нем рекомендовалось: военную работу вести, создать для этого военный аппарат КПК; работа должна идти по линии разложения враждебных армий, информации, работы на тылах, создания рабочих и крестьянских отрядов; проведение военной работы Киткомпартией отнюдь не должно означать устранение Гоминьдана от этой работы. Компартия через своих товарищей должна сохранять и завоевывать включение и руководство в военной работе Гоминьдана; вести более энергичную работу над хунхузским движением⁴².

С учетом этих разработок октябрьский (1925 г.) пленум ЦИК КПК принял решение создать Комитет военного движения. Постановлением ЦИК КПК от 12 декабря этот орган был преобразован в Военный отдел (ВО) В него вошли Чжан Готао (председатель), Ван Ифэй (зам. председателя).

23 ноября 1925 г. в Шанхай прибыл А. Хмелев в качестве советского военного советника Военного отдела ЦИК КПК. Работа ВО началась с организации и военной подготовки рабочих дружин в Шанхае и в Кантоне. С созданием ВО этой рабо-

те был придан планомерный характер и широкий размах. Рабочим отрядам (дружинам) на местах ставилась задача «защиты интересов рабочих». Боевых задач в то время не ставилось. С началом Северного похода НРА (9 июля 1926 г.) основное внимание ВО было обращено на разностороннюю помощь походу.

Военные кадры китайских коммунистов и гоминьдановцев (последних по апрель 1927 г.) готовились в Советском Союзе во многих военных учебных заведениях разного профиля. Кроме того, определенную военную подготовку в летние каникулы проходили в Подмоскowie студенты КУТК им. Сунь Ятсена и других учебных заведений КИ. Ф.Ф.Раскольников (зав. Восточным отделом ИККИ) 24 августа 1925 г. внес предложение об организации краткосрочных военных курсов для 25–30 китайских коммунистов⁴³. 17 сентября Инстанция постановила ассигновать дополнительно на организацию военно-политических курсов для китайских коммунистов 15 000 руб.⁴⁴.

Коммунисты составляли прослойку в военной школе Вампу (Хуанпу), в которой готовились кадры младшего и среднего командного состава для армии ГМД. Длительное время (точный срок неизвестен) эта школа функционировала на средства Советского Союза. По крайней мере, известно, что в октябре – ноябре 1924 г. в месяц школа получала из Советского Союза 100000 кантонских долларов⁴⁵.

Таким образом, в 1925 г. военный фактор в китайской политике Советского Союза и КИ вышел на передний план.

Мы здесь не касаемся целого ряда подвергшихся в 1925 г. корректировке китайской политики РКП(б) и КИ, в частности, касающейся тактики в отношении ГМД под влиянием резкого поворота «влево» решений V конгресса КИ (17 июня – 8 июля 1924 г.). Так, выступая 18 мая 1925 г. перед студентами КУТВ, И.В. Сталин поставил задачу перед коммунистами таких стран, как Египет и Китай, от политики единого национального фронта перейти «к политике революционного блока рабочих и мел-

кой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской...»⁴⁶. В Китае эту задачу должна была решать КПК через работу в ГМД.

¹Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Т. I. (1921-1925). Пекин. Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ. 1990. С. 331.

²См., например: Сюй Ши-хуа, Цян Чун-хуа. Движение 30 мая. М. 1957; Дэн Чжунся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. Пер. с кит. яз. М. 1952. С. 211-302; Акатова Т.Н. Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. М. 1959; Картунова А.И. Руководящая роль рабочего класса во всеобщей забастовке рабочих, торговцев и студентов Шанхая в 1925 г. // Из истории революционной борьбы. М. 1960. С. 97-135; Она же. Деятельность Шанхайского совета профсоюзов в июне-августе 1925 г. // Проблемы востоковедения. М. 1960. № 2. С. 91-104; Она же. Китайский рабочий класс в движении «30 мая» (К 50-летию начала китайской революции 1925-1927 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1975. № 8. С. 75-86; Глунин В.И. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921-1925 гг.). В 2-х книгах. Книга первая. КПК накануне и в начале революции (1921-1925 гг.) М. 1975. С. 204-243; Шэно Жан. Китайское рабочее движение 1919-1927 гг. М. 1969. С. 334-391. Пер. с фр. яз.; Новейшая история Китая 1917-1927. М. 1983. С. 209-236; The Rise of the Chinese Communist Party 1921-1927. Vol. One of the Autobiography of Chang Kuo-t'ao. The University Press of Kansas. N.Y. 1971. Pp. 422-444; Цзинь Чунцзи. XX шицзи чжунго шиган (Очерк истории Китая XX века. Пекин. Шэхуэй кэсюэ вэньцзянь чубаньшэ. Кн. первая. 2009 (целая глава); Ван Цишэн. Чжунго цзиньдайши тунши. Гогун хэцэо юй гомин гэмин (1924-1927). (Новая история Китая. Сотрудничество Гоминьдана и КПК и национальная революция (1924-1927). Т. 7. Общей истории в 10-ти томах (1924-1927). Нанкин. Цзянсу Жэньминь чубаньшэ. 2006. С. 133-178; The Cambridge History of China. Vol. 12. Republican China 1912-1949. Part 1. Chap. 11. The National Revolution: from Canton to Nanking 1923-1928. by C. Martin Wilbur. Edited by John K. Fairbank. Cambridge University Press. 1983. Pp. 547-559.

³В китайской историографии эта революция именуется Великой революцией (да гэмин) 1924-1927 гг., то есть, начиная с установления сотрудничества Гоминьдана и КПК на I съезде ГМД (январь 1924 г.) и создания на базе их сотрудничества единого антиимпериалистического фронта. Отдельные китайские историки считают началом революции 1923 года, когда Сунь Ятсен вернулся из Шанхая в Кантон после вынужденного отплытия туда в 1922 г.

⁴В современной китайской историографии приводится общая численность рабочих в Китае накануне «движения 4 мая» 1919 г. свыше 2 млн человек // Чжунго гунчаньдан лиши 1921-1949. Т. 1. Кн. 1. С. 32. Всего же наемных рабочих, включая кустарей, кули, сельских рабочих и других, насчитывалось около 40 млн. // Там же; по подсчетам французского историка Жана Шэно, в 1919 г. в Китае было около 1,5 млн промышленных рабочих // Шэно Жан.

-
- Указ. соч. С. 80-81. По моим подсчетам, к началу 1920-х гг. в Китае было около 2 млн фабрично-заводских рабочих, в том числе – 500 тыс. в Шанхае.
- ⁵Единственным известным источником об этом совещании являются воспоминания Ли Лисаня: Ли Минь (Ли Лисань). Цзиньянь Цай Хэсэнь тунчжи (вспоминаю товарища Цай Хэсэня) // Леши чжуань (Биографии [китайских коммунистов], павших в боях [за освобождение китайского народа]). М. 136. Сборник первый. С. 135-142. Эти воспоминания были опубликованы с сокращением на русском языке в сборнике материалов «Национально-колониальные проблемы». № 1 (38). М. 1937. С. 84-88. Позже под тем же названием материал был опубликован в сборнике: Чжунго гунчаньдан лешичжуань под редакцией Хуа Иншэна. Циньнянь чубаньшэ. 1951. С. 94-96 и в «Хунци пяо пяо». 1957. № 5. С. 46-50. Обе последние публикации за подписью Ли Лисаня.
- ⁶Ли Минь (Ли Лисань). Цзиньянь Цай Хэсэнь тунчжи. М. 1936. С. 138-139.
- ⁷«Инцидент тридцатого мая, как пишет Martin Wilbur, дал толчок огромной силы [для развития] национальной революции». // Wilbur C. Martin. Op. cit. P. 549
- ⁸Ли Минь (Ли Лисань). Цзиньянь Цай Хэсэнь тунчжи. М. 1936. С. 139.
- ⁹Более подробно об этом см.: Картунова А.И. Деятельность Шанхайского совета профсоюзов в июне-августе 1925 г. // «Проблемы востоковедения». 1960. № 2. С. 91-104.
- ¹⁰Чжунго гунъюн шиляо (Материалы о рабочем движении). Пекин. 1958. № 2. С. 103.
- ¹¹Цай Хэсэнь. История оппортунизма в Коммунистической партии Китая // «Проблемы Китая». 1929. № 1. С. 7.
- ¹²Текст «17 требований» См.: Дэн Чжун-ся. Указ. соч. С. 231-234.
- ¹³Там же. С. 232.
- ¹⁴Там же. С. 234-235.
- ¹⁵Акатова Т.Н. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁶Перечень шести требований приведен в книге: Сяо Чаожань. Кантон-Гонконская забастовка. М. 1958. С. 16.
- ¹⁷Чжунго гунчаньдан лиши. 1921-1949. Т. I. Кн. 1. С. 169.
- ¹⁸Кантонское правительство ежемесячно выдавало стачечному комитету 30 тыс. юаней // «Дагунбао», 25 декабря 1950 г. То же: Ван Цишэн. Указ. соч. С. 178. В историографии приводятся и другие цифры. См., например, Гунчаньдан лиши 1921-1949. Т. I. кн. 1. С. 170 – цифра 10 тыс. юаней.
- ¹⁹Чжунго гунчаньдан лиши 1921-1949. Т. I. кн. 1. С. 165.
- ²⁰Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М. 1986. С. 58. (док. № 19).
- ²¹Ван Цишэн. Указ. соч. С. 169.
- ²²Чжунго гунчаньдан лиши 1921-1949. Т. I. кн. 1. С. 167.
- ²³Подробно см.: Там же. С. 167-168.
- ²⁴ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 573 (док. № 154), С. 575 (док. № 155).
- ²⁵Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б).

-
- ²⁶Речь идет о выступлении против иностранцев в период восстания ихэтуаней в 1899-1901 гг. В западной литературе оно называется Боксерским восстанием, так как на знамени восставших изображена поднятая рука вверх со сжатыми в кулак пальцами.
- ²⁷ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 576 (док. № 156).
- ²⁸См.: Блюхер В.К. Перспективы дальнейшей работы на Юге, или большой план военной работы Гоминьдана на 1926 год // Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае 1924-1927 гг. Документированный очерк. Документы. Изд. 2-е, доп. М. 1979. С. 196-207 (док. № 10). Основные положения доклада впервые были изложены Блюхером в марте 1925 г. на Совещании, а весь план – 15 июня на военной конференции.
- ²⁹«Генеральная забастовка в Шанхае и других местах поддерживалась на 9/10 материальными средствами буржуазии. // Из докладной записки Г.Н. Войтинского из Шанхая от 19 августа 1925 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 591 (док. № 164).
- ³⁰Там же. (док. № 158).
- ³¹Цит. По: Письмо Г.Н. Войтинского Ф.Ф. Раскольникову от 4 августа 1925 г. // Там же. С. 585 (док. № 159).
- ³²Там же.
- ³³Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 50-52 (док. № 16). С. 53 (док. № 17).
- ³⁴Текст письма см.: Там же. С. 53-57.
- ³⁵Представитель КИ в Китае Г.Н. Войтинский в докладной записке из Пекина от 28 сентября 1925 г. констатировал, что КПК руководила и маневрировала массами в прошлом лишь во время подъема, а «во время спуска при значительных, больших репрессиях она научается руководить и маневрировать лишь в последнее время». И, как он писал далее, «урок дается очень трудно, что сказалось после разгрома в Шанхае Совета профсоюзов и всех союзов по профессиям, входящим в Совет» [ШСП] // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 620-621 (док. № 181).
- ³⁶Например, И.В. Сталин коснулся этой темы в письме Л.М. Карахану от 6 марта 1925 г.: «Одной дивизии [сформированной при военной школе Вампу], организованной по-советски, конечно мало. Надо бы заложить и оформить несколько дивизий. Без этого теперь в Китае нельзя. ... (отточие мое. – А.К.). Следует помнить, что в Китае армия является наиболее важным организующим элементом (я говорю, конечно, о действительной армии, связанной с народом) ... (отточие мое. – А.К.). На армию, ее улучшение и ее комплектование нужно обратить теперь особое внимание» // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы. Август 1923 г. – 1926 г. С. 474 (док. № 132).
- ³⁷ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 494. Вводная статья.
- ³⁸ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 573. (док. № 154), С. 575 (док. № 155), С. 587 (док. № 160).

-
- ³⁹Точный перечень видов оружия, подготовленный Киткомиссией Политбюро на поддержку вооружением Кантона и армий Фэн Юйсяна см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 645 (док. № 192).
- ⁴⁰Там же. С. 651. (док. № 194).
- ⁴¹Текст проекта см.: Там же. С. 594-601 (док. № 165).
- ⁴²Там же. С. 602. (док. № 166).
- ⁴³См.: Там же. С. 605. (док. № 169).
- ⁴⁴Там же. С. 610 (док. № 175).
- ⁴⁵См.: Картунова А.И., В.К. Блюхер в Китае 1924-1927 гг. Документированный очерк. Документы. Изд. 2-е, дополнен. М. 1979. С. 77 (док. № 1).
- ⁴⁶См.: Сталин В.И. Соч. Т. 7. М.1947. С. 147.

Подписано к печати 28.09.2015 г.
Печ.л. 12,0. Тираж — 135 экз. Заказ № 4
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН.
Москва, 117997, ГСП-7, Нахимовский пр-т, 32.
www.ifes-ras.ru